

Марло Морган

Послание с того края земли

Человек не плетет паутину жизни, он лишь ниточка в ней. Все, что он делает, он делает для себя.

Вождь Сиэттл

Единственный способ пройти любое испытание пойти на испытание. Это неизбежно.

Царственный Черный Лебедь

*Только когда будет срублено последнее дерево,
Только когда будет отравлена последняя река,
Только когда будет выловлена последняя рыба,
Только тогда вы поймете, что деньги нельзя есть.*

Индийское пророчество

*Придя в этот мир ни с чем,
Покину его без всего,
Я видела жизнь во всей полноте,
Скитаясь с пустыми руками.*

Марло Морган

От автора к читателю

Эта книга была написана на основе реальных событий и личного опыта. Как вы увидите, дневника я не вела. Она подается как роман, цель которого защитить маленькое племя аборигенов от так называемого законного вмешательства в их жизнь. Я убрала некоторые подробности ради друзей, которые не пожелали быть узанными, а также для того, чтобы не раскрывать священную тайну их местопребывания.

Я избавила вас от необходимости посещать публичную библиотеку, включив в книгу кое-какие исторические сведения. Я могу также избавить вас от поездки в Австралию. Условия, в которых проживают сегодняшние австралийские аборигены, можно увидеть в любом американском городе: темнокожие люди живут в своих гетто, более половины из них — на пособия. Если они и заняты, то в основном физическим трудом. Они утратили свою культуру подобно американским индейцам, согнанным в резервации и не имеющим права следовать своим священным традициям из поколения в поколение.

Я не могу избавить вас лишь от Послания Искаженной.

Америка, Африка и Австралия пытаются улучшить межрасовые отношения. А между тем где-то в центре высохшей австралийской пустыни медленно, ритмично бьется сердце древнего народа — уникальной группы людей, лишенных расовых предрассудков, не обеспокоенных ничем, кроме судьбы всех себе подобных и окружающей среды. Услышать биение их пульса — значит понять, что такое быть человеком и что такое человеческое бытие.

Эта книга — мирный, самостоятельно опубликованный мной труд, который вызвал многочисленные споры. Прочтя ее, вы можете прийти к нескольким выводам. Читателю может показаться, что человек, которого я называю своим переводчиком, в предшествующие годы, вероятно, не соблюдал правительственные законы и постановления. Речь идет о переписи, налогах, участии в голосовании, пользовании землей, получении разрешения на добычу ископаемых, регистрации смертей и рождений и т. п. Возможно, он содействовал гражданскому неповиновению своих соплеменников. Меня попросили предъявить этого человека общественности и провести группу по нашему маршруту в пустыне. Я отказалась! Так что вы можете обвинить меня в том, что я помогаю этим людям пребывать

не в ладах с законом, либо во лжи, поскольку я не предъявляю вам членов племени, которых, следовательно, вовсе не существует.

Мой ответ таков: я не говорю от имени всех австралийских аборигенов. Я говорю только об одном маленьком, обитающем в пустыне народе, который называют Дикими, или Древними Людями. Я побывала у них еще раз накануне своего возвращения в Штаты в январе 1994 г. Тогда я вновь получила их благословение и одобрение моих действий.

Вам, читатель, я хочу сказать вот что: мне представляется, что некоторые из вас готовы лишь к тому, чтобы их развлекали. Если вы один из них — читайте, получайте удовольствие и уходите, как после хорошего представления в театре. Для вас все это — чистый вымысел, и вы не будете разочарованы: деньги потрачены не зря.

Но если вы из тех, кто способен услышать послание, — оно придет к вам, звуча громко и сильно. Вы почувствуете его нутром, сердцем, головой, костным мозгом. Вы увидите, что вполне могли оказаться избранным для этого странствия, и поверите мне, о чем я и мечтала.

Все мы должны пройти через свой собственный опыт в том краю.

Просто со мной это случилось в буквальном смысле слова на краю света. Но я сделала то, что рано или поздно придется сделать и вам, неважно, будете вы при этом обуты или босиком.

Пусть эти люди прикоснутся К вашему сердцу, пока вы будете листать страницы книги. Я пишу на английском языке, но правда их жизни беззвучна.

Я предлагаю вам вкусить мое послание, выбрать из него то, что вам подходит, и выкинуть все остальное; в конце концов, таковы вселенские законы.

По традициям людей пустыни я взяла себе новое имя, соответствующее моему новому таланту.

Искренне ваша, Странствующий Язык

Послание с того края земли

Эта книга — художественное произведение, на которое меня вдохновил мой австралийский опыт. Подобное могло случиться и в Африке, и в Южной Америке, и в любом другом месте, где еще жива истинная цивилизация. Читателю остается лишь вынести из этой истории послание для самого себя.

М. М.

1. Почетный гость

Я ничего не предчувствовала, хотя явно могла бы. События уже разворачивались вовсю. Стая хищников затаилась в милях отсюда, ожидая появления добычи. Багаж, распакованный мной час назад, завтра будет отправлен с биркой «не востребовано» в камеру хранения и останется там на долгие месяцы. Я стану просто еще одной американкой, затерявшейся в чужой стране.

Было душное октябрьское утро. Я стояла у окна пятизвездочного австралийского отеля в ожидании неведомого мне турагента. Вместо предчувствия неприятностей мое сердце переполнял поющий восторг. Настроение у меня было прекрасное, все складывалось удачно, я чувствовала себя отлично и была готова на многое. Будто все говорило мне: «Сегодня твой день».

Джип с открытым верхом повернул к отелю. Я помню скрип тормозов на дымящемся асфальте. Тонкая струйка воды из поливального устройства на газоне окатила листву свешивающихся с бордюра блестящих ершиков красноватой травы и чуть коснулась ржавого металла. Джип остановился, и тридцатилетний водитель-aborиген внимательно посмотрел на меня. «Пошли!» — махнул он смуглой рукой. Он был прислан сюда за светловолосой американкой. У меня намечался визит в племя аборигенов. Под пристальным взглядом голубых глаз австралийского швейцара, выражающего всем своим видом общее неодобрение, мы с шофером без лишних слов поняли друг друга.

Еще до того как неуклюже вскарабкалась на высоких каблуках на сиденье внедорожника, я поняла, что слишком тепло одета. На молодом водителе справа от меня были только шорты, поношенная белая футболка и теннисные туфли на босу ногу. Когда я договаривалась о встрече, мне казалось, что за гостьей пришлют нормальную машину, может быть «Холдею» — гордость австралийских производителей. Я и не предполагала, что за мной явятся в каком-то открытом кабриолете. Ладно, для такой встречи лучше быть одетой слишком тепло, чем слишком фривольно, — ведь это банкет в мою честь.

Я представилась. Водитель просто кивнул, будто хорошо знал, кто я такая. Швейцар нахмурился, когда машина пропыхтела мимо него. Мы катили по улицам приморского города, мимо домов с верандами, придорожных кафе и зацементированных парков без газонов. Я вцепилась в ручку дверцы, когда мы поворачивали на круговую развязку с шестью расходящимися во все стороны дорогами. Направление сменилось, и солнце оказалось прямо за моей спиной. Недавно приобретенный деловой костюм персикового цвета и шелковая блузка в тон стали неприятно влажными. Я подумала, что место, куда мы едем, находится в городе, но ошиблась. Мы съехали на шоссе, бегущее параллельно морю. Очевидно, встреча состоится за городом, дальше от отеля, чем я ожидала. Я сняла пиджак, размышляя о том, как глупо было с моей стороны не выяснить все заранее. Ну ладно, по крайней мере, в сумочке у меня есть щетка, а мои осветленные волосы до плеч заколоты в модный пучок.

Мое любопытство не утихало с момента первого телефонного звонка, хотя не могу сказать, что это было большим сюрпризом для меня.

В конце концов, я и раньше получала общественное признание, а данный проект имел наибольший успех. Работа с проживающими в городе, отчасти замкнутыми в определенную касту взрослыми аборигенами, открыто демонстрировавшими свои суицидальные наклонности, разработанная для них программа по постановке жизненных целей и достижению финансового благополучия — все это должно было быть замечено рано или поздно. К моему удивлению, вызвавшее меня племя жило в двух тысячах милях, на противоположном берегу континента, но я слишком мало знала о местных народностях, разве что пустые слухи иногда доходили до меня. И не знала, были ли они тесно связаны семейными узами или, подобно коренным американцам, сильно различались в культуре и языке.

Меня действительно интересовало, что же я получу: очередной деревянный резной значок, который придется взять с собой на память в Канзас-Сити, или просто букет цветов? Нет, только не цветы! Не в сорокаградусную жару! Брать их в обратный рейс было бы обременительно. Водитель приехал вове-

мя, как и было условлено, в полдень. Итак, я знала, что еду на ланч, конечно же. Интересно, чем угостит меня совет аборигенов? Я надеялась, что не увижу традиционную австралийскую дрянь, которую обычно доставляют по заказу. Возможно, там будет шведский стол и я впервые смогу попробовать настоящие местные блюда. Я мечтала увидеть стол, заставленный аппетитными яствами.

Мне казалось, эта поездка будет замечательным и необыкновенным приключением, и с нетерпением ждала приближающейся даты. Моя сумочка была куплена специально для сегодняшнего дня, в ней лежали фотоаппарат и маленький диктофон. Мне не сказали, будут ли микрофоны и освещение и надо ли будет произнести речь, но на всякий случай подготовилась. Предусмотрительность была одним из моих несомненных достоинств. В конце концов, мне уже пятьдесят, и я пережила достаточно разочарований и потрясений, чтобы научиться просчитывать различные варианты. Друзья часто отмечали мою самостоятельность. «У нее всегда наготове запасной вариант», — говаривали они.

Мимо нас прогремел идущий во встречном направлении «товарный поезд» (австралийцы называют так грузовик с несколькими прицепленными к нему трейлерами). Он вырвался из разогретых клубов пыли прямо на середину дороги. Я вынырнула из своих размышлений, когда водитель резко крутанул руль. Мы свернули с шоссе на разбитую грязную дорогу, и облако красной пыли сопровождало нас на протяжении еще нескольких миль. В какой-то момент колея исчезла, и я осознала, что впереди дороги нет вообще. Мы петляли среди кустов и подпрыгивали на барханах песчаной пустыни. Пару раз я пыталась завязать разговор, но шум мотора, скрежетание подвески и постоянное подпрыгивание на сиденье делали беседу невозможной. Приходилось держать рот закрытым, чтобы не прикусить язык. Водитель, очевидно, не интересовался прелестями общения.

Голова моя болталась, как у тряпичной куклы. Становилось все жарче и жарче. Колготки будто таяли прямо на ногах, но я не снимала туфли из опасения, что они выскочат из машины и: исчезнут на просторах равнины медного цвета, простиравшейся вокруг насколько хватал глаз. Мне не верилось, что безгласный водитель остановится. Каждый раз, когда мои темные очки покрывались пылью, я протирала их краешком рукава. Движения рук открывало шлюзы для потоков пота. Я чувствовала, как мой макияж тает и легкий румянец щек стекает красными ручейками на шею. Они обязаны будут дать мне двадцать минут, чтобы привести себя в порядок перед выступлением. Я буду настаивать!

Я посмотрела на часы. Прошло два часа, как мы свернули в пустыню.

Мне было так жарко и неудобно, как никогда за долгие годы. Водитель пребывал в безмолвии, если не считать случайных хмыканий. Внезапно меня осенило: ведь он даже не представился. Может, я села не в тот автомобиль! Глупости. Я не могла ошибиться, да и он был вполне уверен, приглашал меня сесть в машину.

Четырьмя часами позже он подъехал к сооружению из рифленой жести. Маленький костерок тлел снаружи, от него с доброжелательными улыбками поднялись две местные женщины средних лет, невысокие, убого одетые. У одной на голове была повязка, странно растопыривающая ее густые курчавые черные волосы. Обе были стройны и атлетически сложены, с круглыми пухлыми личиками и яркими карими глазами. Когда я вышла из джипа, мой шофер внезапно произнес:

— Кстати, я тут единственный, кто говорит по-английски. Я буду вашим переводчиком, вашим другом.

«Великолепно! — подумала я. — Я истратила семьсот долларов на перелет, гостиницу и новый наряд для знакомства с настоящими австралийцами, и вот, оказывается, они даже не знают английского, не говоря уже о том, что не имеют представления о современной моде».

Ну что ж, раз я здесь, надо подстраиваться, хотя нутром я понимала, что не смогу.

Женщины общались при помощи резких незнакомых звуков, казавшихся не законченными предложениями, а отдельными словами. Переводчик обернулся ко мне и сказал, что, прежде чем появиться на предстоящем собрании, я должна очиститься. Я не поняла его. Конечно, я была вся в пыли и поту после поездки, но, кажется, он не это имел в виду. Он протянул мне одежду, при ближайшем рассмотрении оказавшуюся запахивающейся тряпицей. Мне было велено раздеться и надеть ее на себя.

— Что? — спросила я, не веря своим ушам. — Вы это серьезно?

Он угрюмо повторил инструкцию. Я оглянулась вокруг в поисках места для переодевания, но его нигде не было. Что делать? Я заехала слишком далеко и слишком многое перенесла, чтобы отступить сейчас. Молодой человек удалился. «Ну и черт с ним! В конце концов, так будет прохладнее», — подумала я. И так, как можно более осторожно я сняла свою пропотевшую новую одежду, аккуратно свернула ее и облачилась в национальный наряд, а свой положила на камень, который за несколько минут до этого служил сиденьем для ожидавших нас женщин. Я чувствовала себя ужасно глупо в бесцветных лохмотьях и сожалела о деньгах, потраченных на одежду «для благоприятного впечатления». Вновь возник молодой человек. Он тоже переоделся и предстал передо мной почти голым, с повязкой на

бедрях наподобие плавок и босым, как и женщины у костра. Затем он распорядился снять все: туфли, чулки, нижнее белье и все украшения, включая даже заколки для волос. Мое любопытство постепенно таяло, уступая место мрачным предчувствиям, но я повиновалась.

Помню, как заталкивала свои украшения в носки туфель. Я проделала также и то, что естественно для любой женщины, хотя нас никто этому не учит: положила свое нижнее белье в середину кучки вещей, чтобы никто не видел.

Клубы густого серого дыма поднялись от тлеющих углей, когда в костер бросили свежие зеленые сучья. Женщина с повязкой на голове взяла предмет, оказавшийся крылом крупного черного ястреба, и развернула его как веер. Она обмахнула им меня спереди с ног до головы. Дым окутал меня, я чуть не задохнулась. Потом она повертела указательным пальцем, и я поняла, что мне надо повернуться. Дымный ритуал был повторен у меня за спиной. Затем мне велели переступить через огонь сквозь дым.

Наконец мне сказали, что очищение закончено, и я получила разрешение войти в металлический сарай. Когда бронзовотельный мужской эскорт провожал меня к входу, я увидела, как та же самая женщина взяла все мое имущество. Она подержала его над огнем, взглянула на меня и улыбнулась. Когда наши взгляды встретились, она выпустила мои сокровища из рук. Все, что было у меня, отправилось в огонь!

На секунду у меня перехватило дыхание. Не знаю, почему я не завопила и не бросилась спасать свои вещи. На лице женщины было написано, что она не совершает ничего дурного, а просто поступает согласно необычному ритуалу гостеприимства. «Она просто невежественна, промелькнуло у меня в голове. — Ничего не понимает в кредитных карточках и важных бумагах». Слава богу, я оставила свой обратный билет на самолет в гостинице. Я знала, что у меня найдется в номере и другая одежда, и я как-нибудь пройду через лобби в отеле в этих лохмотьях, когда придет время. Помню, как подбадривала себя: «Ну же, Марло, ты же покладистая женщина. Не стоит переживать из-за этого». Однако все равно решила выкопать потом из пепла одно из колец, надеясь, что огонь погаснет и костер остынет до того, как мы отправимся на джипе обратно в город.

Но этому не суждено было случиться.

Лишь сейчас, оглядываясь назад, я осознала смысл того, что сняла с себя все ценные и, как мне казалось, такие необходимые украшения. Тогда мне еще только предстояло понять, что время, в кото-

ром жили эти люди, не имело ничего общего со временем на моих золотых часах, преданных теперь навсегда земле.

Много позже я поняла, что освобождение от привязанностей к вещам и определенным убеждениям было уже начертано в книге моей судьбы как необходимый шаг в моем совершенствовании на пути к *бытию*.

2. Выбор сделан

Мы вошли под навес, закрытый с трех сторон. Двери не было, равно как и нужды в окнах. Сооружение предназначалось для защиты от солнца; возможно, оно служило загоном для овец. Жару усугублял пылавший костер, разведенный в обложенном камнями углублении. Навес явно не подходил для человеческого жилья: ни стульев, ни полок, ни вентилятора. Электричества тоже не было. Вся эта конструкция представляла собой гофрированную жель, кое-как скрепленную старыми полусгнившими деревяшками.

Несмотря на то что последние четыре часа я провела на ярком солнце, мои глаза быстро привыкли к полумраку этого задымленного укрытия. Несколько взрослых аборигенов сидели и стояли на песке вокруг костра. На головах мужчин были цветастые повязки и перья, прикрепленные к рукам и лодыжкам. Одеты они были в балахоны, подобные тому, что был на моем водителе. На лице последнего краска отсутствовала, но лица других были разрисованы белым цветом точки, полосы и сложные фигуры. Руки украшали изображения ящериц, а ноги и спины — змей, кенгуру и птиц.

Женщины были раскрашены не так живописно. Все они оказались примерно моего роста — пять футов шесть дюймов. Больше было пожилых, но их кожа цвета молочного шоколада выглядела мягкой и свежей. Ни одной длинноволосой я не заметила; их курчавые волосы были коротко стрижены. Те же, кто вроде бы носил более длинные волосы, перехватывали их узкой лентой вокруг головы. Я обратила внимание на одну очень старую седую женщину, сидевшую у входа. У нее вокруг шеи и на лодыжках была с явным художественным вкусом изображена гирлянда цветов с прорисованными листьями и тычинками в центре каждого цветка. На всех были надеты либо два куска ткани, либо накидка, такая же, как выдали мне. Я не увидела и младенцев, за исключением одного подростка.

Взгляд мой приковывал наиболее ярко одетый человек — мужчина с волосами, подернутыми седью. Короткая бородка подчеркивала силу и достоинство его лица. На нем был великолепный головной убор из ярких перьев попугая. Перья украшали также руки и лодыжки. Несколько предметов болтались у него на поясе, а на груди висела круглая, искусно отделанная камнями и семенами пластина. Некоторые из женщин имели подобные украшения меньшего размера в качестве бус.

Он улыбнулся и протянул мне обе руки. Посмотрев в его черные бархатистые глаза, я на мгновение ощутила себя в полном покое и безопасности. Думаю, у него было самое благородное лицо из всех, которые мне доводилось когда-либо видеть.

Чувства мои, однако, пребывали в смятении. Разрисованные лица, мужчины, стоявшие у меня за спиной с острыми как бритва копьями, все это усугубляло разраставшийся во мне страх. Но располагающее выражение их лиц, да и сама атмосфера сквозили ароматом обволакивающего комфорта и дружелюбия. Я пыталась разобраться в своих эмоциях, коря себя за глупость. Прием ничуть не соответствовал моим ожиданиям. Я и представить себе не могла, что в такой угрожающей обстановке может оказаться столько приятных на вид людей. Если бы только мою камеру не предали огню за стенами этой хижины, сколько замечательных снимков я поместила бы в альбом и показала друзьям и родственникам. Мои мысли вернулись к огню. Что там еще горит? Меня передернуло: международные водительские права, оранжевые австралийские банкноты; стодолларовая купюра, которую я годами, со времен работы в телефонной компании в молодости, носила в секретном отделении кошелька; флакон любимой губной помады, которую в этой стране не достать; механические часы; кольцо, которое тетя Нола подарила мне на 18-летие.

Мое беспокойство было прервано, когда переводчик представил меня племени. Переводчика звали Оота. Он произносил свое имя как долгое «0–0–0», внезапно заканчивавшееся коротким «та».

Дружелюбного мужчину с невероятными глазами аборигены называли Старейшиной Племени. Он не был самым старшим по возрасту, но выглядел вполне соответственно нашему определению вождя.

Одна из женщин стала колотить палкой о палку, к ней присоединились и другие. Державшие копья принялись стучать древками о песок, прочие же хлопали в ладоши. Все собравшиеся запели, при этом что-то приговаривая. Меня жестами пригласили сесть на песок. Племя устраивало корробори, нечто вроде праздника. По завершении одной песни начиналась другая. Ранее я заметила, что у некоторых на лодыжках висели браслеты, сделанные из больших стручков, теперь же они оказались в центре

моего внимания, поскольку высохшие семена в стручках превратились в трещотки. Иногда принималась танцевать одна из женщин, а иногда несколько. Мужчины танцевали то одни, то вместе с женщинами. Они словно рассказывали мне свою историю.

Наконец темп музыки замедлился, движения стали более сдержанными, а затем и вовсе прекратились. Остался лишь один ровный ритм, звучавший в унисон ударам моего сердца. Все сидели молча, не шевелясь, и смотрели на вождя. Он встал и подошел ко мне. Улыбаясь, он стоял передо мной. Меня охватило неопишное чувство сопричастности. Мне казалось, будто я в кругу старых друзей, хотя на самом деле это было не так. Я догадалась, что это его присутствие вызвало во мне ощущение уюта и покоя.

Вождь снял с пояса длинную трубу, сделанную из шкуры утконоса, и потряс ею над головой. Открыв ее с одного конца, он вытряхнул содержимое. Вокруг меня рассыпались камни, кости, зубы, перья и круглые кожаные диски. Некоторые члены племени с видом знатоков начали делать отметки на полу большим пальцем ноги там, где оказался каждый из предметов. Затем предметы сложили обратно в чехол. Вождь что-то произнес и протянул трубу мне. Вспомнился Лас-Вегас, я тоже подняла трубу вверх и потрясла ею. Затем я повторила его игру, открыв крышку и выбросив содержимое, ощущая полную произвольность того, куда упадут его составные. Двое мужчин, ползая на четвереньках, говорили третьему, где отмечать ногой положение, в котором оказались предметы по отношению к предыдущему броску Вождя. Некоторые что-то комментировали, но Оота не пояснил мне, что именно.

В этот день со мной провели несколько испытаний. Одно из наиболее впечатляющих было связано с каким-то фруктом с толстой кожей вроде банана, но в форме груши. Мне дали светло-зеленый плод и велели поддержать его и благословить. Что это означало? Я понятия не имела, поэтому просто сказала про себя: «Боже милостивый, пожалуйста, благослови эту еду» — и протянула его обратно Вождю. Он отрезал ножом верхушку и начал очищать кожуру. Она не падала на землю, как шкурка банана, а завивалась кольцом. Все лица обратились ко мне. Под их взглядами мне стало неуютно. В унисон они сказали: «Ах!», словно давно репетировали, и восклицали так каждый раз, когда Вождь сбрасывал часть кожуры на пол. Не знаю, было ли это «Ах!» хорошим или плохим, но мне казалось, что кожура завивалась как-то ненормально, когда ее обрезали. я не знала, что означали эти проверки, но, по-моему, я набирала проходной балл.

Ко мне подошла молодая женщина с блюдом, полным камней. Это было скорее не блюдо, а кусок картона, но камней было так много, что я не видела, на чем, собственно, они лежат. Оота очень серьезно посмотрел на меня и сказал: «Выбери камень. Выбирай осмотрительно. В его власти спасти твою жизнь».

Вдруг у меня по коже пошли мурашки, хотя все члены мои горели и я истекала потом. Нутро мое заговорило на своем собственном языке. Напрягшиеся мышцы живота просигналили: «Что бы это значило? Власть спасти мою жизнь!».

Я взглянула на камешки. Все они были похожи друг на друга и ничем особенным не выделялись. Это была просто красно-серая галька размером с двадцатипятицентовик. Я рассчитывала, что какой-то из них будет светиться или выглядеть как-то иначе. Но увы. Поэтому я стала притворяться, будто внимательно изучаю эти камни. Затем выбрала из кучи один и подняла его с победным видом. Все вокруг одобрительно заулыбались, и я с радостью поняла, что сделала правильный выбор.

Но что мне делать с этим камнем? Я не могла его бросить и оскорбить их чувства. В конце концов, этот ничего не значащий для меня камень важен для них. Карманов у меня не было, поэтому я вложила его в складку между грудями под моей теперешней одеждой. И сразу же забыла о содержимом, надежно спрятанном в этом природном кармане.

Затем они загасили огонь, собрали свои инструменты и принадлежности и потянулись К выходу. Их коричневые, почти обнаженные тела сияли на солнце, когда они приготовились идти. Похоже, встреча закончилась — ни обеда, ни церемонии награждения! Оота замыкал шествие. Сделав несколько шагов, он обернулся:

- Пошли, мы уходим.
- Куда мы идем? — поинтересовалась я.
- В поход.
- И куда же?
- Через Австралию.
- Здорово! А сколько это продлится?
- Около трех лун.
- Ты имеешь в виду три месяца?
- Да, около трех месяцев.

Я глубоко вздохнула и заявила стоящему в отдалении Ооте:

— Очень заманчиво, но я не могу. Сегодня не лучший день. У меня есть дела, обязательства, недвижимость, неоплаченные счета. Я не готова. Мне нужно время, чтобы подготовиться к такой прогулке. Вы, вероятно, не понимаете: я не австралийская гражданка, я американка. Мы не можем просто так взять да поехать в другую страну и исчезнуть. Ваши иммиграционные власти будут расстроены, а мое правительство вышлет на поиски вертолет. Может, в другой раз, когда заранее все буду знать и подготовлюсь, я к вам присоединюсь. Но не сегодня. Сегодня я просто не могу пойти с вами. Определенно, сегодня не самый подходящий день.

Оота улыбнулся и сказал:

— Все в порядке. Все, кому надо, будут знать. Мой народ услышал твою мольбу о помощи. Если бы хоть кто-нибудь из племени проголосовал против тебя, они бы не отправились в это путешествие. Тебя испытали и приняли. Это высочайшая честь, которую я бессилён объяснить. Ты должна пройти это испытание. Это самое важное, что тебе предстоит в этой жизни. Для этого ты родилась на свет. Божественное Единое уже вмешалось; это послание — тебе. Больше ничего не могу тебе сказать. Пошли. Следуй за мной.

Он повернулся и стал удаляться.

Я стояла, вперившись взглядом в австралийскую пустыню. Она была огромна, необитаема — и все же прекрасна. Она разворачивалась перед моим взором, без конца и края. Джип стоял на месте, ключ торчал в замке зажигания. Но куда же мы двинемся? Дороги, насколько хватал глаз, никакой нет, только бесчисленные повороты меж холмов. у меня ни обуви, ни воды, ни еды. В это время года температура в пустыне колеблется между плюс двадцатью и сорока. Приятно, конечно, что они проголосовали за меня, но как насчет моего голоса? Хотя, казалось, решение от меня уже не зависит.

Я не хотела идти. Они просили доверить им мою жизнь. Это были только что встреченные мной люди, с которыми я и разговаривать-то не могла. А что, если я потеряю свою работу? Это уже само по себе плохо: у меня нет никакой пенсионной страховки! Безумие! Конечно же, я не могу никуда идти!

Затем пришла такая мысль: «Держу пари, это спектакль в двух действиях. Первое они сыграли в этой хижине, а второе пройдет в пустыне. Далеко они не пойдут, потому что у них нет еды. Худшее, что мне предстоит, — провести там ночь. Но нет же, — думала я, — они ведь при первом взгляде на меня должны понять, что я не путешественница, а горожанка, привыкшая к теплой ванне с пеной. Но, —

продолжала я, — я справлюсь, если понадобится. Просто проявлю настойчивость, раз уж заплатила за одну ночь в гостинице. Скажу, что мне надо вернуться завтра утром, чтобы успеть к расчетному часу. Я не собираюсь платить еще за один день ради прихотей этих глупых необразованных людей».

Я смотрела, как их группа все удалялась и удалялась в пустыню. у меня не оставалось времени взвешивать все плюсы и минусы. Чем дольше я размышляла, что же мне делать, тем дальше они уходили из поля моего зрения. Фраза, которую я произнесла, отпечаталась в моем мозгу так четко, словно была выгравирована на отполированной дощечке: «Ну ладно, Господи! Знаю, что у Тебя своеобразное чувство юмора, но знай, что я его совсем не понимаю».

Со смешанными чувствами страха, изумления, неверия и полного оцепенения я последовала за этим племенем аборигенов, которые называли себя Истинными Людьми.

Меня не связали, кляпа в рот не вставляли, но я ощущала себя пленницей. Мне казалось, что я жертва этого принудительного похода в неизвестность.

3. Естественная обувь

Я прошагала всего ничего, когда ощутила резкую боль в ногах и, наклонившись, обнаружила колючки, впившиеся в кожу. Я вытаскивала их, но с каждым шагом их становилось все больше и больше. Я пыталась прыгать на одной ноге, одновременно вытаскивая колючки из другой. Должно быть, это казалось смешным для тех из нашей компании, кто оглядывался назад. Их улыбки теперь напоминали откровенные насмешки. Оота остановился подождать меня, его лицо выражало большее сочувствие, и он произнес

— Забудь о боли! Вытащишь колючки на привале. Учись терпеть.

Сосредоточься на чем-нибудь другом. Мы полечим твои ноги позже. Сейчас ничего не поделаешь.

Его слова «сосредоточься на чем-нибудь другом» кое-что значили для меня. Я работала специалистом по иглоукальванию и за последние 15 лет повидала сотни пациентов, страдавших от боли. Очень часто в крайних ситуациях человек должен выбирать между лекарством, отключающим сознание, и иглоукальванием. В своих консультациях я использовала именно это выражение, ожидая, что пациенты будут способны сделать такой выбор. Теперь же подобное ожидалось от меня самой. Сказать было легче, чем сделать, но в итоге у меня получилось.

Через некоторое время мы остановились передохнуть, и я обнаружила, что большинство шипов обломилось. Ранки кровоточили, занозы проникли под кожу. Мы шли по сплошным зарослям колючек. Ботаники называют их пляжной травой, они растут на песке и выживают при недостатке влаги с помощью закрученных и острых как ножи листьев-лезвий. Слово «трава» весьма обманчиво в данном случае. Эта штука не напоминает ни одну из известных мне трав. Ее острые лезвия вдобавок усыпаны колючками, как у кактуса. Впиваясь в кожу, они оставляют болезненные припухлости и раздражение кожи. К счастью, я не совсем комнатное существо, иногда люблю загорать и часто хожу босиком, но к таким испытаниям ступни мои были явно не готовы. Боль нарастала, и кровь всех цветов — от коричневой до ярко-красной — проступала на ногах, хотя я старалась ступать предельно внимательно. Смотря вниз, я уже не могла отличить полустертый лак на ногтях от пятен крови. Довольно скоро ноги мои просто онемели.

Мы двигались в полном молчании. Это казалось странным, но никто не разговаривал. Песок был теплым, но не обжигающим. Солнце палило всюю, но жара была терпимой. Иногда, словно сжалившись, меня обдувал короткий порыв прохладного ветра. Глядя вперед, я не видела четкой линии горизонта между небом и землей. Куда бы я ни посмотрела, везде было одно и то же — как на акварели, где небо размыто и сливается с песком. Мой научный ум пожелал определиться в этой пустоте при помощи компаса. Облако в тысячах футов над головой в форме буквы «i» казалось одиноким деревом на горизонте. Слышен был только хруст песка под ногами, будто застежку-молнию расстегивали и застегивали вновь. Монотонность движения время от времени нарушал шорох какого-то пустынного животного, доносившийся из близлежащих кустов. Большой бурый сокол возник, словно из ниоткуда, и стал кружить у меня над головой. Казалось, он следит за моими успехами. Сокол описывал круги только надо мной. Наверное, я так отличалась от других, что ему нужно было поближе рассмотреть меня.

Без всякого предупреждения наша колонна остановилась и продолжила движение уже в другом направлении. Это меня удивило: я не слышала приказа поменять курс. Видимо, его чувствовали все, кроме меня. Я подумала, что они идут по какому-то следу, но это было явно не так — никакой тропинки среди песка и колючек не было. Мы блуждали в пустыне.

В голове моей беспорядочно роились мысли. В молчании было довольно просто ощущать, что именно и в какой последовательности приходило мне в голову.

Что же происходит на самом деле? Может, это сон? Они сказали, что пойдут странствовать по Австралии. Но странствовать месяцами невозможно! Это неразумно, в конце концов. Они слышали мою мольбу о помощи. Что это значит? То, для чего я была рождена! Ерунда, в мои жизненные планы никогда не входило превозмогать страдания, исследуя этот край света. Я беспокоилась, как мое исчезновение будет воспринято моими детьми, особенно дочерью. Мы были с ней очень близки. Я подумала о своей домохозяйке, пожилой величественной матроне. Если я не заплачу вовремя арендную плату, у меня будут проблемы с жильем. Да к тому же только на прошлой неделе я взяла напрокат телевизор и видеомагнитофон. Да, изъятие за неплатеж — это что-то новенькое!

До сего момента я не могла поверить, что мы уйдем больше чем на один день. В конце концов, нигде не было и намека на еду и питье.

Я громко рассмеялась! Отличная шутка. Как часто я повторяла, что хотела бы отправиться в экзотическое путешествие со всеми оплаченными расходами! Вот оно. Все, что нужно, мне предоставили. Не надо было даже паковать зубную щетку и смену белья. Конечно, нельзя сказать, что именно об этом я и мечтала, но все-таки время от времени ко мне подобная мысль приходила.

В течение дня мои ступни покрылись таким количеством порезов, что занозы, сгустки крови и волдыри слились в одну бесформенную, омертвевшую массу. Ноги гудели, плечи обгорели и болели, лицо и руки покраснели. В этот день мы шли примерно три часа. Мое терпение было на исходе. Иногда мне казалось, что если я вскоре не присяду, то просто скончаюсь на месте. Но что-то вдруг отвлекало мое внимание: то над головой появлялся сокол со своим странным хриплым клекотом, то кто-то подходил ко мне и предлагал глоток воды из диковинного сосуда, который носят на веревке, привязанной к шее или поясу. Чудесным образом, отвлекаясь, я обретала новые силы, второе дыхание. Наконец настало время остановиться на ночлег.

Все тут же занялись приготовлениями. Зажгли костер, не используя спичек, а с помощью метода, о котором я читала в учебнике «Скауты на природе». Я никогда не пробовала добыть огонь вращением палочки в выдолбленном отверстии. Нашим учителям это тоже не удавалось. Они могли только нагреть ее так, чтобы появился крошечный язычок пламени, раздувание которого лишь гасило огонь. Мои же нынешние спутники были специалистами своего дела. Кто-то собирал хворост, кто-то — растения. Двое мужчин, меняясь, весь день тащили какой-то груз. Кусок бесцветной ткани, привязанный к двум длинным копьям, образовывал что-то вроде мешка, в котором болталось нечто, по очерта-

ниям похожее на огромные камни. Теперь они опустили мешок на землю и достали из него несколько предметов.

Ко мне приблизилась старая женщина. Она была похожа на мою бабушку и выглядела на все девяносто. Ее волосы были совершенно седыми. Мягкие морщинки сетью покрывали лицо. Тело оставалось стройным, сильным и гибким, а ноги были столь высохшими и твердыми, что превратились в некое подобие копыт. Я обратила на нее внимание ранее — это та самая женщина с искусно нарисованными орнаментами на шее и лодыжках. Старушка сняла с пояса мешочек из змеиной кожи и вылила себе в ладонь что-то, напоминавшее жидкий бесцветный вазелин. Позднее я узнала, что это была смесь растительных масел, добытых из листьев. Женщина указала на мои ноги, и я кивнула, соглашаясь на помощь. Она села, взяла мои распухшие ноги и стала втирать в них мазь, напевая какой-то успокаивающий мотив, напоминающий колыбельную. Я спросила Ооту, что означают слова песни.

— Она извиняется перед твоими ногами. Она говорит им, как много они значат для тебя. Она уверяет, как все мы ценим твои ноги, и просит их быть здоровыми и сильными. Она издает особые звуки, исцеляющие раны и порезы, а также вытягивающие гной наружу. Она просит твои ноги стать очень сильными и крепкими.

Это случилось не в моем воображении. Кровоточащие, ноющие, открытые раны и болячки действительно стали затягиваться, и я постепенно ощутила облегчение.

Пока я сидела, положив ноги на колени старушки, я мысленно начала убеждаться в реальности сегодняшних событий. Как это могло случиться? Когда все это началось?

4. На старт, внимание, марш

Все началось в Канзас-Сити. События того утра навсегда врезались в мою память. Солнце решило наконец почтить нас своим присутствием после нескольких облачных дней. Я рано приехала на работу, рассчитывая составить план консультаций для особо сложных пациентов. До приема еще было два часа, и я всегда ценила эти тихие часы подготовки.

Открывая ключом наружную дверь, я услышала телефонный звонок.

Что за срочность? Кому понадобилось звонить мне задолго до начала рабочего дня? Я влетела в комнату, одной рукой хватаясь за телефон, а другой нащупывая выключатель.

Бодрый мужской голос поприветствовал меня. Это был австралиец, с которым я познакомилась на одной конференции врачей в Калифорнии. Он звонил из Австралии.

— Добрый день, как насчет того, чтобы поработать в Австралии несколько лет?

Онемев, я чуть не выронила трубку.

— Вы слышите меня? — вопрошал звонивший.

— Д-да, — пробормотала я, — что вы имеете в виду?

— На меня такое впечатление произвела ваша программа обучения пациентов превентивной медицине, что я рассказал о вас коллегам. Они попросили позвонить вам. Мы хотим предложить вам оформить визу на пять лет и приехать к нам. Вы смогли бы писать учебные материалы и преподавать в нашей системе общественного здравоохранения. Было бы замечательно, если бы нам удалось внедрить ваш метод, а у вас будет возможность пожить несколько лет за границей.

Предложение оставить мой нынешний дом с видом на озеро, надежную врачебную практику и пациентов, которые стали с годами моими добрыми друзьями, я восприняла как вторжение в мой налаженный быт, словно внезапно вбитый в доску гвоздь. Меня действительно интересовала социальная медицина и система здравоохранения, не основанная на извлечении прибыли, где ее отрасли функционируют совместно и где нет пропасти размером с Великий Каньон, отделяющей официальную медицину от нетрадиционной. Найду ли я единомышленников, преданных здоровью и врачеванию, стремящихся делать то, что дает результат, или окажусь вовлеченной в новые интриги, в которых запуталась американская политика здравоохранения?

Но более всего меня воодушевила возможность увидеть Австралию.

Насколько помню, еще в детстве я стремилась прочесть все, где упоминался континент с другого конца света. К сожалению, таких книг было мало. В зоопарках я всегда наблюдала за кенгуру и искала редкий случай увидеть коалу. По какому-то таинственному совпадению я всегда хотела раскрыть загадку этой страны. Я ощущала себя уверенной, образованной, вполне самостоятельной женщиной, и в душе моей неизменно таилось неутолимое желание, а сердце билось при мысли о поездке на противоположный край планеты.

— Подумайте, — настаивал голос в телефонной трубке. — Я позвоню через пару недель.

К вопросу о времени. Всего две недели назад моя дочь и ее жених назначили день свадьбы. Это означало, что первый раз за всю мою взрослую жизнь я вольна выбирать для жительства любое место на земле и делать то, что действительно хочу. И сын, и дочь, как обычно, меня поддержат. После моего развода они стали мне скорее близкими друзьями, нежели детьми. Теперь они выросли и вполне самостоятельны, а я жаждала осуществления своих желаний.

Шестью неделями позже, когда свадьбу уже сыграли и я передала практику своим коллегам, моя дочь и лучшая подруга поехали провожать меня в аэропорт. Странное было ощущение. Впервые за долгие годы у меня не было ни машины, ни дома, ни ключей, а на моих сумках были кодовые замки. Я избавилась от всех своих вещей, кроме некоторых, отданных на хранение: фамильные драгоценности теперь были у моей сестры Пэтси. Моя подруга Джана вручила мне книжку «в самолет», мы обнялись. Кэрри, моя дочь, сделала прощальный снимок, и я ступила на ковровую дорожку пандуса — навстречу пятому континенту. Я не предполагала, что сбудутся давние наставления. Мама часто говорила мне: «Выбирай с умом, скорее всего, ты получишь то, что просишь». Хотя она умерла много лет назад, в тот самый день я стала по-настоящему понимать смысл этой фразы.

Перелет в Австралию со Среднего Запада — дело непростое. К счастью для путешественников, даже реактивным самолетам требуется посадка для дозаправки, так что у нас была возможность глотнуть свежего воздуха на Гавайях и Фиджи. В самолете авиакомпании «Квантас» было просторно. Показывали вполне приличные американские фильмы, но все равно путешествие показалось утомительным.

В Австралии солнце встает на семнадцать часов раньше, чем в США. В буквальном смысле слова это полет в завтрашний день. Пока я летела, мне припомнилось: мы пребываем в абсолютной уверенности, что и завтра планета наша будет в целостности и сохранности. На земле передо мной уже наступил следующий день. Неудивительно, что в прошлом моряки шумно праздновали пересечение экватора и воображаемые границы моря, за которыми начинается время. Подобные размышления и сейчас расширяют горизонты ума.

После приземления на австралийскую землю весь самолет и каждый пассажир были подвергнуты обработке аэрозолем во избежание занесения заразы на этот изолированный континент. Турагент меня об этом не предупредил. Пассажирам велели оставаться на своих местах, два сотрудника наземной службы прошли по салону до хвоста самолета, распыляя аэрозоль у нас над головами. Я понимала опасения австралийцев, но уподобление меня вредному насекомому было несколько обескураживаю-

щим.

Вот так добро пожаловать!

За пределами аэропорта все выглядело как дома. Я бы и впрямь решила, что нахожусь в Америке, лишь движение было левосторонним. Водитель сидел за рулем справа от меня. Он довез меня до обменного пункта, где я купила австралийские доллары, слишком большие по размерам для моего кошелька, но гораздо более красочные, чем наши зеленые. Я обнаружила также прелестные двух- и двадцатидесятицентовые монеты.

В течение нескольких последующих дней я обнаружила, что к Австралии привыкнуть довольно просто. Все главные города находятся на побережье. Все увлекаются пляжными и водными видами спорта. Страна такая же по площади, как США, и почти такая же по форме, только внутренние районы — сплошная пустыня. Мне знакома наша Цветная пустыня и Долина Смерти. Австралийцам же трудно представить порой, как в центре страны можно выращивать пшеницу и кукурузу. Центр Австралии настолько непригоден для жизни, что Воздушная медицинская служба вынуждена постоянно быть начеку. Иногда пилотов посылают на выручку незадачливым автомобилистам с бензином или запчастями. А иногда на борт приходится брать людей для оказания медицинской помощи, потому что на сотни миль вокруг может не оказаться ни одной больницы. В школах, расположенных в отдаленных районах, практикуется обучение по радио.

Города же очень современные, с отелями «Хилтон», «Холидей Инн», «Рамада», торговыми центрами, одеждой от известных кутюрье и удобным транспортным сообщением. Еда отличается от американской. По моему представлению, они все еще пытаются перенять самые популярные в Америке блюда. Хотя я обнаружила здесь прекрасный пастуший пирог, напоминающий мне тот, что довелось как-то попробовать в Англии. Австралийцы редко подают к еде воду и никогда не кладут в нее кубики льда.

Мне понравились особенности английского языка у австралийцев, например:

Суцая правда — о'кей, годится

Чипсы — жареная картошка

Шейла — молодая девушка

Леденец — конфета

Сахар — пустыня

Кусты (буш) — сельская местность

Жестянка — банка с пивом
Детенъши — детеныш кенгуру
Паек — пицца
Бисквит — печенье
Пожитки — дорожная скатка, рюкзак
Поход — отъезд на неопределенный срок
Кривой день — неудачный день
Харчи — еда
Пешая тропа — тротуар
Биллибонг — пивная
Подножка — багажник
Капор — кашюшон
Сервьетт — салфетка

В магазинах кажется странным, что они благодарят тебя еще до того, как ты скажешь «пожалуйста». «С вас один доллар, спасибо», — говорит продавец.

Пиво — великое национальное достояние. Мне лично пиво никогда не нравилось, поэтому я не испробовала все его местное разнообразие, которым они так хвалятся. Каждый австралийский штат имеет свой пивной заводик, а местное население славится своей преданностью определенным маркам пива, будь то «Фостер» или «Четыре Икс».

У австралийцев есть специальные слова, используемые для обозначения различных национальностей. Американцев называют «янки», новозеландцев — «киви», а англичан — «чертовы померанцы». Один специалист сказал мне, что «померанец» означает красный плюмаж, который носили военные в Европе, но другие считают, что это название происходит от аббревиатуры, которая расшифровывается как Заключенный Его Величества (такие нашивки были на одежде арестантов, привозимых сюда в 19 в.)

Больше всего мне понравились австралийцы за их певучую речь.

Конечно же, все они сразу могли определить по моему акценту, что я иностранка. Австралийцы — дружелюбная нация, и вскоре в их окружении начинаешь чувствовать себя как дома.

За несколько дней пришлось сменить несколько отелей. Каждый раз при регистрации мне вручали металлический кувшинчик с молоком. Так приветствуют всех гостей. В комнате — электрический чайник, пакетики с чаем и сахар. Похоже, австралийцы любят чай с молоком и сахаром. Очень скоро я поняла, что на американский кофе рассчитывать не стоит.

Сначала я остановилась в мотеле. Пожилой хозяин осведомился, не желаю ли я позавтракать, и дал мне меню, написанное от руки. Когда я сделала заказ, он спросил, к которому часу его подать, предложив принести еду прямо в номер. На следующее утро, принимая ванну, я услышала шаги. Кто-то остановился у моей комнаты, но не вошел. Я ждала, что в дверь постучат, но этого не произошло. Потом я услышала странный звук, будто захлопнули дверцу. Вытираясь, я ощутила запах еды и, выйдя из ванной комнаты, стала искать ее, но не нашла. Это было странно: определенно пахло едой! Должно быть, из соседнего номера, рассудила я.

Примерно час я приводила себя в порядок и перепаковывала вещи.

Укладывая чемодан в арендованную машину, я заметила проходящего мимо молодого человека.

— Добрый день, как вам завтрак? — спросил он. Я улыбнулась в ответ:

— Здесь какое-то недоразумение. Мне не приносили завтрака.

— Да нет же, он здесь, я сам принес его, — сказал молодой человек, дотронулся до ручки, торчащей в наружной стене моего номера, и потянул за нее. Открылась маленькая дверца, и в небольшом углублении я увидела красиво сервированное блюдо с безнадежно остывшей яичницей. Затем мы зашли с ним в номер. Он открыл шкаф, вновь явив грустное зрелище. Мы рассмеялись. Я явственно ощущала запах еды, но просто не смогла ее отыскать. Это стало первым сюрпризом из череды многих, которые преподнесла мне Австралия.

Австралийцы — славные люди. Они любезно помогли мне найти жилье. Это был ухоженный пригородный район. Все дома здесь строились примерно в одно время и выглядели одинаково — одноэтажные, выбеленные, с передним и задним крыльцом. Сначала даже никаких замков в дверях не было. Удобства в ванной раздельные: в одном помещении маленький клозет, в другом — ванна и рукомойник. В моем доме не оказалось кладовки, зато мне достался старомодный гардероб.

Ни один из моих американских электроприборов не хотел работать: напряжение другое и все розетки иной формы. Мне пришлось купить новый фен и щипцы для завивки.

Задний дворик был усажен экзотическими цветами и деревьями.

В этом теплом климате они цвели круглый год. По ночам на запах приходили камышовые жабы. Из месяца в месяц их становилось все больше. Это настоящее национальное бедствие. Популяция жаб вышла из-под контроля, поэтому с ними приходится бороться всем миром. Мой двор, очевидно, был для них надежным убежищем.

Австралийцы познакомили меня с боулингом на траве — игрой, где все участники одеваются лишь в белое. Я и раньше видела магазины, где не продавалось ничего, кроме белых рубашек, шорт, юбок, туфель, носков и шляп. Приятно было наконец понять, для чего предназначался этот столь ограниченный ассортимент товаров. Меня сводили также на футбол по австралийским правилам. Зрелище откровенно грубое. Все игроки, которых я видела в прошлом, носили тяжелую защитную амуницию и шлемы. Эти же ребята бегали в коротких трусах и футболках с коротким рукавом, без всяких щитков.

На пляже я видела людей в кожаных шляпах с завязками под подбородком. Мне объяснили, что это спасатели. У них есть и специальные отряды по борьбе с акулами. Жертвами акул становятся нечасто, но эта проблема требует особого внимания.

Австралия — самый равнинный и сухой континент. Прибрежные горы задерживают осадки, большая часть которых выпадает в море, вследствие чего девяносто процентов территории страдает от засухи. Можно пролететь две тысячи миль из Сиднея до Перта и не обнаружить никаких признаков человеческого жилья.

Я побывала во всех крупнейших городах континента благодаря проекту, которым занималась. В Штатах у меня был микроскоп, позволявший рассматривать цельную кровь, не измененную и не препарированную. Разглядывая каплю крови пациента, нетрудно увидеть динамику многих химических процессов в графическом изображении. Мы подсоединяли микроскоп к видеокамере и монитору. Сидя рядом с врачом, пациенты разглядывали свои лейкоциты, эритроциты, бактерии или жир на клеточном фоне. Я брала пробы, показывала пациентам их кровь, а затем просила, скажем, курильщикова выйти и выкурить сигарету. Через несколько секунд после этого мы брали другую пробу, и пациенты видели, какой эффект производит одна сигарета. Эта система используется при обучении больных и весьма эффективно стимулирует их ответственно подходить к собственному здоровью. Врачи применяют ее во многих случаях, например демонстрируя уровень жира в крови или слабые иммунные реакции, а затем рассказывая пациентам, как они могут помочь сами себе. К сожалению, в США наши страховые компании не покрывают расходы на превентивные медицинские мероприятия, по-

этому пациентам приходится платить из собственного кармана. Мы надеялись, что австралийская система окажется более гибкой. В мои обязанности входили демонстрация техники, завоз и проверка оборудования, написание инструкций и обучение. Это был многообещающий проект, и я увлеченно и с удовольствием проводила время в Австралии.

Однажды в субботу я отправилась в научный музей. Гидом оказалась крупная, шикарно одетая дама, интересовавшаяся Америкой. Разговорившись, мы решили как-нибудь пообедать вместе. Она порекомендовала причудливую чайную в центре города, где висела реклама предсказателей судьбы. Я помню, как сидела в чайной, ожидая приятельницу, и думала, что поскольку никогда не опаздываю, то, очевидно, обладаю некой аурой, притягивающей ко мне друзей, которые хронически не чувствуют времени. Дело шло к закрытию. Подруга не появилась. Я наклонилась поднять сумочку с пола, куда поставила ее сорок пять минут назад.

К столику приблизился высокий худой темноликий молодой человек, одетый во все белое — от сандалий до тюрбана на голове.

— У меня есть время погадать вам, — сказал он тихим голосом.

— Я жду подругу, но она, кажется, не смогла прийти сегодня. Я приду в другой раз.

— Иногда это даже к лучшему, — отреагировал он и пододвинул свободный стул. Усевшись, он взял мою руку в свою, повернул ее ладонью вверх и стал читать по ней. Вернее, он не смотрел на мою руку он неотрывно смотрел мне в глаза.

— Причина, по которой вы здесь (не в этой чайной, а на этом континенте), — судьбоносна. Здесь живет некто, с кем вы договорились увидеться ради вашей общей пользы. Эта договоренность была достигнута еще до того, как оба вы появились на свет. На самом деле вы решили родиться на свет одновременно, один из вас на вершине мира, а другой — тут, на противоположном его конце. Соглашение произошло на высшем уровне ваших вечных сущностей. Вы договорились не искать друг друга, пока не истечет пятьдесят лет. Теперь время пришло. Когда вы встретитесь, то без слов узнаете друг друга. Вот все, что я могу вам сказать.

Он встал и вышел через дверь, которая, как мне казалось, вела на кухню ресторанчика. Я безмолвствовала. Ничто из сказанного им не имело никакого смысла, но он говорил с такой уверенностью, что я не могла не принять это близко к сердцу и все запомнила.

Случай этот предстал еще более загадочным, когда моя приятельница позвонила тем же вечером с извинениями, что не смогла прийти на встречу. Она разволновалась, узнав, что со мной произошло, и потратила весь следующий день на поиски этого самого предсказателя, чтобы выведать у него свое будущее.

Когда она позвонила в следующий раз, ее энтузиазм уступил место сомнению.

— В этой чайной нет предсказателей-мужчин, — сказала она, у них каждый день работают по очереди разные люди, но все они женщины. По вторникам работает Роза, но она гадает не по руке, а на картах. Ты уверена, что была именно там?

Я была уверена, что не сошла с ума. Я всегда воспринимала гадания только как развлечение, но одно не вызывало сомнений: молодой человек мне не привиделся. Ну что ж, как бы там ни было, австралийцы думают, что янки легкомысленны. К тому же никто кроме как забавой это не считает, а в Австралии полно и других замечательных развлечений.

5. Повышение статуса

Одна вещь в этой стране мне не нравилась. Мне показалось, что темнокожие люди, изначально населявшие эту землю, так называемые аборигены, все еще подвергаются дискриминации. С ними обращались примерно так же, как мы, американцы, обращались к коренному населению Америки — индейцам. Земля, на которой аборигенам приходится жить сейчас, — это бесплодная пустыня, а северные территории — грубые скалы и колючие кустарники. Единственная приличная местность, считающаяся их территорией, имеет одновременно статус национального парка, поэтому они делят ее с туристами.

Я не встречала аборигенов, занятых общественным трудом. Не сталкивалась с их детьми, шагающими по улице среди школьников в форме. Их не было на воскресных богослужениях в церкви, хотя я побывала в приходах разных конфессий. Я не нашла никого, кто бы работал в бакалейных лавках, упаковывал посылки на почте или продавал товары в универмагах. Я посещала правительственные учреждения и не видела служащих-аборигенов. Никто из них не работал на бензоколонках и не ожидал покупателей в ресторанчиках фаст-фуда. Казалось, аборигенов вообще очень мало. В городе их еще можно было заметить в туристических центрах, где они давали представления. Выезжавшие за

город могли увидеть их на принадлежащих белым австралийцам ранчо, где они помогали ухаживать за домашним скотом. Таких людей называли «джекеру». Если же фермер обнаруживал, что странствующая группа аборигенов убила овцу, он не предъявлял обвинений: местные берут только то, что им действительно нужно для пропитания, и, кроме того, по слухам, они обладают сверхъестественными способностями к возмездию.

Однажды вечером я наблюдала, как несколько молодых аборигенов-полукровок лет двадцати наливали бензин в банки, а затем нюхали его, гуляя по городу. Они явно были под воздействием паров бензина, который является смесью углеводородов и оказывает разрушающее действие на костный мозг, печень, почки, надпочечники, спинной мозг и всю нервную систему. Но, как и все люди на площади в тот вечер, я промолчала. Ничего не сделала, чтобы прекратить эту глупую забаву. Позже я узнала, что один из тех, кого я видела, умер от отравления свинцом и остановки дыхания. Я ощутила эту смерть так, словно потеряла близкого человека. Я отправилась в морг посмотреть на тело. Тратя свою жизнь на то, чтобы предотвращать болезни, я пришла к выводу, что утрата культуры и личных жизненных целей — решающие факторы для человека, вступающего в игру со смертью. Больше всего меня обеспокоило, что я все видела и не пошевелила пальцем, чтобы остановить их. Я обратилась с расспросами к моему новому австралийскому другу. Его звали Джефф, он был хозяином большого автомагазина, холостяком моего возраста, очень привлекательным — прямо-таки австралийский Роберт Редфорд. Мы несколько раз встречались, и как-то за ужином после концерта я спросила, знают ли граждане Австралии, что происходит в стране, пытается ли кто-нибудь помочь местному населению?

— Картина печальная, — ответил он. — Но ничего не поделаешь.

Местных не поймешь. Они примитивные, дикие, бушмены одним словом. Мы предложили им образование. Миссионеры годами пытаются обратить их в веру. В прошлом они были каннибалами. И сегодня не желают отказываться от своих обычаев и старых верований. Большинство предпочитает влачить жалкое существование в пустыне. Безлюдные места для жизни трудны, а наши аборигены — самые трудные люди в мире. Те, кто осваивает обе культуры, встречаются редко. Они просто вымирающая раса, добровольно сокращающая свою численность. Бушмены безнадежно неграмотны, лишены амбиций и стремления к успеху. Двести лет прошло, а они все еще не вписались в нашу жизнь. Да они и не пытаются. В делах они ненадежны: ведут себя непредсказуемо. Поверь мне, тебе их ничем не удастся увлечь.

Прошло несколько дней, но мысли о погибшем молодом человеке меня не покидали. Я поделилась своим беспокойством с женщиной медиком, которая занималась проектом, похожим на мой. Она общалась с пожилыми аборигенами по долгу службы: собирала сведения о диких травах, растениях, цветах, которые могли с точки зрения науки обладать целебными свойствами. Авторитетами в этой области знаний считались аборигены. Данные об их внушительной продолжительности жизни и крайне редко встречавшиеся случаи дегенеративных заболеваний говорили сами за себя. Она подтвердила: шагов к какому-либо сближению рас практически сделано не было, но согласилась помочь мне в попытке понять, может ли хоть что-то изменить еще один энтузиаст.

Двадцать два молодых аборигена-полукровки были приглашены нами на первую встречу. Она представила меня. В этот вечер я говорила о правительственной системе свободной занятости и обсуждала, что в состоянии сделать для непривилегированной городской молодежи организация «Молодые достижения». Цель была отыскать дело, которым могла бы заняться эта группа. Я согласилась научить их, как доставать материалы, организовывать рабочую силу, производить продукт, выводить его на рынок и заводить связи в предпринимательских и банковских кругах. Они заинтересовались.

На следующей встрече мы рассматривали возможные направления деятельности. Мои дедушка с бабушкой жили в годы моей юности в штате Айова. Я вспомнила, как бабушка поднимала скользящую раму окна вверх, доставала небольшие складные жалюзи, растягивала их на всю ширину окна, а затем опускала оконное стекло вниз к подоконнику. Это создавало затененное пространство. Дом, в котором я жила, подобно большинству старых загородных австралийских домов, не имел жалюзи. Кондиционеры, как правило, в жилых домах отсутствовали, поэтому население обычно открывало окна, позволяя летучим тварям свободно проникать в помещение. Комаров не было, но каждый день нам приходилось бороться с летающими тараканами. Я ложилась спать в одиночестве, но часто просыпалась оттого, что на подушке рядом со мной оказывалось несколько двухдюймовых черных жуков. Мне виделось, что жалюзи будут хорошей защитой от вторжения насекомых.

Все согласились, что такие жалюзи — хороший проект для запуска бизнеса. Я знала супружескую пару в Штатах, которые могли помочь.

Он был дизайнером в крупной компании, а она — художником. Если мне удастся объяснить в письме, чего я хочу, они сделают эскиз. Двумя неделями позже я получила чертеж. Моя дорогая старушка тетя Нола из Айовы согласилась оказать финансовую помощь для закупки материалов и

начала дела. Нам нужно было помещение для работы. Гаражи подошли бы, но они встречались нечасто, а вот автомобильных навесов было предостаточно. Мы приобрели один из них и стали работать на свежем воздухе.

Каждый из юных аборигенов естественным образом стал заниматься делом, к которому имел большую склонность. У нас был бухгалтер, был ответственный за закупки, еще один юноша прекрасно справлялся с учетом расходных материалов. Мы наняли специалистов для каждой стадии производства и даже несколько торговых агентов из числа местных. Я наблюдала со стороны за тем, как формируется структура компании. Было очевидно: они все поняли без всякого назидания с моей стороны, что тот, кому нравится быть уборщиком, в той же степени способствует общему успеху, как и те, кто занимается продажами конечного продукта. Наш метод заключался в предоставлении на несколько дней комплекта жалюзи на пробу бесплатно. Когда мы приходили к клиенту вновь, с нами расплачивались, если устройство работало хорошо. Обычно в этом случае мы получали заказ и для прочих окон в помещении. Я также научила их доброй американской традиции просить отзывы.

Время бежало. Дни мои были заняты работой, написанием пособий, поездками, преподаванием. Большую часть вечеров я проводила в компании молодых ребят. Изначальное ядро компании оставалось неизменным. Их банковский счет неуклонно рос, и мы завели на каждого кредитные фонды.

Встретившись как-то в выходные с Джеффом, я рассказала о своем проекте и о желании помочь молодым людям обрести финансовую независимость. Может, их и не наймут на работу в крупные компании, но им никто не запретит приобрести фирму, если у них будет достаточно средств. Полагаю, я немного преувеличила свой вклад в пробуждение у них чувства собственного достоинства. Джефф сказал:

— Ну ты молодчина, янки!

Но к нашей следующей встрече он припас несколько книг по истории. Сидя в его дворике с видом на самую красивую в мире гавань, я всю субботу провела за чтением.

История сохранила мнение преподобного Джорджа Кинга, который писал 16 декабря 1923 г. в «Австралиан Сандэй Таймс»:

«Аборигены Австралии стоят, без сомнения, на низшей ступени развития цивилизации. Они не имеют достоверной традиционной истории своих деяний и собственного происхождения. Если они исчезнут вдруг с лица земли, от них не останется ни одного произведения искусства, свидетельствующего

щего об их существовании в качестве народа, хотя они, очевидно, блуждают по бескрайним просторам Австралии с самого раннего периода мировой истории».

Была и еще одна весьма распространенная цитата из Джона Берлесса насчет отношения белой Австралии к местным:

«Я дам вам что-то, но у вас нет ничего, что бы я хотел иметь».

А вот что можно вынести из этнографических и антропологических материалов четырнадцатого съезда Ассоциации Австралии и Новой Зеландии по развитию науки:

«Обоняние недоразвито.

Память развита незначительно.

Дети не обладают сколько-нибудь выраженной силой воли. Склонны ко лжи и трусливы.

Не страдают от боли так же остро, как представители высших рас...».

Затем следовали исторические сочинения, в которых говорилось, что мальчики-аборигены проходят обряд посвящения в мужчины посредством рассечения пениса от мошонки до головки тупым каменным ножом без всякой анестезии. Во взрослое состояние переходят также путем выбивания переднего зуба; это делает колдун, вооруженный камнем. Крайняя плоть юноши подается на обед его родственникам мужского пола, а его самого, испуганного, истекающего кровью, отправляют одного в пустыню, чтобы он доказал свою способность к выживанию. История гласила, что они были каннибалами и что женщины иногда поедали собственных младенцев, отрезая от их тел наиболее нежные части. Один из рассказов в книге повествовал о двух братьях. Младший ранил старшего в драке из-за женщины. Отрезав себе ногу, пораженную гангреной, старший выколол младшему глаза, и впоследствии они зажили в мире. Хромой брат ходил на протезе, сделанном из кенгуру, водя за собой слепого, который держался за конец длинной палки.

Почерпнутое мной было отвратительно, но труднее всего было понять правительственную брошюру о первобытной хирургии, в которой утверждалось, что аборигены, к счастью, имеют нечеловеческий болевой порог.

Мои компаньоны по проекту не были дикарями. Во всяком случае, они были похожи на разочаровавшуюся молодежь в моей родной стране.

Они жили изолированными группами, более половины семей получали пособия. Мне представлялось, что они обречены всю жизнь ходить в поношенных джинсах, с неизменной банкой теплого пива

и лишь один из многих имеет возможность когда-нибудь выбиться в люди.

В следующий понедельник, наблюдая, как продвигается проект по изготовлению жалюзи, я поняла, что становлюсь свидетельницей настоящей бескорыстной поддержки, чуждой моему миру бизнеса. Это очень вдохновило меня.

Я спросила молодых сотрудников об их родне. Они сказали, что роль племени в их жизни давно утрачена. Некоторые вспомнили легенды предков о том времени, когда континент населяла только раса аборигенов. Тогда среди прочих были люди Соленой Воды, люди Эму, но теперь они явно не желали, чтобы им напоминали об их темной коже и внешних отличиях от белых. Они надеялись жениться на ком-нибудь с более светлой кожей и что в конце концов их дети не будут отличаться от окружающих.

Наша компания по всем критериям была вполне успешной, и я не удивилась, когда однажды мне позвонили и пригласили на встречу, которую устраивало племя аборигенов на другом конце Австралии. Звонивший подчеркивал, что это не просто встреча, а моя встреча. «Пожалуйста, устройте все так, чтобы вы могли приехать», — настаивал незнакомец, поговору — абориген.

Я купила новую одежду, авиабилет туда и обратно, заказала гостиницу. Сказала коллегам, что уеду на некоторое время, и объяснила, почему меня вызывают. Поделилась своими радостными чувствами с Джеффом, своей хозяйкой и дочерью в письме. Я была польщена, что люди, находившиеся так далеко, наслышаны о нашем проекте и хотят выразить свою признательность.

— Машину от гостиницы до места встречи вам обеспечат, — заверили меня по телефону. Мы договорились, что за мной заедут в полдень. Судя по всему, это означало обед в мою честь. Я поинтересовалась, что будем кушать.

Ну что ж, Оота явился ровно в двенадцать, но вопрос о меню аборигенов остался без ответа.

6. Банкет

Невероятная целебная мазь, приготовленная путем нагревания листьев и выжимания из них масла, подействовала: ногам стало намного легче, и я даже подумывала встать. Справа от меня группа женщин устроила нечто вроде конвейера. Одна собирала большие листья. Другая ковыряла длинной палкой в зарослях кустов и среди упавших деревьев, третья подбирала что-то и укладывала на лист.

Затем содержимое укрывалось вторым листом и заворачивалось. Еще одна женщина бегала к костру со свертками и один за другим закапывала их в угли. Мне стало интересно. Это была наша первая совместная трапеза, еда, о которой я долго мечтала. Я поднялась, подошла поближе и не поверила своим глазам: в ладони женщины извивался большой белый червяк.

Глубокий вздох вырвался из моей груди. Я уже потеряла счет, сколько раз за сегодняшний день лишалась дара речи. Одно было вполне ясно. Раньше я твердо знала, что никогда не проголодаюсь настолько, чтобы съесть червяка! Но в этой ситуации мне был преподан урок: никогда не говори «никогда». Сейчас я пытаюсь вычеркнуть это слово из своего лексикона. Я поняла, что есть вещи, которым отдаю предпочтение, и вещи, которых избегаю, но слово «никогда» не оставляет места для непредвиденных ситуаций и покрывает собой слишком большой промежуток времени.

Вечера с членами племени стали для меня настоящей радостью. Они рассказывали истории, пели, танцевали, играли в игры, вели задушевные беседы. Это был поистине праздник общения. Всегда, пока готовилась пища, мы чем-нибудь да занимались. Они делали друг другу массаж плеч, спин и даже головы. Я видела, как они обращаются с шеей и позвоночником. Во время путешествия мы поделились опытом: я показала им американские методы коррекции спины и суставов, а они научили меня своим.

В тот первый день я не увидела ни чашек, ни тарелок, ни кастрюль.

Догадка моя оказалась верной. Атмосфера должна быть неформальной, и питаться следует, как на пикнике. Вскоре свертки из листьев были извлечены из углей. Мою порцию мне выдали участливо, как тяжелобольной. Я смотрела, как все разворачивали листья и пальцами брали червяков. Мое блюдо было теплым, но не шевелилось, поэтому я набралась храбрости и заглянула внутрь. Отвратительный червяк исчез. Во всяком случае, он уже не выглядел червяком. Это был коричневый, скрученный стручок, похожий на жареный арахис или свиную шкварку. «Я справлюсь», — подумала я. И справилась. На вкус вполне сносно! Я не знала, что какое бы то ни было приготовление пищи, особенно тепловая обработка продукта до полной неузнаваемости, не в обычаях племени. Все это сделали специально ради меня.

Этой ночью мне объяснили, что племени стало известно о моей работе с городскими аборигенами. Пусть даже эти ребята-полукровки и не были их сородичами, моя работа показала, что их проблемы мне небезразличны. Вызов послали, поскольку они решили, что я, из бескорыстного интереса, взываю о помощи. Проблема была, в их понимании, в том, что я не имела представления о культуре аборигенов

и, разумеется, о законах данного племени. Обряды, в которых я участвовала в начале дня, были испытаниями. Меня сочли достойной познания истинных отношений людей с миром, в котором мы живем, и потусторонним миром, откуда все мы пришли и куда вернемся. Меня следовало обратить к пониманию моего собственного бытия.

Пока я сидела, завернув ноги в драгоценные листья, которых удалось насобирать не так уж много, Оота посетовал, в какое невероятное предприятие ввязались эти пустынные кочевники, взяв меня с собой. Мне разрешили пожить их жизнью. Никогда ранее они не связывались с белыми людьми и даже не подумывали установить с ними какие-либо контакты. На самом деле они все время избегали этого. По их заверениям, все другие племена Австралии подчинились законам белого правительства, а они последние, кто живет собственной изолированной жизнью. Обычно они скитаются небольшими семьями в шесть — десять человек, но по данному поводу собрались все вместе.

Оота сказал что-то людям, и каждый из них в свою очередь обратился ко мне. Они называли свои имена. Слова были для меня трудны, но, к счастью, их имена кое-что означали. Имена аборигены используют не так, как мы в Штатах, вроде Дебби или Коди, поэтому я смогла соотнести имена с их смыслом, вместо того чтобы пытаться правильно произнести сами слова. Имя дают каждому ребенку при рождении, но существует представление, что по мере взросления человек также вырастает и из своего имени, и тогда он выбирает себе новое, более соответствующее моменту. На протяжении жизни имя может меняться несколько раз, поскольку со временем человек начинает по-иному понимать, что такое мудрость, творчество, цель жизни. В нашей компании среди прочих были Рассказчик, Создатель Орудий, Хранитель Тайн, Швея-Мастерица, Большой Музыкант.

Наконец, Оота указал на меня и обратился к каждому по очереди, произнося одно и то же слово. Я подумала, что они пытаются произнести мое имя, но затем мне показалось, что меня решили называть по фамилии. Оказалось, ничего подобного. Слово, которым меня назвали в эту ночь и называли на протяжении всего путешествия, было Искаженная. Я не понимала, почему Оота, владевший обоими языками, учил их произносить столь странный термин. «Искажение» В моем представлении означает некоторое значительное изменение базовой структуры, в результате чего появляется нечто новое, не похожее на оригинал. Но на самом деле все это не имело особого значения, поскольку начиная с этого дня я неизменно пребывала в полном смятении.

Оота сказал, что в некоторых племенах используют всего порядка восьми имен — больше похоже на систему исчисления. Каждый человек одного поколения и одного пола считается в одинаковых родственных отношениях с другими, так что у каждого есть несколько матерей, отцов, братьев и т. д.

Когда стемнело, я спросила о наиболее приемлемом способе облегчиться. Я пожалела, что не обращала раньше пристального внимания на поведение Зук, кошки моей дочери, поскольку здесь процесс хождения в туалет состоял в том, чтобы удалиться в пустыню, выкопать ямку в песке, присесть на корточки и вновь закопать ямку. Меня предупредили об опасности. Змеи становятся активными с момента, когда спадает жара, и до наступления ночной прохлады. Пока я бродила среди дюн, меня преследовали видения свирепых глаз и ядовитых жал, разбуженных моими действиями. Когда-то, путешествуя по Европе, я была в ужасе от качества туалетной бумаги. В Южную Америку я уже брала свою. Здесь же ее отсутствие меня практически перестало волновать.

Вернувшись к остальным после вылазки в пустыню, я разделила с ними заваренный на всех «каменный» чай по-аборигенски. Его готовят, бросая горячие камни в емкость с водой. Емкость эта когда-то служила мочевым пузырем какого-то животного. В горячую воду добавляют дикие травы и настаивают до готовности. Мы передавали единственный наш сосуд друг другу. Вкус был замечательный!

«Каменный» чай, как я поняла, готовили по особым случаям, таким, например, как завершение первого дня путешествия новичка. Кочевники понимали, какие трудности ждут меня при отсутствии обуви, тени и транспорта. Травы, добавленные в воду, не предназначались для разнообразия меню, они не служили лекарством или питательным веществом. Они были своего рода поздравлением, способом признания достижений коллектива. Я не сдалась, не потребовала, чтобы меня вернули в город, не жаловалась в пути. Аборигены почувствовали, что я переняла их дух, дух племени.

Затем люди принялись выравнивать песок, и каждый взял из общей кучи поклажи свернутую шкуру или покрывало. Одна пожилая женщина смотрела на меня весь вечер с безучастным выражением лица. — О чем она думает? — спросила я у Ооты.

— О том, что ты утратила свой запах цветов и что ты, вероятно, пришелец из другого мира, — ответил он.

Я улыбнулась, и женщина протянула мне мой сверток. Ее звали Швея-Мастерица.

— Это шкура динго, — сообщил Оота. Я знала, что динго — это дикая австралийская собака вроде койота или волка. — Ее шкуру можно использовать как угодно: положить под себя, накрыться или

свернуть как подушку.

«Здорово, — подумала я. — Можно выбрать, какие двадцать четыре дюйма тела устроить поудобнее».

Я решила положить шкуру между собой и ползающими тварями, которых нарисовала в своем воображении. Годы прошли с тех давних пор, как я последний раз спала на земле. Я вспомнила себя ребенком на большой плоской скале в пустыне Мохаве в Калифорнии. Мы жили тогда в Барстоу. Главной местной достопримечательностью была плоская скала, которую местные называли Горой В. Частенько летними днями я брала бутылку лимонада и сандвич с арахисовым маслом и лазила по этой скале. Я всегда забиралась на одну и ту же плиту, съедала свои запасы и разглядывала облака, угадывая в них очертания предметов. Детство уже в далеком прошлом. Забавно то, что небо осталось прежним. Похоже, я не обращала раньше особого внимания на небесные тела. Над нами раскинулось темно-синее покрывало, усыпанное серебром. Я увидела Южный Крест — символ, изображенный на флаге Австралии.

Лежа, я размышляла о своем приключении. Удастся ли мне описать когда-нибудь, что произошло сегодня? Открылась дверь, и я вошла в мир, о существовании которого прежде не подозревала. Конечно, эту жизнь роскошной назвать нельзя. Я жила во многих местах и побывала в разных странах, но никогда не испытывала ничего подобного. Мне было интересно, чем же все это закончится.

Надо будет объяснить им на следующее утро, что одного дня для меня вполне достаточно, чтобы познакомиться с их культурой. Мои ноги выдержат поход обратно до джипа. Может, мне удастся захватить с собой немного чудодейственного бальзама для ног — он действительно помог мне. В общем, день был не так уж плох, если не считать моих измученных ног.

Где-то в глубине души я испытывала чувство благодарности за то, что больше узнала о жизни другого народа. Я увидела, что в человеческих сердцах течет не только кровь. Я закрыла глаза и молча поблагодарила Всевышнего.

Кто-то на противоположной стороне лагеря что-то сказал. Фразу повторяли по очереди. Они словно передавали ее от одной лежащей фигуры к другой. Наконец пришла очередь Ооты, чье ложе было рядом с моим. Он повернулся и произнес: «Благодарность принята; это хороший день».

Несколько удивившись, что получила ответ на свою мысленную благодарность, я произнесла, на этот раз вслух, «спасибо» и «пожалуйста».

7. Что значит «социальное обеспечение»?

Утром, еще до восхода солнца, меня разбудили мои спутники, собиравшие немногочисленный скарб, которым мы пользовались накануне вечером. Мне объяснили, что жара будет нарастать, поэтому передвигаться следует в более прохладные утренние часы, затем устроить привал, а ближе к вечеру вновь продолжить путь. Я сложила шкуру динго и передала ее тому, кто упаковывал вещи. Покрывала должны были лежать в мешке сверху, поскольку в самую жару нам следовало найти убежище, построить «вилтья» — временный шалаш из веток либо соорудить укрытие из наших одеял.

Большинство животных не выносит слепящего солнца. Лишь ящерицы, пауки и мухи остаются активными при сорока и более градусах. Даже змеи вынуждены прятаться в дневные часы максимальной жары, так как им грозит смерть от обезвоживания. Обнаружить змей бывает трудно: они зарываются в песок, а когда мы приближаемся к ним, высовывают наружу головы, чтобы установить источник вибрации почвы. Слава богу, я не знала тогда, что в Австралии насчитывается две сотни разновидностей змей и более семидесяти из них ядовиты.

В тот день, впрочем, я поняла, насколько тесно аборигены связаны с природой. До начала движения мы встали в полукруг лицом к востоку. Вождь Племени вошел в центр и начал петь. Возник ритм, который поддерживался ударами в ладоши, топотом ног и хлопками по бедрам. Так продолжалось минут пятнадцать и повторялось каждое утро, пока мы шли. Обряд стал неотъемлемой частью нашей совместной жизни. Это были утренняя молитва, собрание, планерка называйте как угодно. Люди племени верят, что все существующее на нашей планете имеет свою причину. У всего сущего есть цель. Аномалий, несоответствий, случайных событий не бывает. Есть только неправильное понимание, а также тайны, пока еще скрытые от смертных.

Цель царства растений — служить пропитанием для животных и людей, скреплять почву, поддерживать красоту, сохранять равновесие в атмосфере. Мне говорили, что травы и деревья беззвучно поют нам песню и просят нас лишь об одном — петь им в ответ. Мой научный ум тут же интерпретировал это как обмен кислорода и углекислого газа в природе. Изначальная цель животных состоит не в том, чтобы кормить человека, хотя они соглашаются на это при необходимости. Животные существуют, как и растения, для равновесия атмосферы, становятся спутниками и учителями, на своем примере показывая нам, как нужно жить. Поэтому каждое утро племя посылает мысленное сообщение всем

животным и растениям на нашем пути. Аборигены как бы говорят: «Мы идем вашей дорогой, мы идем с признанием цели вашего существования». А растения и животные сами решают, кому из них на этот раз суждено принести пользу людям.

Племя Истинных Людей никогда не остается без еды. Природа всегда отвечает на их мысленные просьбы. Они верят, что мир изобилен. Подобно тому как мы слушаем игру на фортепьяно и отдаем должное таланту и целеустремленности исполнителя, так и они открыты любым проявлениям природы. Когда на нашем пути попала змея, всем было очевидно, что она появилась для того, чтобы послужить нам обедом. Добытая днем пища была важной частью наших вечерних празднеств. Я узнала, что появление еды не воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Сначала о ней просят, терпеливо ожидают, когда она появится, и принимают с благодарностью, всегда искренней. Племя начинает каждый свой день с благодарности Единому за новый день, за самих себя, своих друзей и весь окружающий мир. Они иногда обращаются с более конкретными просьбами, но всегда добавляют: «Если это послужит моему высшему благу и высшему благу всей окружающей жизни».

После утреннего собрания я попыталась было сказать Ооте, что пришло время проводить меня обратно к джишу, но Ооты нигде не было видно. Чуть погодя я признала, что смогу как-нибудь выдержать еще один день.

Заранее заготовленной провизии у племени не было. Они ничего не сажали и не собирали урожай. Они шагали по раскаленной австралийской пустыне, зная, что каждый день будут получать от природы щедрые дары. И природа никогда не подводила их.

В первый день завтрака у нас не было, и я поняла, что это в порядке вещей. Иногда мы питались ночью, однако чаще всего тогда, когда появлялась еда, независимо от положения солнца. Наши частые перекусы в самых разных местах не были трапезой в привычном понимании.

Мы несли с собой несколько сосудов с водой, сделанных из мочевых пузырей животных. Мне было известно, что человек на семьдесят процентов состоит из воды и нуждается при идеальных условиях минимум в одном галлоне воды в день. Наблюдая за аборигенами, я поняла, что их потребность в воде намного меньше моей. Они редко пили из фляг. Казалось, их тела максимально использовали влагу, содержащуюся в пище. Они верят, что Искаженные имеют множество пагубных привычек, и склонность к избыточному питью — одна из них.

Мы использовали воду, чтобы размачивать во время еды то, что выглядело мертвыми, высохшими сорняками. Безжизненные и обезвоженные веточки погружали в воду, и по прошествии некоторого времени те становились похожими на свежие стебли сельдерея.

Они умели находить воду там, где не было ни малейших признаков влаги. Иногда они ложились на песок и прислушивались к течению воды в глубине земли или же опускали руки ладонями вниз и словно сканировали почву в поисках влаги. Они вкапывали длинные полые тростинки в землю и всасывали воздух с верхнего конца, создавая мини-фонтан. Такая вода была с песком и темного цвета, но с чистым и освежающим вкусом. Они знали о наличии воды на расстоянии, наблюдая испарения, и могли даже учуять ее при дуновении ветра. Теперь я понимаю, почему столь много белых людей, пытавшихся осваивать пустынные районы Австралии, погибали так быстро. Следовало прежде всего освоить местную науку выживания.

Когда мы брали воду из углубления в скале, меня научили, как приближаться к таким местам, чтобы не осквернить их своим человеческим запахом и не напугать животных. Ведь эта вода принадлежит и им тоже. Они имеют такое же право на нее, как и мы. Племя никогда не забирало всю воду без остатка, сколь бы скудны ни были наши запасы в тот момент. Во всех водоносных районах люди пили воду из источника с одного и того же места. Все животные поступали точно так же. Лишь птицы пренебрегали общим правилом и свободно пили и купались, где хотели.

Люди племени могли, взглянув на землю, определить, какие животные находятся неподалеку. С детства они были приучены наблюдать и моментально распознавать следы, которые оставляют на песке прыгающие, ползающие и ходячие существа. Они так привыкли к следам друг друга, что могли не только узнать по ним конкретного человека, но и определить по длине шага, чувствует ли тот себя хорошо или передвигается медленно из-за болезни. Малейшие изменения следов говорили им, куда направляется человек. Их чувства были развиты намного сильнее, чем у людей, выросших в других культурах. Их слух, обоняние и зрение казались сверхчеловеческими.

Позже я узнала, что водители из числа аборигенов могут распознавать по отпечаткам шин скорость, тип автомобиля, время проезда и даже число пассажиров.

В следующие несколько дней мы питались луковицами, клубнями и прочими корнеплодами, растущими под землей, вроде картофеля и ямса. Аборигены умели определять зрелый корнеплод, не вытаскивая его из земли. Они водили руками над растениями и говорили: «Вот этот растет, но еще не созрел.

А вот этот готовится к размножению». Все стебли выглядели для меня одинаково, поэтому, напрасно побеспокоив несколько растений, которые затем пришлось сажать обратно, я сочла, что лучше будет, если мне подсказут, какое из них следует выдергивать. Они объясняли все своей природной способностью к «хождению с лозой», свойственной всем людям. Поскольку в моем обществе не поощряют развитие собственной интуиции и даже порицают эту способность как сверхъестественную, чуть ли не как дурную, мне пришлось обучаться тому, что дается всем от природы. В конечном счете меня научили узнавать у растений, готовы ли те выполнить предназначение их жизни. Я спрашивала согласия у Вселенной, а затем начинала водить ладонью. Иногда я ощущала тепло, а порой мои пальцы неконтролируемо дрожали, когда ладонь находилась над созревшим растением. Научившись общаться с растениями, я ощутила, что сделала огромный шаг вперед к взаимопониманию с членами племени. Это словно бы означало, что я постепенно становилась чуточку менее искаженной и, постепенно, все более настоящей.

Важно, что мы никогда не использовали естественную делянку, на которой росло данное растение, целиком. Мы всегда оставляли достаточное количество для восстановления поросли. Люди племени удивительно точно разбирались в том, что называли песней или беззвучной мелодией земли. Они ощущали импульсы окружающей среды, как-то по-особому расшифровывали их, а затем сознательно действовали, словно у них всегда был включен крошечный небесный радиоприемник, транслирующий послания Вселенной.

В один из первых дней мы двигались по дну высохшего озера. На поверхности виднелись беспорядочные широкие разломы, и края каждого из образовавшихся фрагментов почвы как бы закручивались кверху. Несколько женщин собрали белую глину, которую затем растерли в мелкий порошок для раскрашивания.

Другие женщины несли длинные палки, которые втыкали в затвердевшую глину. На глубине нескольких футов они нашли влагу и вытащили наружу маленькие шарики ила. К моему удивлению, эти шарики, будучи очищенными от налипшей грязи, оказывались лягушками. Очевидно, прячась от жары глубоко под землей, они боролись с обезвоживанием. В поджаренном виде они были сочными и по вкусу напоминали грудку цыпленка. В следующие месяцы перед нами появлялась самая разнообразная пища, которой мы воздавали должное, ежедневно празднуя жизнь во всех ее проявлениях. Мы ели кенгуру, диких лошадей, ящериц, змей, жуков, личинок всех цветов и размеров, муравьев, терми-

тов, муравьедов, птиц, рыбу, семена, орехи, фрукты, бесчисленное множество различных растений и даже крокодилов.

В первое утро ко мне подошла одна из женщин. Она сняла со своей головы грязный шнурок, собрала мои волосы с плеч в пучок наверх и сделала мне новую прическу. Ее звали Жена духа. Я не очень поняла, с кем именно она имела духовную связь, но после того как мы подружились, я решила, что со мной.

Я потеряла счет дням, неделям и времени вообще. Я отказалась от мысли просить их вернуться к машине. Это казалось бесполезным, так как явно пришел черед иных событий. Люди племени действовали по какому-то замыслу, но, очевидно, для меня еще не наступило время узнать, в чем он состоит. Испытания моей силы, реакции, веры происходили постоянно, но зачем это было нужно — я не знала и спрашивала себя: быть может, у людей, которые не умеют читать и писать, совсем другие методы отмечать зачетки ученикам?

Порой песок становился таким горячим, что я буквально слышала голос своих ног. Они шипели, словно котлеты на сковородке. По мере того как высыхали и отвердевали мозоли, ступни все больше походили на копыта.

Шло время, и мой организм необычайно окреп. Без всякого завтрака или обеда я научилась питаться зрением. Я наблюдала, как состязаются в беге ящерицы, как умываются насекомые, научилась распознавать скрытые в скалах и небесах картины.

Люди открывали мне свои сокровенные места в пустыне. Священным, казалось, было все вокруг: отроги скал, холмы, ущелья, даже гладкие высохшие котловины. Казалось, там и сям проходили незримые линии, отделявшие владения одного древнего племени от другого. Мне объяснили, как можно измерять расстояния особым способом ритмичного пения. В некоторых песнях было по сотне куплетов. Каждое слово и каждая пауза в песнях должны быть выверены, поэтому память, используемая в буквальном смысле как измерительный инструмент, должна быть острой и цепкой, чтобы не допустить провалов или неточностей. Пение сопровождало нас от одного места до другого. Мне осталось лишь сравнить эти песенные линии с похожим методом измерения расстояния, придуманным одним моим незрячим другом. Люди племени отказались от письменного языка, поскольку он, как они считали, ослабляет память. Если тренироваться и требовать от себя безупречного памятования, то можно добиться идеального уровня использования этого изобретения.

Небо над нами неизменно оставалось пастельно-голубым, лишь иногда меняя оттенки для разнообразия. Зрение напрягалось от яркого света дня в сочетании с блеском песка, но одновременно и усиливалось, превращая мои глаза во входные ворота для потока картин окружающего пространства.

Я начала ценить, а не воспринимать как должное способность ощущать обновление после ночного сна, возможность утолить жажду всего несколькими глотками воды; я стала ощущать целую гамму оттенков вкуса — от сладкого до горького. Моя прежняя жизнь постоянно учила меня заботиться прежде всего о том, чтобы не потерять работу, обезопасить свои сбережения от инфляции, приобрести недвижимость и накопить средства на старость. Здесь же единственной нашей социальной гарантией был непрекращающийся дневной цикл от рассвета до захода солнца. Меня поразило, что самая социально необеспеченная раса в мире не страдает от язвенной болезни, гипертонии и сердечно-сосудистых заболеваний.

Я начала видеть красоту и единство всего живого в его самых странных проявлениях. Клубок из двух сотен змей, каждая толщиной не более окружности моего большого пальца, извивался, словно живой орнамент на музейной вазе. Я всегда ненавидела этих животных. Но сейчас смотрела на них как на необходимое звено в природе, как на существа, необходимые для выживания каждого из нас. К змеям, по моему мнению, так трудно относиться с любовью, что они стали объектами искусства и религиозного поклонения. Когда-то я и представить не могла, что можно есть копченое змеиное мясо, не говоря уже о живых змеях, но наступило время, когда мне пришлось питаться именно таким образом. Я выучила, сколь ценной может быть влага, содержащаяся в любой пище.

За месяцы пути мы испытали все крайности местного климата. В первую ночь я использовала выделенную мне шкуру как подстилку, но, когда ночи выдавались холодными, она превращалась в мое одеяло. Большинство людей спали на голой земле, в объятиях друг друга. Они зависели от тепла тела ближнего гораздо больше, чем от костра, тлеющего рядом. В самые холодные ночи зажигали несколько костров. В прошлом племя странствовало с прирученными динго, которые помогали людям охотиться и делились с ними по ночам своим теплом. Отсюда пошло выражение «трехсобачья ночь».

Иногда по вечерам мы ложились на землю по-особому, в круг. Это помогало лучше использовать наши покрывала, а также хранить и передавать друг другу тепло. Мы выкапывали в песке канавки, клали туда слой горячих углей, а затем присыпали их сверху песком. Часть шкур укладывалась на землю, а остальными накрывались. Каждая канавка приходилась на двух человек. Наши ноги сходи-

лись в центре круга. Помню, как, уткнув руки в подбородок, вглядывалась в простор неба надо мной. Я чувствовала сущность этих чудесных, чистых, невинных и чутких людей, окружавших меня. Этот круг душ в форме цветка маргаритки, с крохотными костерками между каждыми двумя телами, должно быть, великолепно смотрелся с высоты.

Казалось, люди племени лишь слегка касаются друг друга кончиками пальцев ног. Но с каждым днем я постигала все больше и больше, что их сознание извечно соприкасается с сознанием всего человечества.

И только теперь я начала осознавать, почему они столь искренне полагали, что я — Искаженная. И в свою очередь преисполнялась благодарности за предоставленную возможность пробуждения.

8. Беспроволочный телефон

Тот день начался примерно так же, как и любой другой, и я даже не предполагала, что нас ожидало впереди. Правда, мы позавтракали, что уже само по себе было необычно. За день до этого во время перехода мы набрели на огромный мелкопористый камень, который можно было использовать как мельничный жернов. Эту огромную глыбу овальной формы, очевидно, тащить было бы слишком тяжело, и мы оставили ее для тех путников, которым посчастливится найти семена или зерно. Женщины размололи стебли растений в муку, потом они добавили в нее соленых трав и воды и слепили лепешки, напоминавшие олады.

Мы обратились лицом к востоку и поблагодарили за все полученные благословения; мы направили нашу ежедневную признательность царству пищи.

Один из младших мужчин племени занял место в центре круга.

Сегодня ему предстояло выполнить особое задание. Он раньше всех покинул лагерь и убежал вперед. Мы двинулись в путь вслед за ним. Спустя несколько часов Вождь остановил нас и упал на колени. Все собрались вокруг, а он стоял так, вытянув руки вперед и плавно поводя ими. Я спросила Ооту, что происходит. Он жестом показал мне, чтобы я сохраняла молчание. Никто не разговаривал, лица были напряжены.

Оота сказал мне, что лазутчик, ушедший вперед, посылает нам сообщение. Он убил кенгуру и спрашивал разрешения отрезать его хвост.

До меня наконец дошло почему мы всегда перемещались молча. Эти люди общались между собой в основном при помощи телепатической связи. И я была этому свидетелем. До меня не доносилось ни звука, но люди обменивались сообщениями на расстоянии двадцати миль.

— Почему он хочет отрезать хвост? — поинтересовалась я.

— Потому что это самая тяжелая часть кенгуру, а он очень слаб, чтобы нести животное целиком. Кенгуру выше его, а он говорит, что вода, которую он пил по дороге, оказалась испорченной, и у него начался жар. У него пот капает с лица.

Телепатическое сообщение было отправлено. Оота сообщил, что сейчас нужно устроить привал. Несколько человек принялись выкапывать большую яму для мяса, которое должен был принести юноша. Остальные стали готовить лекарство из трав под руководством Лекаря и Целительницы.

Несколькими часами позже к нашему лагерю подошел молодой человек с выпотрошенным кенгуру без хвоста. Распоротое брюхо кенгуру было как бы зашито заостренными палочками. Кишки животного служили веревками, связывающими четыре лапы вместе. Он нес сотню фунтов мяса на голове и плечах, истекал потом и был явно нездоров. Я наблюдала, как племя занялось его лечением и приготовлением пищи.

Сначала кенгуру держали над открытым огнем. Запах горячей шерсти повис в воздухе, словно смог над Лос-Анджелесом. Голову отделили, а кости ног сломали, чтобы удалить сухожилия. Затем тушу опустили в яму, выложенную со всех сторон горячими углями. Небольшую емкость с водой поставили в угол ямы, из которой торчала вверх длинная тростинка. Сверху навалили хворост. Изредка в течение нескольких часов шеф-повар наклонялся над дымом, дул в тростинку, разбрызгивая воду внутри ямы. Тут же появлялся пар.

К началу трапезы прожарилось только несколько дюймов верхнего слоя мяса. Я сказала, что хочу нанизать свою порцию на палочку, как шашлык, и поджарить мясо как следует. Они тут же изготовили некое подобие вилки и подали ее мне.

Тем временем молодому охотнику оказывали медицинскую помощь.

Для начала ему дали выпить настой из трав. Затем, вынув из глубины ямы холодный песок, они сделали что-то вроде холодного компресса на ноги. Как мне объяснили, если удастся направить жар из его головы в ступни, температура тела нормализуется. Это выглядело весьма странно, но лихорадка действительно спала. Травы также оказались действенным средством для предотвращения болей в

желудке и расстройстве кишечника, которыми должно было закончиться выпавшее на его долю тяжелое испытание.

То было впечатляющее зрелище. Если бы я не видела все собственными глазами, поверить было бы трудно, особенно в реальность телепатии. Я поделилась своими чувствами с Оотой.

Он улыбнулся:

— Теперь ты понимаешь, каково аборигенам, которые впервые в жизни оказываются в городе и видят, как вы бросаете монету в телефон, набираете номер и начинаете беседовать с родственниками. Нашим людям это представляется совершенно невероятным.

— Да, — ответила я. — И то и другое хорошо, но ваш способ явно лучше здесь, где нет ни денег, ни телефонов-автоматов.

Телепатическая связь... Мне казалось, вряд ли кто поверит в нее у меня на родине. Общество, в котором я жила, с легкостью соглашается, что люди, населяющие нашу землю, жестоки, но с трудом верит, что есть среди них и те, кто не отягощен расизмом, кто живет в гармонии с остальными, поддерживает ближних, видит и ценит их уникальные способности, уважительно относится к их талантам.

По словам Ооты, Истинные Люди владеют телепатией прежде всего потому, что никогда не лгут, не позволяют себе ни малейшей выдумки, ни так называемой частичной правды, не говоря уже о каком-либо серьезном неправдивом заявлении. Лжи нет вовсе, и скрывать им нечего. Эти люди не боятся быть открытыми, готовы получать и давать каждому любую информацию. Оота разъяснил, как работает данный принцип. Например, в возрасте двух лет ребенок видит, как другой малыш играет с игрушкой — тянет, скажем, на веревке камень. И вот если этот ребенок станет отнимать игрушку у другого, он почувствует, что все взрослые смотрят в его сторону. Он поймет, таким образом: его намерение взять что-либо без разрешения становится известным и является неприемлемым. А второй ребенок поймет, что надо делиться и не привязываться к вещам, поскольку он уже порадовался и сохранил в памяти ощущение этой радости, поэтому желанным является ощущение счастья, а не сами предметы.

Мысленное общение — способ, предназначенный для всего человечества. Различия в языках и способах письма исчезают, когда люди начинают общаться без слов. «Но в моем мире это никогда не случится, — думала я. — В мире, где люди обкрадывают своих коллег, уклоняются от налогов, заводят

любовные интриги. Мой народ никогда не согласится быть в буквальном смысле „мысленно открытым“. Слишком много обмана, слишком много боли и горечи нам нужно скрывать».

Но если говорить обо мне лично, смогла бы я простить всех, кто, как мне казалось, подвел меня? Могла бы я простить себя за все те страдания, причиной которых была сама? Хотела бы я уметь, подобно аборигенам, в один прекрасный день явить всю свою подноготную на всеобщее обозрение, как эти аборигены, и просто наблюдать все свои побуждения, открытые и для меня, и для других.

Истинные Люди не думают, что голос был дан человеку для того, чтобы разговаривать. Это делается посредством головы и сердца. Если же для беседы используется голос, разговор становится малозначащим, необязательным, менее душевным. По их мнению, голос дан для пения, празднеств и лечения.

Они говорили мне, что у каждого человека множество талантов и что все умеют петь. Если я не пестую свой талант, поскольку думаю, что не умею петь, — певец внутри меня от этого не исчезает.

Впоследствии во время нашего путешествия, когда они пытались развить во мне способность к мысленному общению, я поняла, что пока у меня в сердце или мыслях есть какая-либо тайна, которую я хочу скрыть от других, телепатия невозможна. Я должна была примириться со всем, *что имела...*

Мне пришлось научиться прощать себя, не осуждать, но извлекать уроки из прошлого опыта. Они научили меня тому, насколько существенно быть правдивой с собой, принимать и любить себя, чтобы уметь так же относиться и к другим.

9. Шляпа для края света

Мухи в австралийской пустыне — это что-то ужасное. Огромное множество этих созданий появляется с первыми лучами солнца. Они буквально затмевают небо, собираясь чуть ли не миллионами в черные тучи. Зрелище напоминает по виду и звуку канзасский смерч.

То и дело я вдыхала их вместе с воздухом или отправляла в рот вместе с пищей. Они заползали в уши, путешествовали в носу, лезли в глаза, умудрялись даже пробираться между зубами и попадать в глотку. Они имели отвратительный сладкий вкус, я давилась и срыгивала. Мухи облепляли мое тело, и, когда я смотрела вниз, казалось, что на мне какая-то черная живая броня. Они не кусались, но мне хватало мучений и без того. Огромные, проворные, их было столько, что жизнь становилась невыносимой. Больше всего доставалось моим глазам.

Люди племени чувствуют, где и когда появятся мухи. Когда они видят или слышат приближение насекомых, то немедленно останавливаются, закрывают глаза и остаются в неподвижности, руки свободно свисают вдоль тела.

Я научилась от них находить положительную сторону практически во всех событиях, которые с нами случались, но с мухами не справилась бы, если бы меня не спасли. Это действительно было самое тяжелое испытание из всех, которые выпали на мою долю. Я вполне понимаю, как можно сойти с ума, когда по тебе ползут миллионы насекомых. Мне повезло, что со мной этого не случилось.

Однажды утром ко мне подошли три женщины. Они попросили дать им прядь моих волос. Я обещивала волосы в течение 30 лет, поэтому к началу путешествия по пустыне они были светло-русыми и довольно длинными. Но я всегда собирала их на макушке. По истечении нескольких недель пути, ни разу не помыв их и даже не причесав, я не представляла себе, как они выглядят. Нам не встретилось ничего, во что я могла бы разглядеть свое отражение. Я могла только предполагать, что это будут тусклые, спутанные грязные космы. Чтобы волосы не попадали мне в глаза, я носила повязку, которую мне дала Жена Духа.

Обнаружив, что у меня от корней начали расти волосы более темного цвета, женщины отложили исполнение намеченной задачи и бросились докладывать о своем открытии одному из старейшин. Это был мужчина средних лет, выдержанный и спокойный, обладавший почти атлетическим телосложением. В течение короткого времени наших совместных странствий я заметила, сколь откровенно он беседовал с членами племени, незамедлительно благодаря каждого из них за помощь, которую они оказывали другим членам группы. Мне было очевидно, почему он занимает положение лидера.

Он напомнил мне другого человека. Несколько лет назад я стояла в приемной компании «Саусвестерн Белл» в Сент-Луисе. Было около семи утра. Уборщик, усиленно драивший мраморный пол, пустил меня внутрь, чтобы я не мокла под дождем. Вскоре к входу подкатил длинный черный лимузин, из которого вышел президент «Техас Белл». Он кивнул мне и сказал «доброе утро» уборщику. Затем добавил, что ценит его усердие, благодаря которому он, как президент, уверен: пол всегда будет блестять. И кто бы ни вошел в здание, даже высшие правительственные чиновники, компания всегда будет выглядеть достойно благодаря таким сотрудникам. Я знала, что он говорит все это не для красного словца, а совершенно искренне. Я была просто посторонней, но явственно ощутила гордость, которой лучилось лицо уборщика. Я поняла, что у истинных лидеров есть нечто такое, что помогает

преодолевать барьеры между людьми. Мой отец когда-то говорил мне: «Люди работают не ради компании, а ради других людей». В действиях Вождя Племена аборигенов я видела явные способности к лидерству.

Подойдя удостовериться, что у светловолосой Искаженной действительно растут новые темные волосы, он разрешил и другим подивиться на это чудо. Их глаза словно просветлели, и каждый заулыбался от удовольствия. Оота объяснил, что они почувствовали, что я постепенно превращаюсь в аборигена.

Когда повод для развлечения был исчерпан, женщины вернулись к моим прядям и принялись вплетать в них семена, мелкие кости, стручки, какую-то траву и сухожилия кенгуру. Вскоре они закончили, на мне оказалась самая замысловатая прическа, которую я только могла представить. По всей голове свисали вниз длинные пряди с вплетенными в них предметами. Мне объяснили, что австралийские шляпы для рыбаков с пробковыми поплавками по периметру, часто используемые спортсменами, созданы по образцу этого древнего способа защиты от мух. В тот же самый день мы действительно встретили стаю мух, и моя прическа из семян стала настоящим спасением.

В другой раз, когда нас осадила очередная орда летающих и кусающихся насекомых, они намазали меня змеиным жиром и пеплом от костра, после чего велели вывалиться в песок. Уловка отчасти помогла. Ходить в этом клоунском обличье явно стоило, но чувствовать, как мухи заползают в уши и шевелятся в волосах, все равно было адским испытанием.

Я многих спрашивала, как они выносят вечно ползающих по ним насекомых. Они лишь улыбались в ответ. Затем мне сказали, что со мной хочет поговорить вождь Царственный Черный Лебедь.

— Понимаешь ли ты, как долго длится «всегда»? — спросил он, — Это очень-очень долго. Вечность. Мы знаем, что в вашем мире принято носить время на руке и все делать по расписанию, поэтому я спрашиваю, понимаешь ли ты, как долго длится «всегда»?

— Да, — сказала я, — понимаю.

— Хорошо, — ответил он. — Тогда мы можем сказать тебе кое-что еще. У всего во Всеобщем Едином есть своя цель. Нет аномалий, несоответствий и случайностей. Есть только то, что человек пока не разумеет. Ты уверена, что мухи плохие, адские создания, и для тебя они таковы, но это лишь потому, что ты лишена надлежащего понимания и мудрости. На самом деле они необходимы и приносят пользу. Они ползают по ушам и вычищают грязь и песок, которые накапливаются там каждую ночь,

пока мы спим. Ты видишь, мы обладаем превосходным слухом. Да, они заползают в нос и чистят его.

Он указал на мой нос:

— Ноздри у тебя очень маленькие, не то что наши, как у коалы. Предстоят более жаркие дни, и ты измучаешься, если твой нос не будет чистым. В самое сильное пекло не следует открывать рот вообще. Чистый нос нужен в первую очередь тебе. Мухи прилетают и липнут к нашему телу, чтобы удалить все, что отвергает наш организм.

Он вытянул руку:

— Взгляни, какая мягкая и гладкая у нас кожа, и сравни со своей. Мы не встречали людей, которые бы менялись в цвете от простой ходьбы. Ты явилась к нам белой, потом стала ярко-красной, а теперь высыхаешь и облезаешь. Ты становишься меньше и меньше с каждым днем. Мы никогда не встречали никого, кто бы оставлял на песке кожу, как это делают змеи. Тебе нужны мухи, чтобы очищать твою кожу. И когда-нибудь мы дойдем туда, где мухи отложили яйца, и у нас будет еда.

Он глубоко вздохнул, сосредоточенно посмотрел на меня и сказал:

— Люди не смогут существовать, если вместо того, чтобы понять природу того, что им кажется неприятным, они станут устранять это. Когда прилетают мухи, мы сдаемся им. Возможно, ты уже готова последовать нашему примеру.

В следующий раз, услышав вдалеке гудение мух, я отвязала повязку для головы, висящую на талии, оставила ее и в результате решила поступить так, как советовали мне спутники. Налетели мухи, и я отключилась. Я мысленно перенеслась в Нью-Йорк и отправилась в дорогой массажный салон. С закрытыми глазами я ощущала, как мне чистят ноздри и уши. Я представила себе сертификат дипломированного специалиста, висящий передо мной на стене салона. Я чувствовала, как сотни ватных палочек очищают всю поверхность моего тела. Наконец насекомые улетели, и я вернулась в Австралию. И действительно, в некоторых обстоятельствах лучшее, что можно сделать, это сдаться.

Мне стало интересно, что еще в жизни я воспринимала как нечто неправильное или трудное, вместо того чтобы попытаться понять истинное предназначение этих вещей.

Отсутствие зеркала все эти месяцы, похоже, сказалось на моем сознании. Я словно ходила в футляре с прорезями для глаз. Все время словно выглядывая из него, я смотрела на других, наблюдая, как люди относятся к моим словам и поступкам. Впервые за все годы я почувствовала, что живу абсолютно честно. Не носила одежды, принятой в деловом мире. Не пользовалась косметикой. Мой нос облез у же

десяток раз. Я не чувствовала амбиций, не боролась за привлечение внимания к своей персоне. В нашем коллективе не было сплетен или попыток перехитрить друг друга.

Не имея зеркала, которое бы испугало меня и вернуло к реальности, я испытала, что значит чувствовать себя красавицей. Скорее всего, я таковой не была, но определенно чувствовала! Люди принимали меня такой, какая я есть. Они пробудили во мне чувство сопричастности, собственной уникальности, красоты. Я училась новому ощущению каково это, когда тебя принимают безусловно.

Когда я пошла спать на свой песчаный матрас, в голове вертелись запомнившиеся с детства строчки из сказки про Белоснежку:

Свет мой, зеркальце, скажи,
Я ль на свете всех милее?..

10. Украшения

Чем дальше мы уходили, тем жарче становилось. И тем меньше встречалось растительности и каких-либо признаков жизни. Мы брели по песчаной равнине, где изредка попадались группы длинных, высохших, мертвых стеблей. Вдали ничего не было видно — ни гор, ни деревьев, т. е. абсолютно ничего. Это был день песка, еще раз песка и песчаных сорняков.

Мы несли с собой тлеющую ветку. Тление поддерживали легким помахиванием. В пустыне, где растительность столь скудна, любое приспособление используется для выживания. Горящая ветка применялась для разжигания ночного костра, когда пучок сухой травы уже находка. Я наблюдала, как люди племени собирали редкие кучки помета пустынных животных, большей частью динго. Это было ценное топливо без всякого запаха.

Мне напомнили, что каждый из нас обладает многими талантами. Эти люди всю жизнь пробуют себя в качестве музыкантов, целителей, поваров, рассказчиков и т. д., давая друг другу новые имена и осваивая новые виды деятельности. Я начала принимать участие в этом конкурсе талантов с того, что стала в шутку называть себя Собирательницей Помета.

В этот день симпатичная девушка зашла в заросли сорняков и как по волшебству появилась оттуда с изящным желтым цветком на длинном стебле. Она завязала стебель вокруг шеи так, что цветок

свисал спереди как драгоценный камень. Члены племени окружили ее и стали говорить, как прекрасно она выглядит и какой удачный выбор сделала. Весь этот день ей отпускали комплименты. Она прямо-таки светилась от ощущения своей особой привлекательности.

Наблюдая за ней, я вспомнила случай, который произошел в моем офисе как раз накануне отъезда из Штатов. Ко мне пришла пациентка, страдавшая от тяжелого стресса. Когда я спросила, что с ней случилось, она сказала, что страховая компания повысила ставку на одно из ее бриллиантовых ожерелий еще на 800 долларов. Она отыскала в Нью-Йорке человека, который утверждал, что сможет сделать точную копию ожерелья из искусственных камней. Девушка намеревалась лететь в Нью-Йорк, ждать, пока копия будет закончена, чтобы, вернувшись, положить ожерелье обратно в банк. Это не отменило бы уплату страховых взносов или необходимость в страховании вообще, потому что даже лучшие банки не могут гарантировать на сто процентов сохранность имущества, но ставка была бы значительно снижена.

Помню, я спросила ее тогда про приближающийся ежегодный городской бал, и оказалось, что дубликат будет готов как раз накануне, и она наденет его.

В конце этого дня нашего странствия по пустыне девушка из племени Истинных Людей положила цветок к своим ногам, вернув его, таким образом, Матери-Земле. Он сослужил свою службу. Она была преисполнена благодарности и сохранила память об оказанном ей в этот день внимании, получив лишнее подтверждение своей привлекательности. Но к предмету, послужившему ей, она не испытывала никакой привязанности. Ему надлежало увянуть и умереть, превратиться в удобрение и вновь возродиться к новой жизни.

Я опять подумала о своей пациентке. Затем посмотрела на девушку-аборигенку. Ее украшение имело смысл, наше — лишь денежную ценность.

Верно говорят, что в этом мире у некоторых людей смещенная система ценностей, но не думаю, что это относится к аборигенам с так называемых забытых земель Австралии.

11. Подливка

Воздух был таким неподвижным, что я буквально ощущала, как растут волосы у меня под мышками. Я также чувствовала, что мозоли на ступнях моих ног становятся все толще по мере высыхания более

глубоких слоев кожи.

Наша процессия внезапно остановилась возле места, отмеченного двумя скрещенными пестами. Это была могила. Памятник покосился: связывавшая его веревка сгнила. На земле стояли просто две старые палки — одна короткая, другая длинная. Создатель Орудий поднял деревяшки и достал из своего мешка тонкую полоску кожи. Завязывая ее с профессиональной аккуратностью, он восстановил крест. Другие собрали большие камни, разбросанные поблизости, и сложили их на песке в виде овала. Памятник затем закрепили в земле.

— Это племенное захоронение? — спросила я Ооту.

— Нет, — ответил он. — Это могила Искаженного. Она здесь уже много-много лет, давно забытая вашими людьми и, наверное, тем, кто пережил покойного и похоронил его здесь.

— Зачем вы ухаживаете за ней? — удивилась я.

— А почему бы и нет? Мы не понимаем вас, не соглашаемся, не принимаем ваш образ жизни, но не осуждаем вас. Мы уважаем ваш выбор.

Вы там, где вам надлежит быть, с вашим опытом и нынешней свободой принимать те или иные решения. Это место для нас имеет такое же значение, как и прочие священные места. Можно постоять, подумать, подтвердить свое отношение к Всеобщему Единому и жизни в целом. Здесь ничего не осталось, даже костей. Но мой народ уважает ваш народ. Мы благословляем его, предоставляем самому себе и, таким образом, сами становимся лучше.

В тот день я погрузилась в воспоминания — рассматривала себя, копаясь в хаосе моего прошлого. Это грязная работа, а временами просто опасная. Множество старых привычек и представлений я защищала когда-то, вооруженная вполне меркантильными доводами. Остановилась бы я когда-нибудь, чтобы поправить еврейскую или буддийскую могилу? Я вспомнила свое возмущение, когда однажды оказалась в дорожной пробке, созданной людьми, выходящими из церкви. Хватит ли у меня сейчас понимания, оставаясь центрированной, не выносить суждений и, со всеми моими благословениями, позволять другим идти своей дорогой? Я начинала понимать: мы естественным образом что-то отдаем людям, встречающимся на нашем пути, но выбираем, что именно следует отдать. Слова, поступки должны осознанно формировать жизнь, которую выбираешь.

Внезапно налетел порыв ветра. Воздух лизнул мое тело, царапая его воспаленную кожу, словно кошачий язык. Это длилось всего несколько секунд, но я успела понять, что, воздавать должное тради-

циям и ценностям, которых не понимаю и с которыми не согласна, нелегко, но в конечном итоге это принесет мне огромную пользу.

Ночью, когда на небе взошла полная луна, мы собрались у костра.

Оранжевые отблески освещали наши лица, разговор зашел о еде. Это был открытый диалог. Мне задавали вопросы, и я отвечала как могла. Они внимали каждому моему слову. Я рассказывала им о яблоках: как мы выводим разные сорта, делаем яблочный сок и печем яблочный пирог. Мои слушатели пообещали отыскать дикие яблоки. Я узнала, что Истинные Люди были изначально вегетарианцами. Веками они питались дикорастущими фруктами, ямсом, ягодами, орехами и семенами. Иногда они добавляли в рацион рыбу и яйца, если эти продукты отвечали своему предназначению — стать частью тела аборигена. Они предпочитали не есть то, что имеет «лицо». Аборигены всегда умели молотить зерно, и только когда они были вынуждены удалиться в пустыню с побережья, возникла необходимость питаться мясом.

Я описала ресторан и то, как подают блюда на красивой посуде. Упомянула о подливке. Эта идея показалась им странной. Зачем поливать мясо соусом? Я решила продемонстрировать. Конечно, подходящей сковородки не нашлось. Наша готовка обычно состояла в том, что угли сгребали в сторону, а кусочки мяса укладывали на раскаленный песок. Иногда мясо нанизывали на импровизированные вертела, уложенные на подпорки. Порой готовили некое подобие жаркого из мяса, овощей, трав и драгоценной воды.

Оглянувшись вокруг, я нашла гладкую, без ворса шкуру для ночного отдыха и с помощью Швей-Мастерицы мы закруглили ее края. Швея всегда носила на шее специальный кошель, в нем хранились костяные иглы и сухожилия. Я растопила жир в посудине и добавила в него немного порошка, который женщины намолотили до этого. Затем я положила туда соленой травы, дробленые зерна красного перца и залила все водой. Соус загустел, и я полила им кусочки мяса весьма странного создания — плащеносной ящерицы. У всех, кто дегустировал, подливка вызвала необычную мимику и комментарии. Они высказывались очень тактично, и в тот момент я мысленно перенеслась на пятнадцать лет назад.

Заявив о намерении участвовать в шоу «Миссис Америка», я обнаружила, что одним из конкурсов этого общенационального мероприятия было приготовление оригинальной запеканки. В течение двух недель я каждый день упражнялась в кулинарных изысках. Четырнадцать домашних обедов состояли в том, что мы всей семьей оценивали вкус, внешний вид и содержание каждого нового блюда, которое

могло бы претендовать на награду. Дети никогда не отказывались от еды, но вскоре они научились тактично говорить мне, что они на самом деле думали. Они терпеливо пробовали необычную еду, всячески поддерживая свою маму и ее затею. Когда я выиграла титул Миссис Канзас, они радостно закричали: «Мы прошли запеканочное испытание!».

Теперь я видела те же выражения на лицах моих спутников. Всякий результат труда был им в радость, и моя кулинария также служила источником веселья. Но поскольку во всех их действиях так явно присутствует духовный поиск, я не удивилась, когда кто-то высказался в том смысле, что для системы ценностей Искаженных изготовление подливок весьма символично. Вместо того чтобы жить правдиво, Искаженные позволяют условностям и обстоятельствам погребать законы Вселенной под мешаниной приличия, материализма и ненадежности.

Интересно, что все наблюдения и замечания аборигенов я никогда не воспринимала как критику или осуждение. Они же не высказывались прямо, что мой народ неправ, а вот их племя всегда поступает правильно. Это было больше похоже на то, как любящий взрослый наблюдает за ребенком, пытающимся надеть левый ботинок на правую ногу. Зачем говорить ему, что он не сможет уйти далеко в неправильно надетых ботинках? Быть может, мозоли для него — это бесценный урок. Но для старшего и более опытного человека такое поведение представляется ненужным страданием.

Мы говорили также о рождественских тортах и застывшей глазури.

Их аналогия с замораживанием произвела на меня сильное впечатление. А ведь как много времени мы, Искаженные, тратим на погоню за искусственным, излишним, временным, декоративным, подслащенным. И как мало моментов своей жизни уделяем тому, чтобы осознать свою вечную сущность и понять, кто мы есть на самом деле.

Когда я рассказывала о праздновании дней рождения, они сосредоточенно слушали. Я говорила о песнях, подарках, о праздничном пироге и о том, что с каждым годом количество свечек на нем увеличивается. — Зачем вы все это делаете? — поинтересовались они. — для нас празднество — это нечто особенное. А что особенного в том, что ты становишься старше? От тебя тут ничего не зависит, просто так происходит, и все!

— Если вы не празднуете взросление, то что же вы празднуете? — спросила я.

— Мы празднуем совершенствование, — ответили мне. — Мы празднуем, если в этом году стали лучше, мудрее по сравнению с предыдущим. Об этом известно только тебе самому, поэтому именно ты

говоришь всем остальным, когда наступает время для торжества.

Я подумала, что это стоит запомнить!

Поистине удивительно, как много пищи в дикой природе и как быстро она появляется, когда в ней возникает нужда. В засушливых районах, где растительность скудна, внешность природы обманчива. В расколотой земле хранятся семена, покрытые твердой оболочкой. Когда проходят дожди, семена пускают корни и пейзаж преобразуется. В считанные дни цветы завершают цикл своего существования, ветер разносит семена, и выжженная солнцем земля возвращается к прежнему — суровому и высохшему — состоянию.

В некоторых местах ближе к побережью и в более северных, близких к тропикам районах мы с удовольствием питались бобами, отыскивали фрукты и прекрасный мед к чаю из коры дикого лаврового дерева.

Мы сдирали тонкую кору с деревьев и использовали ее для постройки укрытий, заворачивания продуктов и просто для жевания. Ароматические вещества коры помогают от головной боли, простуды и благотворно воздействуют на слизистую оболочку рта.

Листья многих кустарников богаты целебными маслами, которые применяются для лечения инфекций. Они действуют как вяжущее средство при кишечных расстройствах и появлении паразитов. Латекс вещество, содержащееся в некоторых стеблях и листьях, — применяется для удаления бородавок и мозолей. Есть даже алкалоиды, такие, как хинин. Ароматические травы вымачивают в воде, пока те не изменят цвет. Затем эту воду втирают в грудь и спину. При нагревании этой жидкости выделяется пар, который следует вдыхать. Он очищает кровь, тонизирует лимфатические железы и укрепляет иммунную систему. Есть небольшое похожее на иву дерево, которое действует подобно аспирину. Его кору используют при внутреннем дискомфорте, болях, возникающих при растяжениях или переломах, а также для расслабления мелких мышц. Оно эффективно также при повреждениях кожных покровов. Кора других деревьев используется при кишечных расстройствах, а иногда ее растворяют в воде, получая микстуру от кашля.

В целом племя, в котором я жила, отличалось завидным здоровьем. Впоследствии мне удалось установить, что лепестки некоторых цветков, которые они жевали, подавляли бактерии тифозной лихорадки. Мне было любопытно, стимулируется ли таким образом их иммунная система, как при привычной нам вакцинации. Известно, что австралийский гриб-дождевик содержит противораковое

вещество под названием «кальвацин», которое исследуется в настоящее время. В коре одного из деревьев содержится также противоопухолевое вещество акроницин.

Давным-давно люди племени обнаружили удивительные свойства дикого кенгурового яблока. В современной медицине оно используется в оральных контрацептивах как источник стероида соласодина. Как сообщил мне Вождь, они твердо верят, что новые жизни, появляющиеся в мире, следует приветствовать и любить, а их появление планировать. Новая жизнь в племени Истинных Людей сознательно планировалась испокон веков. Рождение ребенка означало, что они создают земное тело — пару для души. В отличие от привычных предубеждений нашего общества здесь не ожидают прихода нового тела обязательно без изъянов. Безупречна лишь незримая драгоценность, содержащаяся внутри тела, она предоставляет и получает помощь в совместных действиях и движениях многих душ, которые нацелены на дальнейшую шлифовку и совершенствование.

Я поняла, что если они молятся в нашем понимании молитвы как словесного обращения к высшим силам, то молятся за нелюбимого ребенка, а не за того, чья жизнь окончилась выкидышем. Все души, которые выбирают испытать земное существование, будут удостоены этой возможности в то или иное время, у тех или иных родителей. Вождь поведал мне, что свободные сексуальные отношения у некоторых племен, когда о рождении ребенка не думают, были, возможно, самым большим шагом назад, который сделало человечество. Они верят, что дух поселяется в плоде, когда тот возвещает миру о своем присутствии, начав шевелиться в утробе. Мертворожденный ребенок, по их убеждениям, — это тело, в котором не нашлось места душе.

Истинные Люди обнаружили также дикий табак. Они используют его листья, закуривая трубки по особым случаям. Его применяют лишь изредка, поскольку он не встречается в изобилии, вызывает чувство эйфории и к нему можно пристраститься. Табак символически курят при встрече гостей или начале собраний. Я увидела явное сходство между их отношением к этому растению и традициями американских индейцев. Мои друзья часто говорили мне о земле, по которой мы ступаем, как о прахе наших предков. Они утверждали, что вещи не умирают, а видоизменяются. Они считали, что тело человека возвращается в землю, чтобы служить пищей растениям, которые, в свою очередь, являются единственным источником дыхания для людей. Казалось, они гораздо больше знают о драгоценной молекуле кислорода, необходимой для всего живого, чем подавляющее большинство моих американских знакомых.

Племя Истинных Людей обладает невероятным зрением. Пигмент рутин, найденный в некоторых растениях, которые аборигены употребляют в пищу, является химическим веществом, используемым в офтальмологии для лечения тончайших кровеносных сосудов глаза. За тысячи лет жизни в Австралии они досконально изучили, как пища влияет на тело.

Одна из проблем в питании дикорастущими растениями состоит в том, что многие из них ядовиты. Аборигены тут же распознают неподходящие растения. Они знают, как удалять ядовитые части, но в то же время с сожалением поведали мне, что некоторые из рассеянных по Австралии племен, обратившись к агрессивному поведению, стали применять яд против своих врагов.

Пропутешествовав со мной довольно долго, они стали воспринимать мои вопросы как явно необходимые. Я коснулась проблемы каннибализма. Я читала о нем в исторических сочинениях и слышала, как австралийские друзья отпускали шутки насчет людоедства среди аборигенов, которые якобы поедают даже своих собственных детей. Я спросила, правда ли это?

Да. С давних времен человечество экспериментирует с множеством вещей. Даже на этом континенте было невозможно удержать людей от поедания себе подобных. У одних австралийских племен существовала власть царя, в других правили женщины, некоторые похищали иноплеменников, а некоторые питались человеческим мясом. Искривленные убивают и уходят, оставляя тело для захоронения. Каннибалы убивали и использовали тело для пропитания. Цель одной группы людей не лучше и не хуже, чем цель другой. Убийство человека, будь то для защиты, мести, удобства или пищи, по сути одно и то же. Не убивать себе подобных — в этом отличие Истинных Людей от подвергшихся Искривлению человеческих особей.

— В войне нет нравственности, — говорили они. — Но каннибалы никогда не убивали в день больше того, что могли съесть. В ваших войнах люди гибнут тысячами в считанные минуты. Может, будет лучше, если лидеры обеих враждующих сторон в ваших войнах договорятся вести сражение на протяжении пяти минут, не более. После этого разрешить всем родителям прийти на поле брани, отыскать останки своих детей, забрать их домой, оплакать и похоронить. А после окончания этой процедуры вновь договориться, стоит ли повоевать еще пять минут. Трудно извлечь смысл из бессмысленности.

В эту ночь, когда я лежала на тонкой подстилке, отделявшей мое лицо от песка, я думала о том, как далеко в столь многих направлениях ушло человечество и как далеко люди разошлись между собой в столь многих отношениях.

12. Похороненная заживо

Общаться было непросто. Особенно сложно произносить слова их языка. В большинстве своем они очень длинные. Например, они говорили о племенах под названиями Питьянтьятьяра и Янкунтятьяра. Многие слова казались одинаковыми, пока я не научилась внимательно вслушиваться. Я понимаю, что репортеры разных стран расходятся в том, как следует правильно передавать слова аборигенов. Некоторые используют буквы Б, Д, Дж и Г, а другие — П, Т, Ть и К для одних и тех же слов. Суть в том, что правых и неправых тут нет, поскольку аборигены вообще не пользуются алфавитом. Это безвыходная ситуация для желающих дискутировать по данному вопросу. Моя проблема состояла в том, что народ, с которым я странствовала, использовал носовые звуки, которые для меня очень трудны. Чтобы произнести «най», я училась прижимать язык к коренным зубам. Вы поймете, что я имею в виду, если попробуете произнести таким образом слово «индеец». Есть еще один звук, образующийся, когда вы поднимаете язык и быстро щелкаете им, выбрасывая вперед. Когда они поют, звуки чаще всего мягкие и мелодичные, но порой резко сменяются усиленным шумом.

Для обозначения песка они используют около двадцати различных слов, которые описывают структуру, типы и характеристики почвы в пустыне. Некоторые слова легкие — например, «купи» (вода). Им нравилось учить мои слова, и им легче удавались английские звуки, чем их звуки мне. Поскольку они были хозяевами, я стремилась, чтобы им было со мной максимально удобно. В исторических книгах, которыми снабдил меня Джефф, я прочитала, что когда первая британская колония была образована на территории Австралии, здесь насчитывалось около двухсот различных местных наречий и шесть сотен диалектов. В книгах не говорилось об общении при помощи мыслей или жестов. Я прибегала к языку жестов в его примитивной форме. В дневное время это был наиболее удобный способ поговорить: аборигены обменивались мыслями и рассказывали друг другу истории посредством телепатии, и было бы невежливо влезать в их разговор, используя слова. Мы использовали универсальный жест пальцами, чтобы сказать «подойди сюда», подымание ладони вверх означало «стоп», а пальцы, прижатые к губам, — «молчание». В первые недели пути мне часто приказывали молчать, и, в конце концов, я научилась задавать поменьше вопросов и ждать, пока меня не приобщат к знанию.

Однажды я вызвала взрыв смеха среди моих спутников. Я почесалась, когда меня укусило насекомое. Они захохотали с комическим выражением на лицах, передразнивая мое движение. Оказалось, я применила особый жест, означающий, что я заметила крокодила. А мы были по меньшей мере в двухстах милях от ближайшего водоёма.

Пробыв с племенем несколько недель, я узнала, что каждый раз, когда я отдалялась от общей группы, за мной следило со всех сторон несколько пар глаз. С приходом темноты глаза, казалось, увеличивались в размерах. Наконец я смогла различить силуэты. За мной следом шла стая коварных диких динго.

Я побежала обратно в лагерь, поначалу весьма испуганная, и доложила Ооте о своем открытии. Он передал мои слова Вождю. Все люди, бывшие поблизости, окружили нас. Я ждала каких-либо слов, поскольку узнала к тому времени, что слова из уст Истинных Людей не вылетают автоматически. Они всегда думают, прежде чем говорят. Я медленно досчитала до десяти, прежде чем Оота донес до меня фразу. Проблема была в запахе. Я стала вызывающе пахнуть. Это было так. Я чувствовала собственный запах и видела выражение лиц других. К сожалению, я не знала, что мне делать. Воды было так мало, что мы не могли тратить ее на мытье, да и ванной тоже не было. Мои черные спутники не пахли так отвратительно, как я. Я страдала от этого, а они страдали из-за меня. Думаю, проблема была отчасти вызвана моей постоянно шелушащейся и облезавшей кожей, а также энергией, которая шла на сжигание излишков шлаков и жира. Я явно теряла в весе изо дня в день. Конечно, отсутствие дезодорантов и туалетной бумаги тоже сказывалось, но было и еще кое-что. Я замечала, что вскоре после еды они удалялись в пустыню и опорожняли кишечник, причем испражнения их явно не пахли так сильно, как при привычном нам образе жизни. Я была уверена, что по прошествии пятидесяти лет, в течение которых я питалась цивилизованно, явно потребуются некоторое время для очищения моего организма от шлаков, и понятно, что останься я в пустыне навсегда, это было бы реально.

Никогда не забуду, как Вождь объяснил мне положение дел и как решилась эта проблема. Сами они не переживали, поскольку принимали меня такой, какая я есть. Они беспокоились вовсе не о нашей безопасности, а о бедных животных. Я их смущала. Оота пояснил, что динго были уверены в том, что племя несет с собой кусок тухлого мяса, запах которого сводил их с ума. Мне пришлось рассмеяться, потому что запах действительно шел такой, будто бы забыли на солнце кусок недоеденного гамбургера.

Я сказала, что буду признательна за любую помощь. Поэтому на следующий день в самую жару мы общими усилиями выкопали траншею с уклоном в сорок пять градусов, в которую я и улеглась. Они полностью засыпали меня, оставив на поверхности только лицо. Мне устроили тень, и я оставалась в таком положении около двух часов. Быть закопанной, полностью беспомощной и не в состоянии пошевелить ни единым мускулом — это, доложу вам, ощущение. Для меня это явилось новым испытанием. Если бы они ушли, я бы превратилась в скелет на этом самом месте. Сначала я беспокоилась, что какая-нибудь любопытная ящерица, змея или пустынная крыса заползет мне на лицо. В первый раз в жизни я испытывала те же чувства, что, вероятно, испытывает парализованный. Я пыталась пошевелить ногой или рукой, приказывая им двигаться, — без малейшего результата. Но когда я расслабилась, закрыла глаза и сосредоточилась на удалении токсинов из моего организма и впитывании чудесных, прохладных, освежающих, очищающих флюидов из почвы, время пошло быстрее.

Теперь я могу по-настоящему оценить смысл старинного выражения: «Нужда — мать открытий». Сработало! Весь дурной запах остался в земле.

13. Врачевание

Приближался сезон дождей. В этот день мы заметили облако, остававшееся неподвижным некоторое время. Зрелище было редкое и достойное внимания. Иногда мы даже могли двигаться в обширной тени, испытывая чувство муравья, очутившегося под подошвой ботинка. Каким же наслаждением было оказаться среди взрослых людей, не утративших важнейшего чувства детской непосредственности и веселья. Они выбегали из тени на солнце и дразнили облако, сокрушаясь, сколь медленны ноги у ветра. Затем они возвращались в тень и говорили мне, какой замечательный подарок в виде прохладного воздуха преподнесло людям Божественное Единое. Этот день был легким и радостным. После полудня, однако, разразилась трагедия, или, по крайней мере, случилось то, что показалось мне в тот момент трагедией.

Среди нас был молодой человек тридцати с лишним лет, которого называли Великий Охотник за Камнями. Его талант состоял в умении находить драгоценные камни. Великим его стали называть недавно, поскольку с годами он развил в себе способность отыскивать чудесные большие опалы и даже золотые самородки в приисках, давно покинутых старателями. Истинные Люди поначалу счита-

ли драгоценные металлы ненужными. Есть их было нельзя, а в стране, где нет рынка, пропитания на них не купишь. Их ценили только за красоту и пользу, которые они могли принести. Однако со временем аборигены обнаружили, что белые люди их высоко ценят. Это казалось даже более странным, чем представление белых о том, что землю можно купить и продать, драгоценные камни — такое финансирование выделяют посланцу племени, отправляющемуся в город за новостями, но Великий Охотник за Камнями никогда и близко не подойдет ни к какому коммерческому предприятию по причине печальной участи своего народа, который вынужден работать на рудниках. Аборигены заходят в шахту в понедельник и не поднимаются наверх целую неделю. Четверо из пяти погибают. Их обычно обвиняют в каком-нибудь преступлении и принуждают отрабатывать в качестве наказания. Существуют нормы выработки, которые надо выполнять, поэтому часто жена и дети заключенного работают вместе с ним. Трое как раз в состоянии выполнить норму одного. Нетрудно найти повод продлить срок любого приговора. Выхода нет. Разумеется, вся эта деградация человеческого духа и тела происходит на совершенно законных основаниях.

В тот самый день Великий Охотник за Камнями шел по берегу, когда грунт внезапно просел и парень упал со скалы на каменистую поверхность в двадцати футах вниз. Территория, по которой мы двигались, состояла из крупных, естественным образом отполированных гранитных плит, слоистых скал и россыпей гравия.

У меня к тому времени стали появляться обширные мозоли на подошвах ног, походившие на копытообразные наросты моих спутников, но даже этот слой ороговевшей ткани был недостаточным для хождения по зазубренным камням. Я думала о своих ногах, вспоминая ящик в моем доме, набитый всевозможной обувью, включая кроссовки и туристические ботинки. Я услышала крик Охотника за Камнями, когда он полетел вниз. Мы все бросились к краю. Он лежал без сознания, под ним уже виднелась лужа темной крови. Несколько человек ринулись в ущелье и, передавая его с рук на руки, почти мгновенно перенесли обратно наверх. Их руки под его туловищем двигались подобно сборочному конвейеру.

Когда его уложили на отполированную гранитную плиту, стало возможным разглядеть рану. Это был очень сложный перелом между коленом и лодыжкой. Кость торчала, словно уродливый клык, выходя дюйма на два из шоколадной кожи. Немедленно с его головы сняли повязку и обмотали ею ногу выше перелома. Лекарь и Целительница стояли по обе стороны от раненого. Остальные члены

племени принялись разбивать лагерь.

Я придвигалась все ближе, пока не оказалась рядом с распростертым телом.

— Можно посмотреть? — спросила я.

Лекарь двигал руками вверх-вниз над раненой ногой, делая легкие глядящие пассы: сначала движения шли параллельно ноге, а затем одна рука двигалась сверху вниз, а другая — ей навстречу. Целительница улыбнулась и сказала что-то Ооте. Тот перевел:

— Это для тебя. Нам говорили, что ты обладаешь способностями исцелять болезни своего народа.

— Ну, вроде того, — ответила я.

Мне никогда не нравилась мысль, что исцеление происходит благодаря врачам или их приемам, поскольку много лет назад поняла, когда сама столкнулась с проблемами собственного здоровья из-за полиомиелита, что исцеление проистекает из единственного источника. Доктора могут помочь организму удалить чужеродные частицы, ввести в него химические вещества, вправить кости, но это не означает, что организм придет в норму. На самом деле я убеждена, что никогда и нигде ни в одной стране ни в какой период истории не было доктора, который бы хоть что-нибудь вылечил. Целитель — внутри нас самих. Врачи — это в лучшем случае те люди, которые осознали свое призвание, развили способности и удостоились чести служить обществу, делая то, что любят и что у них лучше всего получается. Но теперь было не время для долгих дискуссий. Мне пришлось согласиться со словами Ооты, признав перед аборигенами, что в моем обществе меня считали целительницей.

Мне объяснили, что движение рук вверх-вниз над поврежденным участком без прикосновения к нему — способ, посредством которого восстанавливается привычная форма здоровой ноги. Такая терапия снимает всякую опухоль на время лечения. Лекарь побуждал кость вспомнить свое привычное здоровое состояние. Таким образом, снимался и болевой шок, возникающий, когда кость переламывается пополам и смещается из того положения, в котором она провела более тридцати лет. Они «разговаривали» с костью.

Затем три главных действующих лица этой драмы — Лекарь у ноги больного, Целительница сбоку и пациент, раскинувшийся на земле, начали говорить какие-то слова, словно читали молитву. Лекарь положил руки на лодыжку. Он не трогал ногу и не тянул за нее. Целительница делала то же самое вокруг коленки. При этом они словно напевали что-то, каждый на свой лад. В какой-то момент они в унисон взяли высокую ноту и что-то выкрикнули. Должно быть, они прибежали к растягиванию тканей

каким-то образом, но я не заметила, чтобы они тянули за ногу. Кость просто зашла обратно в рану, из которой она торчала. Лекарь стянул лохмотья кожи и кивнул Целительнице, которая стала отвязывать странную длинную трубку, с которой не расставалась.

Задолго до этих событий я спрашивала Целительницу, как женщины ведут себя в период месячных, и мне показали прокладки, сделанные из травы, соломы и тонких птичьих перьев. Впоследствии я порой обращала внимание на женщин, которые отделялись от группы и удалялись в пустыню по этой необходимости. Они закапывали намокшую прокладку в той же кошачьей манере, в какой мы поступали ежедневно со своими экскрементами. Но иногда я видела, как женщина возвращалась из пустыни, держа в ладони нечто, что она передавала затем Целительнице. Та в свою очередь открывала крышку своего длинного тубуса. Я заметила, что это нечто было завернуто в те же листья, которыми лечили мои пораненные ноги и солнечные ожоги. Целительница прятала таинственный сверток в тубус. Несколько раз, когда я была поблизости от нее, я ощущала крайне неприятный запах. Наконец я обнаружила, что эти таинственные предметы не что иное, как большие сгустки менструальной крови.

В этот день Целительница открыла тубус не сверху, а снизу. Неприятного запаха не было. Запаха не было вообще. Она сжала тубус рукой и выдавила наружу черную смолистую массу, плотную и блестящую. Целительница склеила ею края раны, словно сварив швы, и размазала ее по всей поверхности раны. Для всей этой процедуры не понадобилось ни бинтов, ни шин, ни костылей, ни наложения швов.

Вскоре с травмой было покончено, и мы занялись едой. В течение вечера все по очереди поворачивали голову Охотника за Камнями, чтобы ему удобнее было наблюдать за действиями остальных. Я тоже приняла свою очередь дежурства. Мне не терпелось дотронуться до его лба, чтобы определить, есть ли жар. Я хотела побыть рядом с этим человеком который, очевидно, согласился послужить ради меня примером исцеления травмы. Когда я уложила его голову к себе на колени, он взглянул на меня и подмигнул.

На следующее утро Охотник за Камнями встал и пошел вместе со всеми. Он совершенно не хромал. Вчерашний ритуал должен был снять стресс, которому подверглась кость, и предотвратить опухоль. Все получилось так, как и было задумано. Несколько дней я наблюдала за его ногой и заметила, что черная мазь высохла и начала отваливаться. Через пять дней остались только небольшие шрамы в том месте, откуда вышла кость. Парень весил около ста сорока пяти фунтов. Как он мог стоять без

поддержки, опираясь на полностью сломанную кость, и как та не вылезала обратно — просто чудо. Я знала, что племя в целом отличалось завидным здоровьем, но они, вероятно, владели еще и особым умением справляться с кризисными состояниями организма.

Эти люди, имеющие такой талант врачевания, никогда не изучали биохимию или патологоанатомию, но они обладали правдивостью, целеустремленностью и преданностью здоровому образу жизни.

— Ты понимаешь, как долго длится вечность? — спросила меня Целительница.

— Да, — ответила я. — Понимаю.

— Ты уверена?

— Да, понимаю, — повторила я.

— Тогда мы можем сказать тебе кое-что еще. Все люди — духи, гостящие в этом мире. Все духи — существа вечные. Все встречи с другими людьми — это опыты, и все опыты — это связи навсегда. Истинные Люди замыкают круги каждого опыта. Мы не оставляем отношения незавершенными, как это делают Искаженные. Если ты покидаешь другого человека с дурными чувствами в сердце, ты не завершаешь круг, и проблема опять вернется к тебе впоследствии. Ты будешь страдать не один раз, а еще и еще, пока не научишься. Нужно наблюдать, учиться и становиться мудрее, набирая опыт. Нужно также благодарить, как вы говорите, благословлять и уходить с миром.

Мне неизвестно, быстро ли зажила нога у того человека. Рентгена ни до, ни после не делали, и он не был сверхчеловеком, но для меня не это имело значение. Мужчина не испытывал боли, осложнений; опыт, касающийся его и других людей, был завершен, и мы ушли с миром и, надеюсь, стали чуть мудрее. Круг замкнулся. И данной проблеме больше не уделялось энергии, времени и внимания.

Оота сказал, что они не имели намерения спровоцировать этот случай. Они просто спросили, послужит ли высшему благу всех живущих, если они пойдут на такое испытание, из которого я смогу узнать о лечении, непосредственно наблюдая за ним. Они не знали, откуда и к кому придет вызов на это испытание, но были готовы предоставить мне возможность обрести подобный опыт. Когда все произошло, они были вновь благодарны за то, что им разрешили поделиться этим даром с Искаженным пришельцем.

Я в свою очередь была благодарна, что меня допустили к таинственным знаниям этих так называемых нецивилизованных индивидов. Я желала больше узнать об их технике врачевания, но не хотела брать на себя ответственность за лишние испытания, могущие выпасть на их долю. Мне было ясно,

что выживание в пустыне само по себе уже испытание.

Мне следовало уразуметь, что аборигены читали мои мысли и знали, что именно я попрошу еще до того, как раскрывала рот. Этой ночью мы подробно обсуждали связь между физическим телом и вечной составляющей нашего бытия, а также новую тему, которую раньше не затрагивали, — роль чувств и эмоций в сохранении здоровья и благополучия.

Они верят, что человек действительно запоминает свои эмоциональные ощущения, которые записываются в каждую клеточку его тела, в самую сердцевину его личности, в его разум, в его вечное существо. Некоторые религии говорят о необходимости накормить голодных и напоить жаждущих, а это племя утверждает, что еда и питье даны изначально, и не суть важно, кому они достаются. Чувство, которое ты испытываешь, когда от всего сердца и с любовью отдаешь то, что у тебя есть, может осознаваться или не осознаваться. Напоить умирающее растение или животное либо просто подбодрить другого не менее важно, нежели напоить и накормить жаждущего человека, и столь же продвигает нас в познании жизни и нашего Создателя. Ты покидаешь этот уровень существования с некой, так сказать, ведомостью, в которой фиксируется раз за разом, как ты имел дело со своими эмоциями. Невидимые бестелесные чувства, наполняющие наше вечное «я», позволяют делать различия между хорошим и дурным. Действие — всего лишь канал, посредством которого выражаются и испытываются чувства и намерения.

Вправляя кость, двое первобытных врачей посылали телу мысль о совершенстве. То, что делалось их руками, происходило также в их мыслях и сердцах. Пациент был открыт и готов принять здоровье. Он верил в полное и немедленное выздоровление. Меня поразило тот факт, что событие, показавшееся мне чудом, очевидно, являлось, в представлении членов племени, нормой. Я задумалась, сколько страданий в Америке, по болезни или в результате травм, происходит вследствие эмоциональной запрограммированности, конечно, не на сознательном, а на некоем неизвестном нам уровне.

Что произойдет в США, если врачи столь же страстно будут верить в целительную способность человеческого тела, сколь сильно они верят в лекарства? Все больше и больше я осознавала важность связи доктора с пациентом. Если врач не верит, что больной может поправиться, уже сама эта неуверенность помешает выздоровлению. Я давно уже поняла: когда доктор говорит пациенту о безнадежности лечения, это на самом деле означает, что у доктора, с его образованием и подготовкой, отсутствует информация, которую можно использовать для излечения болезни. Это вовсе не значит, что выле-

читься действительно нельзя. Если кто-либо другой справился с тем же недугом, тогда и данное человеческое тело, совершенно очевидно, обладает способностью вылечиться. В долгих беседах с Лекарем и Целительницей я обнаружила новый, совершенно невероятный взгляд на здоровье и болезни.

— Исцеление не имеет ничего общего со временем, — говорили мне. — И исцеление, и недуг приходят мгновенно.

В моем понимании под этим подразумевалось, что изначально на клеточном уровне тело является цельным, правильным, здоровым, а затем внезапно происходит нарушение или появляется аномалия в каком-то участке какой-то клетки. Могут потребоваться месяцы и годы, чтобы проявились симптомы болезни и стал ясен диагноз. А исцеление — обратный процесс. Вы больны, и здоровье ваше ухудшается, а затем в зависимости от того, в каком обществе вы живете, вас начинают лечить тем или иным образом. Ваше тело мгновенно прекращает разрушаться и делает первый шаг к выздоровлению. Племя Истинных Людей верит, что мы не случайные жертвы плохого здоровья, что физическое тело — единственное средство, которым владеет наш высший уровень вечного сознания для общения с нашим личным сознанием. Телесное недомогание позволяет нам взглянуть вокруг и осознать необходимость залечить действительно важные раны: разрушенные отношения, провалы в системе ценностей, нагромождение страхов, потерю веры в Создателя, застарелые обиды и т. д.

Я подумала об американских врачах, которые сейчас работают над созданием позитивных мысленных образов при лечении больных раком. Многие из них не пользуются известностью среди коллег. То, что они исследуют, слишком ново. Перед моими глазами был живой пример одного из старейших народов на земле, использующего приемы, которые веками передавались из поколения в поколение и доказали свою действенность. А мы, так называемые цивилизованные нации, не склонны использовать передачу положительных мыслей, потому что это представляется всего лишь причудой, и осторожно соглашаемся, что лучше подождать немного и посмотреть, как это будет работать в некоторых отдельных случаях. Когда смертельно больной Искаженный, на котором испытали всевозможные способы лечения, оказывается на краю могилы, врач обычно говорит родным, что сделал все, что было в его силах. Действительно, я столько раз слышала фразу «Мне очень жаль, мы больше ничего не можем сделать. Теперь все в руках Господа». Забавно, насколько устаревшей кажется теперь эта формулировка.

Я не верю, что Истинные Люди обладают сверхчеловеческими навыками и умениями в лечении болезней и травм. Я искренне верю, что все их действия можно научно объяснить. Мы стремимся создать машины для внедрения в практику некоторых методик, а Истинные Люди — доказательство того, что это можно сделать без использования электрических проводов.

Человечество странствует в поисках новых методов, борется с болезнями, и на австралийском континенте применяются самые утонченные методы восстановления здоровья, и происходит это всего в нескольких тысячах миль от тех мест, где существуют способы, спасавшие людям жизнь с незапамятных времен. Возможно, когда-нибудь обе системы объединятся и кольцо знания замкнется.

Это будет день всемирного торжества!

14. Тотемные животные

В течение дня ветер переменился и стал дуть сильнее. Мы едва продвигались: песок хлестал по лицу, по рукам и ногам. Наши следы исчезали, едва появившись. Я старалась разглядеть что-то сквозь рыжую пыль — будто сквозь стекла очков, залитых кровью. Наконец мы добрались до каменистого холма, сбились в кучу и накрылись шкурами, пытаюсь защититься от жестокого ветра. Мы сидели, глядя друг другу прямо в глаза. Я спросила:

— Как вы относитесь к царству животных? Кто они для вас — тотемы или же символы, напоминающие о предках?

— Мы — одно целое, — ответили мне. — Все мы учимся видеть силу в слабости.

Мне объяснили, что, например, бурый сокол, который следует за нами все время, напоминает, что обычно мы верим только в то, что видим непосредственно перед собой. Но если подняться выше, можно увидеть гораздо более широкую картину. А Искаженные, которые погибают в пустыне, не найдя воды и пищи, умирают на самом деле от злобы и отчаяния.

В Истинном племени считают, что человечеству предстоит еще многому научиться, чтобы стать в конце концов одной семьей. Аборигены верят, что Вселенная так до сих пор и не сотворена окончательно, что этот процесс продолжается. Однако люди, похоже, слишком заняты, чтобы просто начать жить.

Они привели в пример кенгуру — тихое, обычно покладистое создание, которое во взрослом состоянии бывает от двух до семи футов высотой. Шерсть его цвета земли, серебристо-серая, или медно-рыжая. Новорожденный кенгуру на вид и по весу не больше, чем бобовое зернышко, но вырастает до семи футов. Они считают, что Искаженные слишком большое значение придают цвету кожи и форме тела. Главное, чему учит нас кенгуру, — не отступать. Кенгуру просто не умеет отступать. Он всегда прыгает только вперед, даже если приходится двигаться по кругу. Длинный хвост, подобный стволу дерева, принимает на себя его вес. Многие люди выбирают кенгуру своим тотемным животным, потому что чувствуют настоящее родство с ним и желают научиться обретать равновесие. Я подумала, что неплохо все-таки иногда оглядываться на прожитое, даже если приходится признать, что сделал ошибку, поступил опрометчиво — кто знает, может, в тот момент нельзя было поступить иначе. Кроме того, кенгуру способны контролировать рождаемость: они перестают размножаться, когда условия окружающей среды становятся неблагоприятными.

Змея учит нас тому, что порой нужно сбрасывать кожу. Если в тридцать семь лет у человека такие же представления о жизни, как и в семь лет, то вряд ли он прожил эти годы с пользой. Надо уметь отказываться от старых идей, привычек, мнений, а порой даже отношений. Бывает, умение расстаться с прошлым дается людям с большим трудом. Но ведь змея не становится меньше или больше, сбросив старую кожу. Это просто необходимость.

Новое не может прийти, если не освободить ему место. Змея выглядит более юной и чувствует себя лучше, распрощавшись со старой кожей. Она, конечно, не делается моложе. Но Истинных Людей это не заботит — они не видят смысла в том, чтобы мерить возраст годами. Змея обладает чарами и властью. И то и другое полезно, но если ты станешь их рабом, они обернутся против тебя. Яд многих змей убивает, однако, как и многое другое, яд можно использовать в разумных целях: например, вылечить человека, который упал на муравейник или был покусан пчелами либо осами. Истинные Люди уважают потребность змей в одиночестве, и каждому из них также нужно иногда побыть наедине с самим собой.

Страус эму — огромная, сильная птица, которая не умеет летать.

Она помогает находить еду, потому что сама ест плоды; она разносит семена, и поэтому плодоносные растения можно найти повсюду. Она откладывает большие черно-зеленые яйца — они считаются тотемом плодородия.

Истинные Люди очень любят дельфинов, хотя теперь племя нечасто бывает у моря. Дельфин — первое создание, с которым они смогли общаться на уровне мыслей; это говорит о том, что и люди, и животные были созданы для счастливой и свободной жизни. Дельфин помог им понять, что главное — уметь играть, а не соревноваться, переживая по поводу выигрышей и проигрышей. Пусть игра радует всех!

Паук учит их не быть жадными. Он подсказывает им, что предметы, необходимые в быту, могут являться произведениями искусства. Паук также напоминает людям, что порой они слишком поглощены сами собой и легко попадают в собственные сети.

Мы говорили и о том, чему можно поучиться у муравья, кролика, ящерицы, даже у брамби — дикой лошади, обитающей в Австралии. Когда я сказала им, что некоторые виды животных почти исчезли с лица Земли, они спросили, неужели Искаженные не понимают, что угасание каждого вида еще один шаг к угасанию человеческого рода?

Наконец песчаная буря утихла, и мы откопались. Мои спутники сообщили, что решили определить мое родство с животными. Они наблюдали за моей тенью, за движениями, за походкой (стопы опухли, и ходила я очень неуклюже), и, отгалкиваясь от этих наблюдений, определили мое тотемное животное. Они сказали, что нарисуют его на песке. Солнце озаряло песок, словно чистый лист, а пальцы на руках и ногах служили им карандашами. Появились очертания головы, кто-то дорисовал маленькие круглые уши. Они посмотрели на мой нос и изобразили нечто на песке. Жена Духа нарисовала глаза и пояснила, что они того же цвета, что и мои. Потом добавили пятна, и я пошутила:

— Мои веснушки совсем потеряются на этом фоне!

— Мы не знаем, что это за животное, — сказали они. — Его нет у нас в Австралии.

Они решили, что это самка какого-то таинственного вида. Скорее всего, она добывает пищу охотой и большую часть времени путешествует в одиночестве. Она может пожертвовать своей жизнью, и даже жизнью самца, чтобы спасти детенышей. Потом Оота с улыбкой добавил:

— Когда у нее есть все что нужно, она покладистая. Но острые клыки даны ей не напрасно.

Рисунок был окончен. На песке был изображен гепард. — Точно, — сказала я. — Я знаю это животное. Я чувствовала, что мне близко все то, чему может научить эта большая кошка.

Помню, как в ту ночь вокруг было очень тихо. Наверное, даже бурый сокол отдыхал, сложив крылья.

Растущий месяц светил в безоблачном небе. Я осознала, что пока мы говорили, не двигаясь с места, пролетел еще один день.

15. Птицы

Утром сестра Сновидящего Птиц выступила в центр круга. Она предложила поделиться своим даром. Если это ради блага всех и каждого, тогда Божественное Единство поможет ей. Мы не видели ни единой птицы вот уже две или три недели, за исключением моего верного друга, бурого сокола, — он парил над нами, расправив темные бархатные крылья, а иногда пикировал вниз, почти касаясь моей головы.

Все пребывали в радостном возбуждении, словно ожидая чего-то, и постепенно я тоже начала верить, что птицы появятся из ниоткуда, если так суждено.

Мы увидели их, когда ярко-рыжий круг солнца уже наполовину опустился за далекие холмы. К нам приближалась стая разноцветных птиц, каждая размером больше, чем попугай, которых я когда-то держала дома, но оперение у них было такое же пестрое. Птиц было так много, что стая почти заслонила голубое небо. Вдруг свист бумерангов прорезал воздух, он слился с криками птиц. Казалось, птицы призывали: «Меня, меня!». Они падали на землю по две, по три. Ни одна птица не мучилась — их убивали мгновенно.

Той ночью у нас был славный пир, и племя пополнило запас разноцветных перьев. Из части перьев соорудили головные уборы и нагрудные украшения, из пуха изготовили гигиенические средства для женщин на время месячных. Мясо птиц мы съели, мозги выскребли — их засушат и добавят потом в настойки из трав или в смесь воды и жира, которую используют при обработке шкур. То небольшое, что не пригодилось, бросили диким собакам динго, которые иногда следовали за нами.

Никаких отходов. Все было переработано и вернулось в землю, в природу. После нашего пикника не осталось никакого хлама. И действительно, всякий раз, когда племя снималось со стоянки, трудно было даже догадаться, что там кто-то ужинал и ночевал.

Эти люди в высшей степени овладели искусством сливаться с природой, использовать ее, но не нарушать в ней равновесия.

16. Шитье

Мы покончили с ужином. Костер почти догорел, тлели угольки, изредка искры поднимались в бездонное небо над нами. Несколько человек сидели кружком, глядя на танец искр. В этом народе, как и во многих племенах Америки, принято считать, что, когда сидишь в кругу, очень важно внимательно рассмотреть остальных, а особенно того человека, который сидит напротив тебя. Этот человек — твое духовное отражение. Все, что замечаешь в нем и чем восхищаешься, те качества, которые ты хотел бы в себе развить. А все, что раздражает тебя в поступках, облике, поведении этого человека, — и есть то, над чем тебе самому надо работать, ведь ты не сумел бы определить, что в другом человеке хорошего или плохого, если в тебе самом не были бы проявлены те же сильные и слабые стороны. Вас отличает лишь степень самодисциплины и умение выразить себя. Люди племени верят, что человек может изменить что-то в самом себе только при условии, если он сам так решит; и они верят, что у каждого есть способность изменить в себе все что угодно. Мы можем с чем угодно расстаться, что угодно приобрести — у человека в этом нет никаких ограничений. Кроме того, они верят, что по-настоящему повлиять на кого бы то ни было можно лишь в одном случае: изменив собственную жизнь; тут важно, как ты себя ведешь, какие поступки совершаешь. Поэтому все в племени изо дня в день стараются стать лучше.

Я сидела напротив Швей-Мастерицы. Она, склонив голову, сосредоточенно штопала. Сегодня к ней обратился Великий Охотник за Камнями — фляга с водой, которую он носил на поясе, вдруг оборвалась и упала на землю. Однако прохудилась не сама фляга, изготовленная из мочевого пузыря кенгуру; износился лишь кожаный ремень, которым она была подвязана к поясу.

Швея-Мастерица перегрызла зубами нить из какого-то природного волокна. Ее зубы были истерты почти наполовину. Оторвавшись на мгновение от работы, она сказала:

— Чудно все-таки: я про старость у Искаженных. В старости они не со всякой работой справляются. Часто становятся ненужными.

— Всегда можно приносить пользу, независимо от возраста, — добавил кто-то.

— Похоже, бизнес для Пришельцев стал делом опасным. Сначала люди вступали в бизнес, чтобы вместе произвести нечто полезное, что нельзя произвести в одиночку; кроме того, это способ развить свои таланты и вписаться в систему денежных отношений. Но теперь цель любого бизнеса — просто остаться на плаву. Нам это странно, потому что мы считаем, что продукт реален, люди реальны, а бизнес — нет. Любое предприятие всего лишь идея; его основа — соглашение между людьми. И при

этом цель бизнеса — остаться на рынке любой ценой. Подобные взгляды трудно понять, — заметила Швея-Мастерица.

Тогда я рассказала им о государстве, которое основано на системе свободного предпринимательства и праве частной собственности, где есть корпорации, биржи, акции, пособия по безработице, социальные дотации и профсоюзы. Я вспомнила все, что знаю о государственной системе России, и о различиях в экономике Японии и Китая. Я читала лекции в Дании, Бразилии, в Европе и Шри-Ланке и поделилась всем тем, что могла поведать о жизни в этих странах.

Мы заговорили о тяжелой промышленности. Они согласились, что автомобиль — удобное средство передвижения. Но при этом ты рабски зависишь от денег, которые вынужден на него тратить; существует риск попасть в аварию — и хорошо еще, если дело удастся уладить без суда и если не наживешь себе врага. Кроме того, вода в пустыне — драгоценность, а ею пришлось бы делиться еще и со зверем о четырех колесах. Поэтому они сочли, что игра не стоит свеч. К тому же они никуда не торопятся.

Я посмотрела на Швею-Мастерицу, сидевшую напротив меня. У нее было много замечательных качеств, которые вызывали мое восхищение. Она неплохо знала историю мира и была осведомлена о современных событиях, хотя не умела ни читать, ни писать. Она была творческой личностью. Я заметила, что она сама предложила Великому Охотнику за Камнями заштопать ремень. У нее была в жизни цель, и она жила ради этой цели. И в самом деле: многое можно понять, наблюдая за человеком, который сидит в кругу напротив тебя.

Я подумала: интересно, что она обо мне думает? Каждый раз, когда мы садились в круг, кто-то всегда оказывался напротив меня, но люди никогда не спешили занять это место. Я знаю свой самый главный недостаток: я задаю сразу слишком много вопросов. Нужно помнить, что люди в этом племени охотно делятся тем, что знают, и когда придет время, мне откроют все тайны. Наверное, я вела себя, как надоедливый ребенок.

Мы улеглись, но мне не спалось: я все думала о словах Швеи-Мастерицы. Бизнес не есть нечто реальное, это всего лишь результат соглашения между людьми, но задача любого бизнеса — остаться на плаву любой ценой, независимо от того, как это влияет на людей, независимо от того, что производит предприятие или какие услуги оказывает. Очень пронзительное замечание — особенно для человека, который никогда не читал газет, не смотрел телевизор, не слушал радио. Мне захотелось, чтобы весь мир услышал эту женщину.

Может, вместо того чтобы называть это место краем света, нам следует обратить на него самое пристально е внимание.

17. Врачевание музыкой

Несколько человек в племени имели дар исцелять музыкой. Иногда в переводе использовалось слово «лечить». Но речь шла не только о врачебной сфере и не относилась лишь к здоровью тела. Способность исцелять — это все самое полезное, что каждый человек может привнести в жизнь племени. Оота объяснил, что талант или способность исцелять, например лечить переломы, ничем не лучше и не хуже таланта вызывать плодородие или находить яйца. И то и другое необходимо, и то и другое уникальные способности. Я согласилась и с удовольствием подумала о предстоящем обеде из яиц.

Меня предупредили, что в тот день состоится большой концерт. У нас с собой не было музыкальных инструментов, но я давно уже перестала сомневаться, что каким-то образом появится все, что для этого нужно.

Днем мы шли по ущелью, и я чувствовала, как нарастает радостное возбуждение. Ущелье было узким, примерно три с половиной метра в ширину, стены высотой метров пять с половиной.

Мы разбили лагерь, и пока готовилась еда из насекомых и овощей, музыканты «устанавливали сцену». В той местности росли круглые бочковидные растения. Кто-то отрезал верхушки и выскоблил мякоть, похожую по виду на мякоть тыквы; мы отжали ее и выпили сок. Крупные семена вынули и отложили. Несколько кожаных мешков, которые мы несли с собой, натянули на растения и крепко привязали. Так получились отличные ударные инструменты.

Рядом лежало засохшее мертвое дерево, несколько ветвей на нем сплошь облепили термиты. Одну ветвь отломали и стряхнули насекомых. Термиты съели древесину изнутри, там осталась одна труха. Ее выдолбили палкой и выдули все, что там было — получилась длинная пустая трубка. Мне казалось, что на моих глазах была создана труба архангела Гавриила. Потом я узнала, что в Австралии этот инструмент называют «диджериду». Он дает очень низкий и чистый звук.

Два музыканта задали ритм: один ударял палочкой о палочку, другой стучал камнем по камню. Кто-то взял кусочки сухой глины, подвесил их на ниточках — и получился звук, похожий на позвяки-

вание колокольчиков. Кто-то смастерил трещотку, привязав веревку к плоской деревяшке. Когда он крутил ее, то раздавались звуки, похожие на рык; при этом он умело изменял громкость звука. Музыка в ущелье отзывалась фантастическим эхо. Слово «концерт» тут было более чем уместно.

Люди пели соло и хором, и все пели в лад. Я осознала, что слышу песни, древние, как этот мир. Они помнили песни, созданные в этой пустыне еще до того, как мы придумали свой календарь. Но мне довелось услышать и совсем новую музыку — ее сочинили просто потому, что я была в тот день с ними. Мне было сказано: «Подобно тому как музыкант пытается выразить музыку, звучащую в нем, так и музыка во Вселенной стремится к тому, чтобы ее выразили».

У них нет письменности, и потому знания передаются из поколения в поколение через песню и танец. Каждое историческое событие можно отразить в рисунках на песке или рассказать через музыку и театральное представление. Они каждый день исполняют музыку, чтобы не забыть события, о которых важно помнить; примерно за один год они вспоминают таким образом всю свою историю. Если каждое событие нарисовать и разложить рисунки на земле, получится карта мира, — того мира, который существует последние несколько тысяч лет.

Изо дня в день я убеждалась, что эти люди живут полной жизнью, не будучи привязаны ни к чему земному. Когда наш праздник завершился, инструменты поставили туда же, где их и нашли. Посадили семена, чтобы растения выросли снова. На скале нарисовали знаки, которые сообщат другим путникам, что те могут собрать плоды. Музыканты не взяли с собой ни палки, ни полой ветви, ни камней, однако радость творчества и талант остались с ними, подтверждая ценность каждого человека, питая его уважение к себе. Музыкант всегда носит музыку в себе самом. Ему не нужны какие-то особые инструменты. Музыка это он сам.

В тот день я поняла: то, какой будет наша жизнь, определяем мы сами. Мы можем обогатить свою жизнь, подарив что-то самим себе, выразив себя творчески, и быть настолько счастливыми, насколько мы себе это позволим. Композитор и другие музыканты шли с гордо поднятыми головами.

— А концерт получился ничего себе, — заметил кто-то.

— Один из лучших, — ответил другой.

Я слышала, как композитор сказал:

— Наверное, еще немного, и я буду называть себя не Музыкантом, а Великим Музыкантом.

И это было не раздутое эго, то, что я в тот момент наблюдала. Просто эти люди осознают свои таланты и то, как важно делиться ими и развивать данные каждому человеку удивительные способности. Они понимают, что признание своей ценности и получение нового имени — нечто взаимосвязанное.

Эти люди утверждают, что жили на этой земле всегда. Ученым известно, что они населяют Австралию, по крайней мере, последние пятьдесят тысяч лет. Все-таки удивительно, что за эти пятьдесят тысяч лет они не загубили лес, не загрязнили воду, не истребили ни единого вида животных, не отравили почву, — и все это время вдоволь получали пищу, находили кров. Они много смеются и нечасто плачут. Они живут долгой, плодотворной жизнью, не знают болезней и с миром в душе покидают эту землю.

18. Ловушка для снов

В то утро мы, как всегда, встали полукругом, обращенным к востоку; в воздухе, казалось, было разлито восторженное предвкушение чего-то необыкновенного. Старейшина Племена исполнил свою часть утреннего обряда, и на его место в середину вышла Жена духа.

Внешне мы с Женой духа были очень похожи.

Она — единственная среди женщин племени весила больше ста двадцати фунтов. Хотя я с уверенностью могла бы сказать, что худею: мы все время двигались, при этом стояла страшная жара, а питались мы только раз в день. Во мне накопилось предостаточно излишних жировых отложений, и мне нравилось представлять, как жир стекает по телу, оставляя кайму вокруг моих следов.

Стоявшая в центре круга Жена Духа, подняв руки над головой, предложила невидимой публике на небе свой талант. Она желала стать в этот день проводницей воли Божественного Единства. Она хотела поделиться талантом со мной, с Искаженной, которая странствует вместе с племенем. Выразив свою просьбу, она громко, с чувством вознесла благодарность. И все вслед за ней стали выкрикивать слова благодарности за еще не явленные дары этого дня. Обычно, как мне сказали, это делают молча: они умеют общаться на уровне мысли. Но я была новичком, телепатией не владела, и к тому же ко мне относились как к гостю, поэтому общались на том уровне, на котором я была способна воспринимать происходящее.

В тот день мы шли до тех пор, пока солнце не стало клониться к горизонту. На нашем пути почти не встречались растения, но я была рада, что колючки не впиваются мне в стопы.

Молчание было нарушено ближе к вечеру, когда кто-то заметил рожицу карликовых деревьев — растений странного вида. Их ствол разветвлялся кверху, как огромный куст. Вот о них-то и возносила мольбу Жена Духа, их и надеялась увидеть.

Накануне вечером, когда мы сидели у огня, она и еще три женщины взяли несколько кожаных лоскутков и обшили ими деревянные рамки. Сегодня они несли их с собой. Я не задавала вопросов, зная, что со временем все пойму.

Жена духа схватила меня за руку и потянула в сторону деревьев, указывая на них. Я смотрела, но ничего не видела. Она жестикулировала с таким восторгом, что я пригляделась более внимательно. И тут увидела огромную паутину — белесую, плотную — сложный узор из сотен переплетенных нитей. Подобные паутины были на нескольких деревьях. Жена духа что-то сказала Ооте, а он в свою очередь велел мне выбрать паутину. Я не знала, какую именно, но уже усвоила, что люди в этом племени полагаются в таких случаях на интуицию. Я указала на одно из деревьев.

Тогда Жена духа взяла ароматическое масло из мешочка, который был привязан у нее к поясу, и растерла его по коже, натянутой на круглую рамку. Она отвела листья от выбранной паутины и, поместив между листвой и паутиной маслянистую поверхность, рванула рамку на себя — и на нее, как на картину, приклеилась вся паутина. Я наблюдала, как другие женщины, у которых тоже были круглые рамки, выходят, выбирают паутину и точно так же рывком помещают тонкую сеть в готовую оправу.

Пока мы забавлялись, остальные разводили огонь и собирали пищу для ужина: больших пауков, обитавших на карликовых деревьях, коренья и какие-то клубни, которых я раньше не пробовала, — по виду они напоминали репу.

После трапезы мы, по обычаю, сели в круг. Жена духа стала объяснять, в чем же состоит ее талант. Каждый человек уникален, каждый наделен некими хорошо проявленными чертами, которые могут в течение жизни превратиться в талант. Она приносила пользу людям, создавая ловушки для снов. Говорили, что она могла уловить сны каждого человека в племени. Сны видят все, хотя не многие запоминают их или понимают, о чем они.

— Сны — это зеркало реальности, — сказала Жена духа.

Все, что существует, все, что происходит в этом мире, можно увидеть и в мире снов. Там сокрыты ответы на все вопросы. Особые паутины нужны для обряда, когда с помощью песни и танца у Вселенной просят руководства в сновидениях. На следующий день Жена Духа помогает осознать тому, кто видел сон, что же ему таким образом сообщили.

Насколько я поняла, слово «сновидение» обозначает уровень осознанности. Так, «сновидение предков» означает то время, когда был создан этот мир; существует также «сон вне тела», как, например, глубокая медитация. Существует сон и в обычном для нас значении и т. д.

Люди в племени прибегают к ловушкам для снов в самых разных ситуациях. Если требуется помощь, чтобы понять смысл взаимоотношений, если есть вопросы о здоровье или о сути того или иного жизненного опыта, они верят, что ответ можно узнать во сне. Искаженным известен лишь один способ проникать в царство снов: лечь и уснуть. Но Истинные Люди способны, не засыпая, переключаться на иной уровень сознания. При этом им не нужны наркотики, влияющие на деятельность мозга; при помощи дыхательных техник и концентрации воли они осознанно вступают в мир снов.

Мне велели потанцевать с ловушкой для снов. Лучше всего покружиться. И при этом четко задать в мыслях вопрос, в танце все время повторяя его про себя. Они пояснили, что, когда кружишься, создаются энергетические воронки в семи ключевых центрах тела. Я встала, расставила руки в стороны и начала вращаться по часовой стрелке.

У меня очень скоро закружилась голова; я села на землю и подумала, до чего же изменилась моя жизнь. Здесь население даже меньше, чем один человек на квадратный километр, хотя территория более чем в три раза превосходит Техас; и тут я верчусь волчком, поднимаю песок, слушаю, как ловушка для снов рассекает воздух и ветер уносит эти звуки в немислимую даль.

Люди в этом племени ночью не видят снов, если сами не попросят об этом. Спят они для того, чтобы отдохнуть и восстановить силы. По их мнению, не годится разбрасываться и на то, и на это. Они считают, что Искаженные по ночам видят сны, потому что не могут видеть сны днем; для нас, цивилизованных людей, это вообще дикость — видеть сновидения с раскрытыми глазами.

Наконец наступило время ложиться спать. Я выровняла песок и подложила под голову руку вместо подушки. Мне дали маленький сосуд с водой и велели выпить половину; оставшуюся воду я выпила, когда проснулась. Это помогло мне вспомнить сон в подробностях. Я задала вопрос, который больше всего волновал меня: что мне делать с полученной информацией, когда путешествие завершится?

Утром Жена Духа, общаясь через Ооту, попросила меня вспомнить сон. Сперва я думала, что ей не удастся истолковать его, потому что ничего в нем, казалось, не имело отношения к Австралии, но все равно пересказала ей то, что мне приснилось. Ее интересовали в основном мои ощущения, чувства, связанные с предметами и событиями во сне. Удивительно: она помогла мне увидеть самую суть, хотя та жизнь, которую я видела во сне, совершенно ей незнакома.

Я узнала, что в моей судьбе будет немало бурь, что люди и дела, в которые я вложила время и силы, уйдут из моей жизни. Но теперь я прочувствовала, что значит быть умиротворенным, цельным существом, и могла вспомнить это ощущение когда угодно. Я поняла, что за одну жизнь можно прожить несколько жизней, к тому же дверь в прошлое для меня уже не раз закрывалась. Я осознала: придет время, и я не смогу оставаться с теми же людьми в том же месте с теми же ценностями и убеждениями, что и прежде. Ради внутреннего роста я спокойно закрою дверь и войду в новое пространство, в новую жизнь, поднимусь на новую ступеньку невидимой лестницы. И самое главное, мне ничего особенного не надо будет делать со всей полученной информацией. Просто жить, соответствуя тем принципам, которые считаю истинными, и тогда я затрону жизнь тех, с кем сведет меня судьба. Двери откроются. В конце концов, послание идет не от меня; я всего лишь посланница.

Мне стало любопытно, что приснилось другим людям, которые танцевали с ловцом снов. Не успела я задать вопрос, как Оота ответил:

— Создатель Инструментов хочет рассказать.

Создатель Инструментов — пожилой человек, мастеровивший не только орудия труда, но и кисточки, кухонную утварь и почти все, что нужно в быту. Он интересовался, почему у него болят мышцы. Во сне он увидел черепаху: она выползла из заводи и начала заваливаться, потому что у нее с одной стороны не было двух лап. Жена духа расспросила его, как и меня, об увиденном, и он пришел к выводу, что ему пора обучить кого-нибудь своему ремеслу. Когда-то ему нравилось мастерить утварь для племени, но теперь радости было меньше и осталось лишь чувство долга, и ему подсказали, что пора что-то менять. Он стал «заваливаться на одну сторону», перестал сочетать работу и игру.

Я наблюдала, как впоследствии он обучал других, и когда любопытствовала потом, болят ли у него мышцы, он улыбнулся — от этого морщин на его лице стало еще больше — и сказал:

— Когда думанье гибкое — суставы подвижные. Боль ушла, совсем ушла.

19. Сюрприз к обеду

Во время утреннего молитвенного обряда заговорил Брат Больших Животных, который обычно молчал. Он ощутил потребность поделиться своим талантом. Его предложение было с радостью принято.

В отличие от Африки, где водятся слоны, львы, жирафы и зебры, в Австралии не так уж много крупных животных. Мне любопытно, что же придумает Вселенная.

В тот день мы шли довольно быстро. Солнце палило не так сильно, было, может, даже меньше сорока градусов. Целительница намазала мне лицо и уши толстым слоем крема из жира ящериц и растительного жира. Не знаю точно, сколько раз моя кожа облезала, но с уверенностью могу сказать, что не раз и не два. В конце концов стало казаться, что уши у меня отвалятся — такая стояла жара. Жена Духа пришла мне на выручку. Она созвала консилиум, и хотя раньше с подобной проблемой этим людям сталкиваться не приходилось, они быстро нашли выход. Они смастерили нечто, напоминавшее старомодные «наушники», которые носят зимой. Жена Духа взяла жилу какого-то животного и связала концы; Швея прикрепила перья. Все это мне надели на голову, так что перья прикрыли уши, и крем подействовал, так что мне вскоре заметно полегчало.

День был веселый. По дороге мы играли в загадки. Все по очереди изображали животных или рептилий либо разыгрывали исторические события, а остальные старались разгадать. Постоянно звучал смех. Следы моих спутников уже не выглядели одинаковыми, словно пятна от оспы. Я замечала, что они различаются и что походка у каждого своя.

С приближением вечера я принялась выглядывать вдаль на равнине хоть какую-то растительность. Цвет земли менялся от бежевого до различных оттенков зеленого. Потом ландшафт изменился, и я увидела деревья. Снова словно бы ниоткуда появилось именно то, о чем просило Истинное племя. Наверное, уже пора было перестать этому удивляться, но их неподдельная радость передавалась и мне.

Мы заметили крупных животных, которые появились, чтобы мы воздали им честь. Это были четыре одногорбых верблюда. Раньше я видела таких в цирке и в зоопарке, но там они были ухоженные, с лоснящейся шерстью. Верблюды не водятся в Австралии. Животных, скорее всего, использовали в качестве транспорта, и они выжили тут, в пустыне, хотя их седоков, очевидно, постигла иная участь.

Мы остановились. Шестеро наших охотников разделились: трое стали заходить с востока, трое с запада. Низко пригнувшись, они тихо подобралась к животным. Каждый держал в руках бумеранг или копьё и копьёметатель. Копьёметатель — это деревянное приспособление, на которое передается сила руки и запястья, за счет чего копьё летит в три раза дальше и точность попадания выше. В стаде верблюдов был один самец, две взрослые самки и один верблюжонок.

Опытные охотники оценили положение. Они потом объяснили мне, что решили охотиться на старшую самку. Подобно собакам динго — их меньшим братьям — они чувствуют, какое животное самое слабое. От него, казалось, слышался призыв, будто оно желало, чтобы ему в этот день была оказана честь. А сильные пусть останутся, дабы продолжить род. Я не видела, как охотники переговариваются или общаются жестами, но они как по команде разом подались вперед. Одно копьё попало верблюду точно в голову, другое — в грудь, смерть наступила мгновенно. Остальные три верблюда умчались. Топот их ног вскоре затих вдали.

Мы приготовили глубокую яму, выложили дно и стенки несколькими слоями сухой травы. Брат Больших Животных острым ножом взрезал брюхо верблюдицы. Нас обдало теплым воздухом, и вместе с ним распространился сильный запах теплой крови. Органы вынули один за другим, сердце и печень отложили в сторону. В племени их ценят за целебные свойства: они придают силу и выносливость. Как ученый, я понимала, насколько эта пища обогатит железом их несбалансированный и непредсказуемый рацион. Кровь слили в особую флягу, которую носила на шее юная ученица Целительницы. Нижнюю часть ног также отложили в сторону: они еще пригодятся. Я даже представить себе не могла, для чего.

— Искаженная, этот верблюд рос специально для тебя, — воскликнул человек, поднимая кверху огромный бледный мочевой пузырь животного.

Все знали, какой я водохлеб, и они давно уже хотели раздобыть подходящий мочевой пузырь, чтобы сделать из него флягу для меня. И вот пузырь нашелся.

По всей видимости, в этом краю паслось много разных животных кругом было немало навозных куч. Что интересно: теперь я ценила то, что совсем недавно вызывало во мне отвращение. А сегодня я подбирала навоз с чувством благодарности, что у нас есть такое чудесное топливо.

Вечером звучали смех и шутки: мои спутники обсуждали, как мне лучше носить мочевой пузырь — у пояса, на шее или как заплечную сумку. На следующий день мы отправились в путь; несколько

человек растянули над головами шкуру верблюда. Шкура давала тень, но главное, пока мы шли, она сохла и становилась пригодной для выделки. Шкуру очистили от мяса и обработали дубильным веществом, получаемым из коры растений. После ужина верблюжьего мяса осталось еще много, его порубили на тонкие ломтики. Их испекли в ямке, а непропекшиеся ломти развесили на трезубых шестах.

Несколько человек шествовали по пустыне с такими «флажками» в руках. Мясо верблюда хлопало на ветру, сушилось и превращалось естественным образом в консервы.

И в самом деле, это было очень странное шествие!

20. Муравьи не-в-шоколаде

Солнце палило так ярко, что я не могла заставить себя полностью открыть глаза. Пот вырабатывался каждой клеточкой тела, мини-речки собирались во впадине на груди и увлажняли бедра и ноги, которые при каждом шаге терлись друг о друга. Даже мои стопы с верхней стороны потели. Раньше такого не было; это был знак того, что температура выше предела, который еще переносит здоровый человек, — 43 градуса. Жара была нестерпимая. На стопах образовался странный узор: я натерла мозоли на всей стопе от пальцев к пятке и сбоку, притом под этими пузырями появились новые мозоли. Ноги словно онемели.

Пока мы шли, одна из женщин исчезла в пустыне на несколько минут и вернулась с огромным зеленым листом, где-то полметра в ширину. Я не понимала, с какого растения мог быть сорван этот лист — зеленый и живой. Кругом вся растительность была бурой, жухлой, сухой. Никто не спросил, где она нашла этот лист. Ее звали Дарительница Счастья. У нее был талант затевать игры. Она сказала, что вечером мы будем играть в игру сотворения.

Мы набрали на огромный муравейник — в нем копошились большие муравьи, сантиметра в два с половиной, со странными, увеличенными брюшками. Меня обрадовали: «Они такие вкусные, тебе понравится!».

Эти создания племя собирались почтить, употребив на обед. То была какая-то разновидность медовых муравьев, в их раздутых брюшках имелась сладкая жидкость, на вкус похожая на мед. Но эти муравьи отличались от тех, что обитают в зоне обильной растительности, более мелких и не таких сладких на вкус. И мед у них не густой и не тягучий — казалось, они производили его из поблекших

красок, жары и ветров окружающей местности. Эти же муравьи, видимо, единственное лакомство, которое люди племени пробуют за всю свою жизнь. Они опускали руки в муравейник, муравьи заползали на них, затем они отправляли пальцы в рот и слизывали муравьев. Судя по выражениям лиц, вкус был чудесным. Я поняла, что рано или поздно и мне предложат попробовать, так что набралась решимости, взяла всего одного муравья и закинула его в рот. Надо было не глотать его сразу, а расплющить, прижав к небу языком, и насладиться вкусом меда. Мне не удалось ни то ни другое: ощутив, как муравей вертится на языке, я с отвращением выплюнула его. Вскоре развели огонь, муравьев завернули в листья, положили под уголья, и когда лакомство было готово, я слизала его с листа, как растаявший шоколад с обертки. Для того, кто никогда не ел мед с цветков апельсина, наверное, это деликатес. Но в городе он бы вряд ли шел нарасхват!

Вечером Дарительница Счастья разорвала подаренный мне зеленый лист на части. Она сосчитала нас каким-то своим способом и убедилась, что кусочков листа столько же, сколько и нас. Пока она готовилась, звучали музыка и песни. Затем началась игра.

Под звуки песни первый обрывок листа положили на песок. Потом положили еще один кусочек листа и еще один. Пение незаметно прекратилось. Мы все смотрели на головоломку. На землю клали один обрывок листа за другим, и я догадалась, каковы правила игры: передвигаешь обрывок, если видишь, в каком месте он подойдет. Не надо ждать своей очереди. Игра увлекла всех, но при этом никто ни с кем не соревновался. Когда верхнюю часть листа собрали целиком, все оживились: жимали друг другу руки, обнимались и кружились. При всеобщем участии мы наполовину справились с задачей. Мы снова сосредоточились и стали думать. Я подошла к листу и положила свой кусочек. Потом снова подошла, но не смогла понять, где мой кусочек, и села на место. Оота словно прочел мои мысли и ответил на мой невысказанный вопрос:

— Это ничего. Только кажется, что кусочки листа существуют отдельно друг от друга. Так и люди — только кажется, что они существуют отдельно друг от друга. На самом деле мы все — одно целое. Вот потому эта игра называется игрой сотворения.

Он перевел то, что хотели мне сказать остальные.

— Если все едино, это не значит, что мы все одинаковы. Каждое существо уникально. Двоим не бывает назначено одно и то же место. Каждая часть листа нужна, чтобы дополнить его до целого; точно так же и у каждой души есть свое особое место. Человек может испытать себя разными путями,

но в итоге он найдет свое место. Однако кто-то из нас находит прямую тропу, а кто-то устало наматывает круги.

Я почувствовала, что все смотрят на меня, и подумала, что надо встать и подойти к листу. Там остался лишь один промежуток, и обрывок листа, который подходил, лежал совсем рядом. Я положила его на место, и радостный крик огласил необъятные просторы. Все племя ликovalo!

Вдалеке собаки динго подняли заостренные морды к небу и завыли, глядя в черное бархатное небо с вкраплениями искрящихся небесных бриллиантов.

— Ты завершила игру, что подтверждает твое право быть среди нас.

Мы идем по прямому пути Единого. У Пришельцев много верований. Они говорят: твой путь не такой, как мой, твой спаситель — не мой спаситель, твоя вечность — не моя вечность. Но истина в том, что вся жизнь едина. Ведется только одна игра. Есть одна раса и много разных оттенков. Искаженные спорят: какое имя у Всевышнего? Как строить Его дом? Какой день священный? Какой обряд правильный? Приходил ли Он на Землю? Что значат Его притчи? Истина есть истина. Если ты кому-то причиняешь боль, ты вредишь самому себе. Если помогаешь другому, помогаешь и самому себе. Кровь и кости есть у всех людей. Но у всех разные сердца и желания. Искаженные думают лишь о делах своего века и о себе, словно существуют отдельно от всех остальных. Истинные Люди думают о вечности. Мы все едины — наши предки, нерожденные внуки и все живое во Вселенной.

После того как игра окончилась, один из них поинтересовался: правда ли, что есть люди, которые за всю жизнь так и не узнают, каким талантом наградил их Бог? Я вспомнила о своих пациентах: кто-то из них был очень подавлен, многим казалось, что жизнь обошла их стороной — в отличие от всех остальных, от тех, кому удалось сделать что-то стоящее. Мне пришлось признать: многие Искаженные не верят в то, что у них вообще есть какой-либо талант, и не думают о смысле жизни, пока не приходит пора умирать. Моему собеседнику на глаза навернулись крупные слезы, он покачал головой: ему трудно было поверить, что такое возможно.

— Почему же Пришельцы не видят: если от моей песни кто-то счастлив, то это хорошо? Помогать одному человеку уже хорошо. Ведь сразу всем и не поможешь.

Я спросила, знакомо ли им имя Иисус.

— Конечно, — ответили мне. — Миссионеры поведали нам: Иисус был Сыном Божьим. Это наш старший брат. Божественное Единое в облике человека. Его надлежит почитать более всех. Божествен-

ное Единое пришло на Землю много лет назад, чтобы научить Искаженных, как надо жить, чтобы напомнить им то, о чем они забыли. Иисус не приходил к Истинному племени. Он мог прийти, мы всегда были здесь, но Его послание не относилось к нам. Потому что мы ничего на самом деле не забыли. Мы и так жили в соответствии с Его Истиной. Для нас Единое — это не какая-то вещь. Пришельцы, похоже, сильно привязаны к форме. Они не могут принять того, что невидимо и не имеет очертаний. Бог, Иисус, Единое для нас это не просто сущность, которая окружает все материальные формы или присутствует в них. Это все вообще!

В племени верят, что жить — значит постоянно меняться, двигаться вперед, развиваться. Они говорят, что есть «время жизни» и «время нежизни». Люди «не-живут», когда злятся, унывают, жалеют себя, когда поглощены страхом. Если ты дышишь, это еще не значит, что ты живешь. Это просто значит, что рано хоронить твое тело. Не все, кто дышит, пребывают во «времени жизни». Если человек хочет сам понять, что значит испытывать агрессивные эмоции, то это естественно, но мудрый на этом не остановится. Когда душа обитает в человеческом теле, мы можем играть: через игру мы учимся, что значит быть счастливым, печальным, ревнивым, благодарным и т. д. И на основе этого опыта в конце концов понимаем, что приносит боль, а что исцеляет.

Потом мы говорили про игры и спорт. Я рассказала им, что в Соединенных Штатах все увлечены спортом. К примеру, тем, кто играет с мячом, мы платим гораздо больше, чем школьным учителям. Я сказала, что могу научить их одной игре: надо построиться в линию и бежать по команде как можно быстрее; кто первым пробежит дистанцию, тот и победитель. Все пристально посмотрели на меня большими, выразительными карими глазами и потом друг на друга. Наконец, кто-то сказал:

— Если один человек выигрывает, выходит, остальные проигрывают? Игра должна быть в радость. Зачем подвергать кого-то такому испытанию, а потом убеждать этого человека, что он на самом деле победитель? Этот обычай трудно понять. Тебе самой это нравится?

Я только улыбнулась и покачала головой:

— Нет.

Рядом лежало засохшее дерево. Я попросила помочь, и мы соорудили качели, положив длинный ствол на высокий камень. Все от души повеселились, и даже старейшие в племени по очереди садились покачаться. Они заметили, что кое-что нельзя сделать в одиночку, например покачаться на таких вот качелях! Семидесяти-, восьмидесяти-, девяностолетние люди вели себя как малые дети и с радостью

играли в игры, в которых не было главным, кто победитель; главное заключалось в том, чтобы всем было весело.

Еще я научила их прыгать через скакалку — сгодились упругая веревка, которую плетут из жил животных. Потом я попыталась начертить классики на песке, но было уже слишком темно, и все порядком устали. Это развлечение мы отложили на другой раз.

В ту ночь я вытянулась на спине и посмотрела в необъятное звездное небо.

Никакой бриллиант на черном бархате в ювелирной коробочке не сравнится с любой из этих звезд. Мой взгляд остановился на самой яркой звезде, которая словно заворожила меня. Казалось, она говорила мне: люди в этом племени не стареют, как вы. Конечно, тела в конце концов изнашиваются, но они подобны свечам, которые выгорают медленно и равномерно. Ни с кем не случается такого, что один орган отказывает в двадцать лет, а другой в сорок. То, что мы в Штатах зовем стрессом, там, в пустыне, казалось просто уверткой — нежеланием прислушиваться к своей природе.

Наконец стало прохладнее. Чтобы научиться чему-то, приходится попотеть, но это знание действительно огромная сила. Как рассказать у себя дома, в нашем обществе, обо всем, чему я стала свидетелем? Мне никто ни за что не поверит, нужно быть к этому готовой. Людям будет трудно поверить, что кто-то ведет подобный образ жизни. Но, с другой стороны я понимаю, что в исцелении нуждается не только физическое здоровье человека, но и его больная, израненная, кровоточащая вечная сущность.

Я взглянула на небо и спросила мысленно: «Как это сделать?».

21. Во главе племени

Взошло солнце, и сразу стало невыносимо жарко. Тем утром племя совершило особый обряд. В центре полукруга, обращенного к востоку, поставили меня. Оота велел мне воздать благодарение Божественному Единому как умею и помолиться, чтобы день был хорошим. В конце церемонии, когда мы готовились отправиться в дорогу, мне сказали, что пришла моя очередь вести племя. Мне предстояло возглавить его.

— Но я не могу, — сказала я. — Я не знаю, куда мы идем, не умею искать воду и пищу. Большое спасибо за доверие, но я просто не могу вести вас.

— Так надо, — услышала я в ответ. — Пора. Ты должна вести нас, чтобы узнать свой дом — эту землю — на всех уровнях жизни и ощутить свою связь со всем видимым и невидимым. Если ты плетешься в хвосте какое-то время или прячешься где-то в середине, это нормально, однако, в конце концов, однажды каждому из нас предстоит стать во главе. Ты никогда не поймешь, что значит вести других за собой, если не возьмешь на себя эту ответственность. Каждому в свое время приходится быть и в роли ведомого, и в роли ведущего, каждому без исключения рано или поздно приходится быть во главе, пусть и не в этой жизни. Единственный способ пройти испытание — пойти на испытание. Если ты не прошел испытание, оно так или иначе повторится на другом уровне до тех пор, пока ты не выдержишь его.

Итак, мы отправились в дорогу, я повела племя за собой. День выдался очень жарким. Температура, похоже, была выше сорока градусов. В полдень мы остановились и при помощи шкур, на которых спали ночью, сделали навес. Когда жара чуть спала, мы снова двинулись и шли гораздо дольше обычного, пока не остановились на ночлег. По дороге не появилось ни одного растения или животного, чтобы мы им воздали честь, употребив их на обед. Мы не нашли воду. Воздух был горячий, неподвижный и разреженный. Наконец, я сдалась и объявила привал.

В тот вечер я просила о помощи. У нас не было ни еды, ни воды. Я обратилась к Ооте, но он меня словно не видел. Я обращалась к остальным, хотя не знала их языка, но верила, что они поймут голос моего сердца. Я умоляла: «Помогите мне, помогите нам!». Я повторяла эти слова снова и снова, но никто не ответил.

Они просто говорили о том, что каждый человек время от времени предпочитает плестись в хвосте. В меня закралось сомнение: а может, кого-то из бездомных и нищих на улицах США устраивает роль жертвы. Конечно, уютная середина милее большинству американцев. Хорошо, когда ты не слишком богат, но и не слишком беден. Не смертельно больной, но и не пынешь здоровьем. Не то чтобы совесть полностью чиста, но все-таки не совершал тяжких преступлений. Однако рано или поздно всем приходится поверить в свои силы и стать во главе. Хотя бы для того, чтобы взять на себя ответственность за собственную жизнь.

Я заснула, облизывая потрескавшиеся губы деревянным, сухим, обезвоженным языком. Трудно было сказать, от чего у меня кружилась голова: от голода, жажды, перегрева или истощения.

На второй день я снова повела племя за собой. И снова жара была жесточайшая. Теперь горло мое сжималось, я едва могла глотать. Язык высох до того, что почти не двигался, и сильно раздулся — казалось, во рту лежит большая сухая губка. Дышать было тяжело. Горячий воздух обжигал легкие, и я поняла, почему эти люди считают, что форма носа, как у коалы, — особый дар. Их широкие носы и дыхательные пути куда лучше приспособлены к такой сумасшедшей жаре, нежели мой курносый.

Пустой горизонт становился все более враждебным. Он бросал вызов всему человеческому, он будто не принадлежал людям. словно земля победила в битве с цивилизацией, и теперь для нее жизнь — нечто инородное. Нигде нет ни дорог, ни самолетов в небе, мы не видели даже звериных следов.

Я понимала, что если племя не придет мне на помощь, то я точно умру, и совсем скоро. Мы шли очень медленно, каждый шаг давался с усилием и болью. Вдали появилось темное, тяжелое дождевое облако. Мучительно было видеть, как оно маячит перед нами — не было смысла и пытаться догнать его, чтобы оно щедро одарило нас водой. Оно не могло одарить нас даже тенью. Мы лишь видели облако вдали и сознавали, что благодатная вода убегает от нас, ускользает, как морковь, которой манят идущего за ней осла.

Я закричала — может, чтобы убедиться, что еще в состоянии кричать, может, просто от отчаяния. Но без толку. Мир просто проглотил звук, как ненасытное чудовище.

Мне мерещилось, что я вижу воду, вижу, как она плещется в прохладных озерах, но как только бросалась навстречу миражу, находила один лишь песок.

Прошел второй день. У нас не было еды, не было воды, и мне никто не пришел на помощь. В ту ночь я была слишком изнурена, измучена, слишком близка к отчаянию, так что даже не попросила подушку из шкур. Наверное, я не уснула, а скорее, потеряла сознание.

На третье утро я подошла по очереди ко всем в племени и на коленях попросила обессиленным голосом:

— Пожалуйста, помогите. Пожалуйста, спасите нас. — Говорить было трудно, потому что, когда я проснулась, язык так высох, что почти прилип к щеке.

Они слушали, смотрели мне прямо в глаза и улыбались. Они словно думали: «Мы тоже хотим есть и пить, но ты сама должна одолеть этот путь. Мы поддержим тебя во всем, что научит тебя необходимому знанию». Никто не пришел мне на помощь.

Мы шли и шли. Стоял полный штиль, весь мир казался враждебным.

Я вторглась сюда, и он, казалось, бросил мне вызов. Никто не поможет, выхода нет. Тело онемело от жары, перестало меня слушаться. Я умирала. Налицо были все признаки смертельного обезвоживания. Конец. Умираю...

Мои мысли метались. Я вспомнила юность. Папа работал на железной дороге Санта-Фе, сильно уставал. Он был хорош собой. Ни разу в жизни я не ощутила, что у него нет на меня времени — он всегда был рядом, поддерживал меня во всем, ободрял. Мама старалась, чтобы у нас дома всегда было уютно. Я вспомнила, как она кормила бродяг — те каким-то волшебным образом определяли, в каком из домов им никогда не откажут. Моя сестра была круглой отличницей, к тому же хорошенькой, ее часто приглашали на свидания, и я порой часами наблюдала, как она наряжается. Когда я выросла, мне хотелось быть во всем похожей на нее. Я видела в мыслях младшего брата: вот он обнимает нашу собаку и жалуется, что девочки в школе норовят взять его за руку. В детстве мы втроем были очень дружны, стояли друг за друга горой, что бы ни случилось. Но с годами наши пути разошлись. В тот день я чувствовала, что в них ничего не шевельнется, они даже не догадаются, в каком я отчаянном положении. Я читала где-то, что перед смертью у человека вся жизнь проносится перед глазами. Не то чтобы вся моя жизнь, как фильм, проходила перед моим мысленным взором — я выхватывала обрывки самых странных воспоминаний. Вот я вижу, как стою на кухне, вытираю насухо тарелки и учу, как правильно писать слова. Труднее всего заучивалось слово «кондиционер». Я вспоминала, как влюбилась в моряка, как мы венчались в церкви, как родила сына, первенца, как дома рожала дочку и какое это чудо, когда новый человек приходит в мир. Я вспомнила все свои места работы, учебу в школе, в университете, получение ученых степеней — и тут осознала, что умираю в австралийской пустыне. Тогда какой же во всем этом смысл? Разве я совершила то, ради чего родилась? «Господи, — взмолилась я, — пожалуйста, помоги мне понять, что происходит!»

И тут же пришел ответ.

Я преодолела более чем десять тысяч миль, отделявших меня от моего родного городка в Америке, но при этом ни на йоту не продвинулась в своем мышлении. Я выросла в мире, где господствует левое полушарие мозга. Меня учили рассуждать логически, читать, писать, учили математике, причинно-следственным связям. А здесь — мир правого полушария мозга, тут никому не нужно все то, что считалось важным в школе, без чего цивилизованный мир не может обойтись. Здесь люди в совершенстве владеют правой половиной мозга, их главная сила — творчество, воображение, интуиция и

духовное видение. Они не думают, что общаться можно исключительно словами; можно общаться и через мысль, молитву, медитацию — как ни назови. Я просила и умоляла о помощи просто словами. Какой же я была в их глазах невежей. Любой Истинный человек попросил бы молча, обращаясь к уму, к сердцу, к сознанию Вселенной, что связывает всякую жизнь воедино. До сих пор я считала себя отличной от них, словно наблюдательницей со стороны, я не считала себя частью Истинного племени. Они все повторяли, что мы — единое целое и что они живут в единстве с природой, но вплоть до этого момента я не включала себя в это единство. Я держалась в стороне. А надо было обрести единство — с ними, с Вселенной и начать общаться, как это принято в Истинном племени. Так я и поступила. Мысленно поблагодарив источник этого откровения, я в душе прокричала: «Помоги! Пожалуйста, помоги!». Я произнесла слова, которые племя повторяло каждое утро: «Если это будет высшим благом для меня и для всего живого — научи меня!».

Мне передалась мысль: «Положи в рот камешек». Я огляделась. Никаких камней. Мы шли по мельчайшему, как в стеклянных часах, песку. И снова прозвучало: «Положи в рот камешек». Тут я вспомнила про камешек, который выбрала три месяца назад, он все это время лежал у меня в складке на груди. А я и забыла. Положив его в рот, я стала перекачивать его языком, и — о чудо! — появилась слюна. Я почувствовала, что способность глотать понемногу возвращается. Есть надежда. Может, не судьба мне умереть сегодня.

«Спасибо, спасибо, спасибо!» — сказала я молча. Я бы заплакала, но влаги для слез уже не осталось. Мысленно я молила о помощи: «Я научусь. Сделаю все что надо. Помоги мне найти воду. Я не знаю, что делать, что искать, куда идти».

Мне передалась мысль: «Будь водой. Будь водой. Когда ты станешь водой, ты найдешь воду». Я не знала, что это значит. Бессмыслица какая-то. «Будь водой». Это невозможно. Но я снова сосредоточилась и отвлеклась от того, чему учил меня мир левого полушария мозга. Выключила логику, выключила рассудок. Положилась на интуицию и закрыла глаза. Я решила стать водой. Я шла и прислушивалась всеми своими чувствами. Я чуяла воду, осязала ее, видела, слышала. Я была холодной, синей, чистой, грязной, стоячей, ледяной, талой; паром, конденсатом, дождем, снегом, слякотью; водой, которая питает землю, плещется в озерах, реках, в бескрайнем море, всякой водой, какую только можно вообразить.

Мы шли по плоской равнине, она простиралась всюду, куда ни глянь.

Возвышался лишь один золотисто-коричневый холмик — песчаная дюна с каменистым верхом, метра два в высоту. Здесь в пустыне его словно поместили по ошибке. Я взобралась по склону холма и села на скалу, прикрыв глаза от палящего солнца, будто в трансе. Посмотрела вниз и увидела лица моих друзей, которые всю дорогу поддерживали меня и любили, не требуя ничего взамен. Они смотрели на меня и улыбались до ушей. Я слабо улыбнулась в ответ. Потом отставила назад левую руку, чтобы поддержать себя, и пальцы коснулись чего-то влажного. Я резко обернулась. У меня за спиной, внутри камня, на который я опиралась, был бассейн метра три в диаметре и полметра глубиной, и он был наполнен прекрасной, кристально чистой водой, которую оставило тут вчерашнее, манившее нас дождевое облако.

Я искренне верю, что с первым глотком этой теплой воды была ближе к нашему Создателю, чем после любого причастия, которое получала в церкви.

У меня не было часов, и я не знаю наверняка, но мне показалось, что с того момента, как я стала водой, и до той минуты, как мы с радостными криками окунули головы в бассейн, прошло не более получаса.

Пока мы праздновали победу, в поле зрения показалась рептилия. Она была огромная, будто с доисторических времен. И это был не мираж, а самая настоящая рептилия. Ничего более подходящего к обеду, чем это существо из фантастического фильма, и появиться не могло. Мясо вызвало ликование, какое охватывает людей на пирах.

В тот день я поняла, наконец, почему люди в этом племени верят в связь ландшафта с обликом предков. Наша огромная каменная чаша словно прорвала плоскую поверхность равнины, она вполне могла оказаться кормящей грудью какой-нибудь жившей в прошлом женщины: быть может, энергетика ее тела перешла в черты ландшафта, чтобы спасти нашу жизнь? Я про себя окрестила этот холм Джорджия Катерина — в честь мамы.

Я с благодарностью смотрела в безбрежное небо, простертое над огромным миром вокруг нас. Наконец я поняла, что наш мир воистину чаша изобилия. Есть множество добрых людей, которые поддержат нас и разделят наш путь, если мы этого захотим. Для всех найдется вдоволь воды и пиццы, если мы научимся принимать и отдавать. Но больше всего я была благодарна безграничному духовному руководству, которое я почувствовала в своей жизни. Теперь, когда я прошла испытание «я лучше знаю, как надо», мне стало понятно, что помощь всегда приходит, даже когда ты на пороге смерти.

22. Мой обет

В племени не было принято считать дни недели и месяца, так что я не могла определить, какой теперь месяц. Очевидно, время у них не играло роли. Но однажды у меня возникла странная уверенность, что наступило Рождество. Почему — не знаю. Рядом не было ничего даже отдаленно похожего на наряженную елку или хрустальный графин яичного ликера. Но, скорее всего, было именно 25 декабря. Я вспомнила случай, который произошел в моем офисе несколько лет назад.

В приемной сидели два служителя церкви. Они обсуждали какие-то религиозные вопросы. Страсти все разгорались, тон повышался, а спорили они вот о чем: что по Библии считать Шаббатом — собственно субботу или же воскресенье? Мне было смешно это вспоминать, сидя здесь, на краю света. Вот сейчас в Новой Зеландии уже 26 декабря, а в США — только канун Рождества. Я живо представила себе ломаную линию на карте мира, пересекавшую синий океан. Там, как утверждалось, начиналось и заканчивалось время. На этой невидимой границе из морских волн рождался новый день.

Потом я вспомнила, как, еще учась в Школе святой Агнессы, однажды в пятницу закусывала на Алленс-Драйв. Мы сидели за столом, перед нами лежали громадные бургеры, и мы ждали, когда часы покажут двенадцать. Один кусочек мяса, съеденный в пятницу, мгновенно навлекал на нас смертный грех и вечное проклятие. Много лет спустя это правило отменили, но никто так и не ответил на вопрос: а что случилось с теми бедными обреченными душами, которые уже были прокляты? Теперь все это казалось такой нелепицей.

На самом деле то, как Истинные Люди проживают свою жизнь, и есть самый лучший подарок к Рождеству. Они не отмечают праздников каждый год, как мы. Они устраивают иногда праздники в честь кого-то в племени, но происходит это не по случаю дня рождения, а скорее в знак признания таланта этого человека, его значимости в племени, его духовного роста. Они не поздравляют человека, если ему исполнилось на год больше. Они поздравляют его, если он стал лучше.

Одна женщина сказала мне, что ее имя означает Хранительница Времени, и в этом состоит ее талант. Они считают, что каждому из нас дано много талантов, и, если мы их воплощаем, нам дается еще больше, и так мы становимся сильнее. Сейчас она является Хранительницей Времени и работает в паре с другим человеком, у которого есть способность запоминать все в мельчайших подробностях. Когда я попросила рассказать мне, как это происходит, она сообщила, что члены племени спросят

совета у высших сил и потом скажут, следует ли мне обладать этим знанием или нет.

Прошло три дня, в течение которых разговоры между людьми в племени для меня не переводили. Я знала, не спрашивая, что обсуждения вращались вокруг вопроса, следует ли допускать меня к определенной информации. Я также знала, что брали в расчет не только меня, но и тот факт, что я являлась представителем Искаженных всего мира. Стало очевидно, что Старейшина в течение тех трех дней всячески поддерживал и продвигал мою кандидатуру. Мне показалось, что больше всех возражал Оота. Я поняла, что избрана и мне предстоит испытать нечто уникальное, что не было доступно ни одному человеку со стороны. Может, когда захотела узнать, что означает «хранить время», я попросила слишком о многом...

Мы продолжали идти по пустыне. Земля была каменистой, изредка встречалась растительность; плоская равнина, по которой мы путешествовали почти все время, сменилась холмами. Земля будто несколько прогнулась там, где из века в век ступали многие поколения этой темнокожей расы. Вдруг племя остановилось, два человека прошли вперед, отклонили ветки кустов между двумя деревьями и откатали камень в сторону. Оказалось, там был ход внутрь холма. Смели песок, засыпавший дверь. Оота повернулся ко мне и сказал:

— Теперь тебе позволено познать о хранительстве времени. Когда ты все увидишь, то поймешь, какой непростой выбор стоял перед моим народом. Кроме того, тебе нельзя войти в это священное место, пока ты не дашь клятву, что не раскроешь местонахождение этой пещеры.

Меня оставили одну у входа, а остальные проследовали внутрь пещеры. Я чувствовала запах дыма и видела, как слабый дымок поднимается от большого камня на вершине холма. Люди стали подходить ко мне один за другим. Сперва самый младший: он взял меня за руки, посмотрел в глаза и заговорил на своем родном языке, который я не понимала. Я могла лишь чувствовать его тревогу за то, как я поступлю с тем знанием, которое получу. Он сказал, прерываясь, с волнением в голосе, что благосостояние его народа впервые будет открыто Искаженному.

Потом подошла женщина, которую я знала под именем Рассказчица.

Она тоже взяла меня за руки и заговорила со мной. При ярком свете солнца ее лицо казалось темнее, тонкие брови были иссиня-черными, в цвет павлиньего пера, а белки глаз белыми как мел. Она сделала знак Ооте, чтобы тот подошел и перевел. И пока она держала меня за руки и смотрела мне прямо в глаза, он передал мне такие слова:

— Судьба привела тебя на этот континент. Еще до своего появления на свет ты договорилась встретиться с другим человеком, чтобы вместе с ним потрудиться на общее благо. Вы договорились, что не будете искать друг друга по меньшей мере пятьдесят лет. Теперь время пришло. Ты узнаешь этого человека, потому что ты была рождена в тот же день, в тот же час и минуту, и твоя душа сразу узнает его душу. Договор был скреплен на самом высоком уровне твоей вечной сущности.

Это меня потрясло. То же самое мне сообщил странный юноша в чайной комнате, когда я только прибыла в Австралию, а теперь эту новость повторила женщина-абориген.

Потом Рассказчица взяла горсть песка и положила его мне в руку. Она взяла другую горсть и разжала руку, и песок ушел сквозь пальцы — она сделала знак, что я должна повторить за ней. Мы сделали так четыре раза в честь четырех стихий: воды, огня, воздуха и земли. На моих пальцах осталась пыль.

Один за другим члены племени выходили из пещеры, и каждый говорил со мной, держась за руки. Но Оота уже не переводил их слов. Ко мне обращался один человек, потом возвращался в укрытие и оттуда выходил кто-то другой. Одной из последних вышла Хранительница Времени, а с ней Хранительница Памяти. Они взяли за руки, так что нас стало трое. Мы принялись, держась за руки, водить хоровод. Затем дотронулись до земли, не разжимая рук, выпрямились и протянули руки к небу. Так мы сделали семь раз, чтобы почтить семь направлений: север, юг, восток, запад, верх, низ и внутрь.

Потом вышел Лекарь. Последним вышел Старейшина в сопровождении Ооты. Они сказали мне, что священные места аборигенов, включая священное место сбора Истинного племени, больше не принадлежат им. Когда-то самым важным местом встречи племен был Улуру, гигантский красный холм, расположенный в самом центре континента. Теперь он называется Айерс-Рок. Это самый большой в мире монолит, возвышающийся на 3800 метров над уровнем моря. Он доступен туристам, которые взбираются по нему, как муравьи, а потом возвращаются в экскурсионный автобус и едут в ближайший мотель, где остаток дня проводят в хлорированном, напичканном антисептиками плавательном бассейне. Правительство, конечно, заявляет, что памятник принадлежит не только британским подданным, но и коренным жителям, однако в настоящее время стало очевидным, что это место священным более не является, и там нельзя проводить никаких религиозных обрядов. Примерно 175 лет назад Пришельцы начали ставить на бескрайних просторах Австралии телеграфные столбы и протягивать между ними провода. Аборигенам пришлось найти другое место для собраний племен. С тех пор все предметы искусства, скульптуры, реликвии, все было расхищено. Некоторые предметы осели в австра-

лийских музеях, но большинство из них вывезли за границу. Могилы разграбили, алтари растащили. Пришельцы полагали, что аборигены перестанут поклоняться своим богам, если разрушат их священные места. Они даже и не думали, что аборигены смогут найти другое место. Тем не менее был нанесен сокрушительный удар племенному единству, общие собрания прекратились, и со временем это вылилось в полную разобщенность аборигенных народов. Некоторые боролись с этим и погибли, потерпев поражение. Большинство ушло в мир белых людей, надеясь получить те блага, которые им посулили, в том числе еду в неограниченном количестве; они умерли в бедности — этой законной форме рабства.

Первые белые обитатели Австралии были заключенными. Множество кораблей с закованными в цепи узниками прибывало из Великобритании, поскольку британские тюрьмы были переполнены. Даже солдаты, которых приставляли следить за нарушителями закона, были из числа тех, без которых королевские суды вполне могли обойтись. Неудивительно, что, когда заключенный выходил на свободу — а его выпускали без гроша в кармане, никак не подготовив к мирной жизни, — он пытался подчинить себе кого-то и становился жестоким хозяином. Он искал людей, которых можно было бы считать ниже себя, и коренные жители подошли под эту роль.

Оота открыл мне, что его племя было приведено сюда двенадцать поколений назад.

— Это священное место помогало нашему народу выжить с начала времен, когда на земле повсюду росли деревья, и даже когда пришел великий потоп и затопил все земли. Здесь наши люди и спаслись. Это место не обнаружили самолеты, и белые люди не умеют выживать в пустыне настолько долго, чтобы добраться сюда. Лишь ограниченный круг людей знает, что это место существует. Ваш народ отобрал у нас старинные реликвии. То, что ты увидишь тут под землей, — последнее, что у нас осталось. У других австралийских племен не сохранилось никаких материальных предметов, связанных с их историей. Их расхитили Искаженные. Это все, что сохранилось от целого народа, от целой расы Истинных Людей, от первых людей божьих — их нет больше нигде на всей планете.

Целительница подошла ко мне еще раз. Она принесла с собой емкость с красной краской. Цвета, которые они используют, представляют в том числе четыре элемента тела: кости, нервы, кровь и мягкие ткани. Ее жест и мысленный приказ означали, что мне следует покрасить лицо красной краской. Я так и сделала. Потом все люди вышли, и я снова посмотрела каждому в глаза и обещала снова и снова, что никогда не открою никому, где находится это священное место.

Тогда меня проводили в пещеру.

23. Время замысла — тайна открыта

Внутри была гигантская комната с крепкими каменными стенами, коридоры расходились в нескольких направлениях. Стены украшали разноцветные знамена, высокие статуи стояли на нерукотворных ступеньках. В углу я увидела нечто, что заставило меня усомниться, в своем ли я уме: там был сад! Камни на верху холма положены так, что сквозь отверстие в земле проникает солнечный свет, и я ясно слышала звук воды, падающей на камень. Под землей был канал, по которому все время бежала вода. Дышалось там свободно, не было ничего лишнего, обстановка простая и суровая.

Впервые я увидела, что это племя имеет какую-то собственность.

В пещере они хранили свою обрядовую утварь, спальные принадлежности, шкуры, уложенные слоями, из которых получается мягкое, удобное ложе. Я увидела инструменты для резки и догадалась, что их изготовили из конечностей верблюда. Я побывала в комнате, которую окрестила музеем. Там хранится множество вещей, собранных за долгие годы, — их принесли «разведчики» из городов. Это были картинки из журналов, на которых изображены телевизоры, компьютеры, автомобили, танки, запуски ракет, игровые автоматы, знаменитые здания, представители различных рас, даже деликатесы в светящихся обертках.

Там находились также различные предметы: очки, бритва, пояс, молния, английские булавки, плоскогубцы, градусник, батарейки, несколько карандашей и ручек и несколько книжек.

В одной из комнат изготовлялось некое подобие ткани. Это племя торговало с соседними племенами шерстью, нитками, а иногда ковриками из коры деревьев. Здесь делали веревку. Я смотрела, как мужчина, сидевший на полу, взял несколько волокон в руки и скатал их на ноге. Потом он их стал скручивать, прибавляя все новые пряди, пока не получилась одна нить. Такие нити переплетали, и в зависимости от их числа получались веревки разной толщины. В подобные изделия вплетали также и волосы. Я не понимала тогда, что люди в этом племени прикрывали свои тела только потому, что осознавали, как мне будет трудно, если вообще возможно, принять полное телесное обнажение.

День был полон удивительных открытий. Ота сопровождал меня и объяснял что к чему. В глубоких гротах нужно было зажигать факелы, но во всех основных помещениях в каменном потолке были прорублены шахты, сквозь которые проникал свет — где тусклый, а где очень яркий. Эта пещера Истинного племени не является местом религиозного поклонения. На самом деле их жизнь, день за

днем, — это само по себе поклонение, как в словах, так и на деле. В этом священном месте они могут записывать свою историю, передавать истинные знания из поколения в поколение, хранить ценности. Это убежище от мыслей Искаженных.

Когда мы вернулись в главную палату, Оота протянул мне статуэтки из дерева и камня, чтобы я могла получше их разглядеть. Его широкие ноздри раздувались, когда он объяснял, что прически раскрывают личность статуи. Короткая стрижка символизирует мысли, память, принятие решений, чувства физического тела, удовольствие, боль, т. е. все, что я отнесла к сознательному и подсознательному в душе человека. Высокая прическа представляла наше творческое «я», которое способно подключиться к информационному полю Вселенной и творить еще не существующие предметы, получать некий опыт — может, в этой жизни, а может, и нет, воспринимать мудрость, накопленную всеми созданиями и всеми людьми, когда-либо жившими на Земле. Люди ищут информацию, но, кажется, не понимают, что мудрость также пытается выразить себя через них. Высокая прическа, кроме того, символизирует наше истинное совершенное «я», частицу вечности в каждом из нас, к которой мы обращаемся в тех случаях, когда хотим знать, будет ли действие, о котором помышляем, способствовать нашему высшему благу. Был еще и третий тип прически, которая осеняла выточенный лик фигурки и прикрывала спину. Это отражало связь всех трех планов: физического, эмоционального и духовного.

Большинство статуй было вырезано до мельчайших подробностей, но глаза одной статуи, как я с удивлением заметила, не имели зрачков. Она представляла собой безглазый, слепой символ.

— Вы считаете, что Божественное Единое — это тот, кто видит и судит людей, — сказал Оота. — А для нас Божественное Единое — это Тот, Кто чувствует намерения и движения души всех живых существ. Ему не так важно, что мы делаем, сколько то, почему мы это делаем.

Тот вечер был самым важным во всем моем путешествии. Тогда-то я и узнала, почему я там оказалась и чего ожидали от меня.

Племя стало готовиться к обряду. Я смотрела, как художники готовят краску на основе белой глины: два оттенка красно-охристой и одну лимонно-желтую. Создатель Инструментов сделал кисточки из коротких палочек длиной примерно пятнадцать сантиметров, расщепил их на конце и подравнял зубами. Люди были разрисованы замысловатыми узорами и изображениями животных. Они одели меня в костюм из перьев, в котором среди прочих были и мягкие, ванильного цвета перья страуса эму:

Мне предстояло изображать птицу кукабурру, большого австралийского зимородка. Моя роль в обрядовом спектакле была изображать птицу-посланницу, летящую во все края света. Кукабурра красивая птица, но она громко кричит, и многим кажется, что ее крик похож на крик осла. У кукабурры сильно стремление выжить. Это крупная птица, и, в общем, ее образ всем казался подходящим.

После того как завершились песни и танцы, мы образовали маленький круг. Нас было девятеро: Старейшина, Оота, Лекарь, Целительница, Хранительница Времени, Хранительница Памяти, Миротворец, Брат Птичьего Племена и я.

Старейшина сел напротив меня, скрестив ноги. Он наклонился вперед и посмотрел мне прямо в глаза. Кто-то за пределами круга передал ему каменный кубок, наполненный каким-то питьем. Он глотнул. Его взгляд, проникавший мне прямо в сердце, не дрогнул. Он передал кубок направо и заговорил:

— Мы, племя Истинных Людей Божественного Единого, покидаем планету Земля. В оставшееся время мы решили достичь высочайшего уровня духовной жизни: мы дали обет безбрачия, дабы укротить потребности тела. У нас больше не будет детей. Когда этот мир покинет самый младший из нас, уйдет последний из исконных представителей человечества. Мы — вечные существа. Во Вселенной есть много мест, где души, которые последуют за нами, смогут принять телесную форму. Мы — прямые потомки первых людей. Мы прошли все испытания от начала времен и выжили, никогда не отступая от изначальных ценностей и законов. Именно наше коллективное сознание не позволяло Земле погибнуть. Теперь нам дано разрешение уйти. Люди на Земле изменились, они отреклись от части души Земли. Мы уходим, чтобы воссоединиться с ней на Небе.

Ты была избрана как Искаженная-посланец, чтобы ты передала своим, что мы уходим. Мы оставляем вам Мать-Землю. Мы молимся о том, чтобы вы увидели, что ваш образ жизни губит воду, животных, загрязняет воздух, что вы губите друг друга. Мы молимся о том, чтобы вы нашли решение своих проблем и не уничтожили этот мир. Есть Искаженные, которые уже готовы восстановить дух истинных существ. Если вы соберете все свои силы, можно успеть остановить разрушение планеты — но мы больше не можем вам помочь. Наше время подошло к концу. Дожди идут все реже, жара усилилась, и уже осталось слишком мало животных и растений для пропитания. Мы больше не можем питать тела, чтобы в них обитали души, потому что здесь, в пустыне, скоро не останется ни воды, ни пищи.

В моей голове кружился вихрь мыслей. Теперь все становится на свои места. Они скрывались целые века, но вот открылись кому-то не из их числа, потому что им нужен посланник. Но почему именно я!

Теперь кубок с питьем был у меня в руках. Я глотнула. Вкус был жгучий, как у смеси виски с уксусом. Я передала кубок направо.

Старейшина продолжал:

— Теперь пора твоему телу и мыслям отдохнуть. Спи, сестра моя, завтра мы поговорим снова.

Огонь почти потух, светились лишь красные угольки. Жар поднимался к широким отверстиям в каменном потолке. Я не могла уснуть. Я сделала знак Миротворцу и спросила, можем ли мы поговорить. Он ответил, что да. Оота согласился переводить, и вот мы втроем завели глубокую, непростую беседу.

Миротворец, чье лицо было таким же старым, как и ландшафт, по которому мы путешествовали, сказал мне, что в начале времени, которое они зовут Время Замысла, вся Земля была соединена воедино. Божественное Единое создало свет, и первый рассвет изгнал вечную тьму. В пустоте было подвешено множество крутящихся сфер. Наша планета — одна из них. Она была плоской, на ней ничего не было. Ничто не покрывало голую поверхность. Все было тихо. Ни единого цветка, ни дуновения ветра. Ни птичьих трелей, ни иных звуков, была лишь глухая пустота. Тогда Божественное Единство передало свою мудрость сферам, каждой подарив особый дар. Сперва появилось сознание. Из него произошли вода, атмосфера, земля. Появились все временные формы жизни.

— В моем народе считают, что Искаженным трудно познать Бога, потому что они сильно привязаны к форме, — продолжал он, — мы верим, что у Единого нет ни размера, ни формы, ни веса. Единое — это бытие, творчество, чистота, любовь, бесконечная и безграничная энергия. Многие истории племени упоминают Радужную Змею, которая символизирует переплетающуюся волну энергии сознания и которая начинается как полнейший покой, меняет частоту и становится звуком, цветом и формой.

Я почувствовала, что Оота говорил не о сознании в состоянии бодрствования и не о бессознательном, а о некоем роде сознания Творца. Оно повсюду. Оно существует в скалах, в растениях, в животных и в людях. Были сотворены люди, но человеческое тело всего лишь приютило частицу вечности в каждом из нас. Другие вечные существа находятся в иных местах по всей Вселенной. В племени верят, что Божественное Единое сначала создало женщину и что мир появился через Его пение. Божественное Единое — это не человек. Это Бог — высшая, совершенно благая, любящая сила. Она создала мир своей

энергией.

Они верят, что люди были созданы по образу Божию, но не по физическому подобию, потому что Бог не имеет тела. Души были созданы по образу Божественного Единого, а это значит, они способны дарить чистую любовь, жить в мире, творить и заботиться о многом. Нам были даны свобода воли и эта планета, чтобы мы учились на ней владеть своими чувствами, которые сильно обострены во время пребывания души в человеческом теле.

Время Замысла, как мне сказали, имело три стадии. Первая — это время до начала времен. Затем было Время Замысла, когда появилась Земля, которая была еще безликой. Первые люди испытывали различные чувства, совершали всевозможные поступки и так обнаружили, что у них есть свобода воли и они могут сердиться, если пожелают, что они способны искать поводы для этого или создавать ситуации, порождающие злобу. Тревога, жадность, похоть, ложь и жажда власти — это не те чувства, которые надо развивать и на которые тратить жизнь. Поэтому ранние люди исчезли, и на их месте появились массивы скал, водопады, утесы и т. п. Они до сих пор существуют в мире, и это места для размышлений — к ним приходят те, у кого хватает мудрости, чтобы учиться у них. Сознание сформировало материальный мир. Третья стадия Времени Замысла — наше время. Замысел еще продолжается; Божественное сознание все еще творит мир.

Это одна из причин, по которой они верят, что собственность на землю противоречит Божественному замыслу. Земля принадлежит всем и каждому. Истинным Людям надлежит жить в согласии и делиться друг с другом. Владение — это крайность, оно позволяет одному человеку потакать собственным желанием и ущемляет права остальных. До прихода британцев никто в Австралии не был без земли.

Племя полагает, что первые земные люди появились в Австралии, когда вся земля была единым континентом. Ученые называют единый земной массив, который существовал 180 миллионов лет назад, Пангеей; он потом раскололся на Лавразию, включавшую в себя нынешние северные континенты, и Гондвану, которая потом распалась на Австралию, Антарктиду, Индию, Африку и Южную Америку. Индия и Африка стали дрейфовать в разные стороны 65 миллионов лет назад, на юг отошла Антарктида, потом отделились Австралия и Южная Америка.

Согласно преданиям племени, в самом начале истории человечества люди стали исследовать Землю и уходили все дальше и дальше. Они попадали в новые обстоятельства и вместо того, чтобы полагаться

на основные заповеди, использовали в целях выживания агрессивные эмоции и поступки. Чем дальше они уходили, тем больше менялись их верования, тем больше менялась система ценностей, так что в конце концов даже их внешний вид изменился, в более холодном северном климате кожа и волосы осветились.

Они не презирают никого из-за цвета кожи, но верят, что все мы вначале были одного цвета, а теперь возвращаемся к единому, сходному цвету.

Они считают, что Искаженных отличают особые черты. Прежде всего, Искаженные уже не живут в природной среде. Многие из них умирают, так и не узнав, как это возможно — находиться под дождем без одежды. Большую часть времени они проводят в зданиях с искусственным отоплением и охлаждением и при средней температуре воздуха могут получить на улице солнечный удар.

Во-вторых, у Искаженных уже не та пищеварительная система, что у Истинных Людей. Им нужно опрыскивать, обрабатывать и консервировать пищу. Они едят все больше искусственной пищи. У некоторых возникает аллергия на естественные продукты питания и на пыльцу в воздухе. У Искаженных есть дети, которые не переваривают даже молоко собственных матерей.

Искаженные многого не понимают, потому что измеряют время собственными мерками. Они не признают, что есть какое-то другое время, кроме дня сегодняшнего, и сеют разрушение, не думая о дне завтрашнем.

Но самое главное отличие между тем, какими люди были вначале, и тем, какими стали теперь, состоит в том, что у Искаженных в сердцах живет страх. У Истинных Людей нет страха. Пришельцы запугивают своих детей. Им нужны ограничивающий свободу закон и тюрьмы. Даже в основе системы безопасности государств — угроза применения военной силы. Согласно мнению племени, страх — это эмоция царства животных. Там он играет важную роль для выживания. Но если люди знают о Божественном Едином и понимают, что Вселенная не есть игра слепого случая, что в ней все происходит по замыслу, то в них нет страха. В человеке живет либо вера, либо страх, не бывает так, чтобы было и то и другое. Обладание имуществом, полагают они, порождает страх. Чем больше человек имеет, тем больше ему надо бояться. В конце концов он начинает жить ради вещей.

Истинным Людям было удивительно наблюдать, как миссионеры учат своих детей складывать ладонки и две минуты воздавать благодарение перед едой. Истинные Люди просыпаются и воздают благодарение! Они весь день ничего не принимают без благодарности. Если миссионеры должны

учить собственных детей благодарности, т. е. тому, что от природы дано всем людям, — выходит самим миссионерам следует очень серьезно приглядеться к своему обществу. Может, им самим нужна помощь в первую очередь.

Люди племени также не в состоянии понять, почему миссионеры запрещают отдавать должное земле. Все знают, что чем меньше ты берешь от земли, тем меньше ты должен вернуть. Истинное племя не считает варварским обычай платить долг или выражать благодарность земле, проливая несколько капель своей крови на песок. Кроме того, они верят, что надо с почтением относиться к личному желанию человека, который хочет прекратить питаться, остаться в пустыне в одиночестве и закончить свой земной путь. Они не верят, что умирать от болезни или несчастного случая — это естественно. В конце концов, говорят они, нельзя на самом деле убить что-то вечное. Не ты создал, значит, ты не можешь это уничтожить. Они верят в свободную волю: по своей воле душа решает прийти в этот мир, разве не может она так же свободно вернуться домой? Такой выбор не есть решение личностного «я», принятого в проявленном мире. Это решается на уровне вечности, и выбор делается всевидящим «я».

Они уверены, что решение покинуть сферу человеческого опыта в результате свободного выбора естественно. В возрасте 120 или 130 лет, когда человек чувствует, что в нем с особой силой заговорил зов вечности, он спрашивает у Божественного Единого, будет ли это высшим благом, и если так, то все устраивают праздник в честь его жизни.

Истинные Люди на протяжении столетий всем новорожденным говорили одну и ту же фразу. Каждый человек слышал одни и те же слова: «Мы тебя любим и поддержим на твоём пути». На последнем празднике все обнимают этого человека и повторяют снова эту фразу. Уходя, он слышит все те же слова, которые слышал, приходя в этот мир! Потом уходящий человек садится на песок и отключает жизненные системы организма. Через две минуты он уходит. Нет ни печали, ни траура. Люди племени согласились обучить меня технике перехода с человеческого плана на невидимый, когда я буду готова нести ответственность за получение этой информации.

Слово Искаженный, похоже, отражает мысли в голове и желания в сердце человека, а вовсе не цвет кожи — это отношение к жизни! Искаженный — тот, кто отрекся от древней памяти и вселенских истин или утратил связь с ними.

Наконец нам пришлось завершить беседу. Было уже поздно, и мы все страшно устали. Вчера эта пещера пустовала, сегодня же в ней кипела жизнь. В моем мозгу еще вчера хранились знания, полученные за годы учебы, но сегодня мозг, как губка, поглощал иную и более важную мудрость. Их образ жизни был таким не похожим на наш, таким осмысленным, что мне сложно было охватить все сразу. Когда мои мысли все же остановились, я преисполнилась благодарности и погрузилась в умиротворенное ощущение пустоты.

24. Архивы

На следующее утро мне было позволено войти в туннель, который они называют Хранилищем Времени. Они расположили камни таким образом, чтобы лучи солнца могли проникать туда через люк. Лишь один раз в год солнце светит прямо в этот туннель. В такой день они знают, что со времени последней записи прошел ровно год. Тогда устраивают большой праздник в честь двух женщин, которых зовут Хранительницей Времени и Хранительницей Памяти. Две хранительницы исполняют на этом празднике свой ежегодный ритуал. Они создают настенную роспись, отражающую все значительные события истекших времен года — у аборигенов их шесть. С указанием дня, времени года и времени по солнцу и луне записываются все рождения и смерти, а также другие важные наблюдения. Я насчитала более 160 подобных рельефов и рисунков. Так я определила, что самому младшему члену племени тринадцать лет и что среди нас было четыре человека старше девяноста лет.

Я и не предполагала, что австралийское правительство проводило ядерные испытания до тех пор, пока не увидела соответствующую запись на стене пещеры. Военные, наверное, и не подозревали, что рядом с полигоном находились какие-то люди. Также есть запись о бомбардировке порта Дарвин японскими войсками. Не используя ни карандаша, ни бумаги, Хранительница Времени знала каждое важное событие и записывала их в правильной последовательности. Когда Хранительница Времени рассказывала, как она отражает разные события в резьбе по камню и в рисунках, ее лицо выражало восторг, а глаза были словно глазами ребенка, который только что получил очень дорогой для него подарок. Обе эти женщины были в преклонном возрасте. Поразительно все-таки: в нашем мире так много пожилых людей, которые все забывают, постепенно отключаются от жизни, на них нельзя положиться, они дряхлеют, а здесь, в этом мире, по мере того как люди становятся старше, они делают-

ся мудрее, к ним относятся с уважением и ценят их советы. Они — столпы силы и пример для других.

Я отсчитала даты в обратном направлении и нашла рельеф на стене, который отражал год моего рождения. В день, который соответствовал 29 сентября по нашему календарю, ранним утром кто-то родился. Я спросила, кто тот человек. Мне ответили: Царственный Черный Лебедь, который теперь известен как Старейшина Племени.

Я каким-то образом все же устояла на ногах и не упала от удивления, хотя запросто могла бы. Какова вероятность встретиться с кем-то, кто родился в тот же самый день, год, час, на противоположной стороне Земли, и чтобы тебе все это предрекли заранее? Я сказала Ооте, что хочу с глазу на глаз поговорить с Царственным Черным Лебедем. Он устроил нашу встречу.

Много лет назад Черному Лебедею рассказали, что у него есть духовный партнер, который обитает в облике человека в Северном полушарии среди Искаженных. В юности он хотел податься в город, чтобы найти этого человека, но ему сказали, что нельзя нарушать соглашение, по которому они должны дать друг другу минимум пятьдесят лет, чтобы в них укрепились те ценности, которые следует уважать.

Мы сравнили обстоятельства нашего рождения. Жизнь Черного Лебедея началась, когда его мать в одиночку совершила путешествие к особому месту, вырыла руками ямку в песке и выложила ее мягкой шкурой редчайшего белого коалы. Моя жизнь началась в белой, стерильной больнице в Айове — и моя мама проделала большой путь из Чикаго в тот роддом, который выбрала сама. Его отец путешествовал и был за много-много миль от того места, где разрешилась от бремени его жена. И мой отец тоже. В своей жизни Черный Лебедь менял имя несколько раз. И я тоже. Он изложил мне обстоятельства каждой перемены. Редкий белый коала, появившийся на пути его матери, был знаком, что ребенку, которого она носит, суждено стать вождем. Он понял на собственном опыте, что австралийские черные лебеди — его братья и позднее сочел слово «лебедь» с украшающим словом, которое для меня перевели как «царственный». Я поведала ему об обстоятельствах, при которых изменялось мое имя.

Не так уж важно, была ли связь между нами фактом или мифом. Но в тот момент мы ощутили, что связаны в этой жизни. Мы долго беседовали по душам.

Многое относилось к личным вопросам, и передавать все это здесь было бы неуместно, но чувствую, что должна рассказать о самом важном.

Царственный Черный Лебедь сообщил мне, что в нашем мире у каждой личности есть пара. Во всем присутствуют как бы два полюса. Я и раньше понимала существование крайностей: плохое — хорошее,

свобода — рабство, покорность — бунт. Но все на самом деле не так. Мир не является черно-белым, он состоит из оттенков. И самое главное, узоры движутся, цвета изменяются и возвращаются к первоисточнику. Я пошутила в ответ, заметив, что лет нам уже немало, но мне теперь понадобится еще пятьдесят, чтобы во всем этом разобраться.

Потом, в тот же день, в туннеле Хранилища Времени я узнала, что аборигены — первые изобретатели краски-распылителя. Поскольку их глубоко волнует состояние окружающей среды, они не используют токсичных химических веществ; они отказались идти в ногу со временем, поэтому так же, как работали тысячу лет назад, они предпочитают работать и теперь. При помощи пальцев и кисточек из волос животных они изобразили на стене темно-красное панно. Через несколько часов все высохло, и меня научили получать белую краску, смешивая меловую глину, воду и жир ящерицы. Плоским кусочком коры мы растерли смесь. Добившись нужной консистенции, сложили кору желобком, и я налила краску себе в рот. На языке она ощущалась очень странно, но вкуса у нее почти не было. Потом я положила руку на красную стену и начала выдувать краску вокруг пальцев. Наконец, я подняла свою заляпанную руку, и на священной стене осталась отметка Пришельца. Мне не могли бы оказать большую честь, даже если мой портрет был бы нанесен на потолке Сикстинской капеллы.

Целый день я изучала настенные рисунки. Там были записи о правителе Англии; о появлении бумажных денег; о том, когда люди племени впервые увидели автомобиль, самолет, сперва легкий, потом реактивный, когда заметили спутники в небе над Австралией; были записи о затмениях, даже о появлении некоего объекта, похожего на летающую тарелку, а Искаженные в нем были куда более искаженными, чем я! Мне рассказали, что некоторые из этих событий наблюдали предыдущие Хранители Времени и Хранители Памяти, а о других поведали те, кого посылали в цивилизованные области.

Раньше они отправляли туда молодых, но потом поняли, что для юношей эта задача слишком сложна. Молодежь легко соблазнялась перспективой иметь машину, есть мороженое каждый день и наслаждаться всеми чудесами индустриального мира. Люди постарше крепче стоят на земле, они чувствуют притяжение этого магнита, но не поддаются ему. Однако в племени никого не удерживали силой. Время от времени потерянный брат возвращался. Искаженные забрали Ооту у матери, едва он родился, что в прошлом было не только обычным делом, но и законным. Дабы обратить язычников и спасти их души, детей помещали в особые заведения и запрещали изучать родной язык и совершать какие бы то ни было священные обряды. Ооту воспитывали в городе, пока ему не исполнилось 16 лет,

а потом он сбежал, чтобы найти свою родню.

Мы все смеялись, когда Оота рассказывал, как правительство иногда организовывало жилье для аборигенов, а те спали во дворе, в домах же складировали имущество. Это привело к разговору о том, как они определяют понятие «дар». В племени считается, что дар только тогда является таковым, когда ты вручаешь человеку нечто, что ему хочется. А если даешь ему то, что ты сам хочешь, чтобы он имел, это уже не дар. Если ты даришь, не должно быть никаких «если». Нужно дарить без всяких условий. Люди, получающие дар, имеют право делать с ним что угодно: использовать его, разрушить его, отдать его и т. д. Он теперь принадлежит им полностью, и даритель ничего не ждет в ответ. Если все эти условия не выполнены, то это уже не дар, а что-то другое. Мне пришлось согласиться, что подарки от государства и, к сожалению, то, что мое общество посчитало бы даром, этими людьми оценивалось совершенно иначе. Но я также вспомнила некоторых людей у себя на Родине, которые совершали настоящие дары, сами не понимая этого. Они могли оказать поддержку, подбодрить, развеселить, они могли быть верными друзьями, опорой для слабых.

Мудрость этих людей бесконечно изумляла меня. Если бы только они стали лидерами мира, как бы сильно изменилось наше отношение друг к другу!

25. Поручение

На следующий день мне было позволено войти в самый секретный зал в подземном тайнике. Это самое священное место, и споры велись в основном о том, можно ли меня допускать туда. Мы с факелами в руках вошли в комнату со стенами, инкрустированными опалом. Свет от факелов отражался от стен, пола и потолка, и, пожалуй, более прекрасных оттенков радуги я прежде не видела. Мне казалось, что я стояла внутри кристалла, а вокруг плясали разноцветные блики: подо мной, надо мной, со всех сторон. В эту комнату люди специально уходили, чтобы поговорить с Божественным Единым, посвятив себя тому, что мы могли бы назвать медитацией. Они объяснили разницу между молитвой Искаженных и способом общения Истинных Людей: для нас разговор с миром духа — это словесные формулы, а для них нечто противоположное. Они слушают. Они освобождают ум от мыслей и ждут, когда им что-то будет сказано. Логика простая: «Нельзя услышать голос Единого, если ты сам много болтаешь».

В этой комнате состоялось множество свадебных обрядов и множество имен было официально изменено. Зачастую именно это место старейшие в племени желали посетить перед смертью. В прошлом, когда только эта раса жила на континенте, разные кланы хоронили усопших по-своему. Некоторые — в виде мумий, вырубая могилы в скалах. Внутри Айерс-Рок когда-то было много захоронений, но сейчас, конечно, ничего не сохранилось. Этот народ не видит необходимости почитать тело, когда души в нем уже нет, поэтому его часто хоронят в мелкой песчаной яме. Люди племени верят, что оно должно в конце концов вернуться в почву и обратиться в те элементы, из которых было создано, — как и все во Вселенной. В наше время некоторые коренные жители просят, чтобы их просто оставляли в пустыне, чтобы их тела стали пищей для животных, ведь и те отдавали себя в пищу. Большое отличие, насколько я могу понять, состоит в том, что Истинные Люди знают, куда они уходят, а большинство Искаженных нет. Если ты это знаешь, то уходишь с миром и верой в душе, а если не знаешь, то тебя мучат мысли о смерти.

В отделанной драгоценными камнями палате также происходит особый процесс обучения. В этом «классе» учат искусству исчезновения. Давно ходят слухи, что аборигены умеют исчезать, растворяться в воздухе, когда возникает опасность. Многие из коренных жителей, живущих в городах, говорят, что все это выдумки, что аборигены не способны ни на что сверхъестественное. Но они не правы. Искусство создавать иллюзию здесь, в пустыне, представлено на мастерском уровне. Истинные Люди умеют также создавать иллюзию множественности. Один человек может показаться десятью или пятьюдесятью. Это искусство — их оружие в борьбе за выживание. Они используют страх, живущий в других расах. Им нет нужды метать копья. Они всего лишь создают иллюзию толпы, и горстка врагов с криками убегает, а потом распускаются слухи о демонах и колдовстве.

Мы провели в святилище всего несколько дней. В последний день племя исполнило обряд в священной комнате, назначив меня посланницей. Они совершили особый ритуал, чтобы обеспечить мне защиту в будущем. Ритуал начался с умащения моей головы. Затем ободок из серебристо-серого меха коалы с полированным опалом, приклеенным при помощи смолы, был помещен над моим лбом. На все мое тело, в том числе и лицо, были прикреплены клеем перья. Все также облачились в костюмы из перьев. Это был чудесный праздник, в котором звучали «поющие ветры», приводимые в действие веерами из перьев и камыша. Звуки были бесподобны, не хуже чем в самых прекрасных соборах мира. Они играли на глиняных дудках и коротких деревянных инструментах, по звучанию напоминавших

флейты.

Я поняла тогда, что стала по-настоящему одной из них. Я прошла все испытания, через которые они меня провели, хотя никто не говорил заранее, что меня испытывают, да я и не знала, какой в этом смысл. Я стояла в центре круга, и слушала старинные, чистые звуки музыки и пения. И была глубоко тронута всем происходящим.

На следующее утро лишь малая часть нашего отряда покинула жилище, чтобы сопровождать меня в дальнейшем путешествии. Куда? Я не знала.

26. С днем перерождения!

Во время нашего путешествия было два случая, которые мы отпраздновали, воздав честь чьему-то таланту. Каждого члена племени чувствуют особым праздником, но он никак не связан с возрастом или датой рождения — человека чувствуют за его уникальность и вклад в жизнь. Они верят, у времени есть своя цель: позволить человеку стать лучше, мудрее, выразить полнее свою личность. Так что если ты в этом году стал лучше, чем в прошлом, и даже если ты один знаешь это наверняка, то собираешь людей на свой праздник. Когда ты говоришь, что готов, все уважают это.

Один из праздников был в честь женщины, чьим главным талантом было умение слушать. Ее имя было Хранительница Секретов. Не важно, о чем люди хотели поговорить: излить душу, исповедаться или выпустить пар — она всегда была рядом. Она считала беседы частным делом, не давала советов, но и не судила. Она держала человека за руку, или он склонял голову к ней на колени, а она просто слушала. Казалось, Хранительница Секретов как-то помогает людям находить собственные решения, идти по тому пути, который указывает им сердце.

Я подумала о людях в Соединенных Штатах: сколько молодых людей не знает куда податься, не имеет цели; сколько бездомных думают, что ничего не способны дать обществу; сколько людей, зависимых от наркотиков или алкоголя, стремятся жить в какой-то другой реальности, а не в той, в которой мы все находимся. Мне стало жаль, что я не могу привести их сюда, чтобы они сами увидели, как мало порой нужно, чтобы принести пользу своим ближним, и как чудесно испытывать чувство того, что ты исполняешь свое предназначение.

Эта женщина знала, в чем ее сильные стороны, и все остальные знали это. Хранительница Секретов сидела на празднике на некотором возвышении, мы же разместились вокруг. Она попросила, чтобы Вселенная, если это возможно, подарила нам яркую пищу. И в тот вечер мы как раз набрали на ягоды и виноград.

За несколько дней до этого мы видели вдалеке стену дождя, и в теплых бассейнах с водой развелось множество головастиков. Мы их раскладывали на горячих камнях, и, когда они подсушивались, получалась очень необычная пища — я даже не предполагала, что такая бывает. В меню нашего праздника также входило какое-то непривлекательное, прыгающее по грязи существо.

На празднике звучала музыка. Я научила племя танцевать тexasский одиночный танец — «Одноглазый Джо», который пришлось слегка переделать — мы стали плясать его под стук барабанов, и под конец все развеселились. Потом я рассказала, что Искаженные любят танцевать с партнерами, и попросила Царственного Черного Лебедя потанцевать со мной. Вскоре все тихонько напевали без слов и вальсировали под австралийским небом. Я даже показала им, как танцевать кадрили. Умница, Оота чудно справился с ролью зазывалы. В тот вечер все решили, что, поскольку искусство исцеления в своем обществе я уже освоила в совершенстве, мне следует заняться музыкой!

В тот день я, как полноправный член племени, получила новое имя.

Они считали, что у меня есть несколько талантов и что я способна любить их и принимать их взгляды на жизнь, не забывая при этом своих корней, поэтому они назвали меня Два Сердца.

На празднике Хранительницы Секретов разные люди по очереди говорили, как хорошо, что она есть в племени, и как важна ее работа для каждого. Она скромно сияла от удовольствия и принимала похвалу с достоинством королевы.

Вечер был отличный. Засыпая, я сказала «спасибо» Вселенной за такой замечательный день.

Если бы у меня в самом начале путешествия был выбор, то я не согласилась бы пойти с этими людьми. Если бы в меню было блюдо из головастиков, я ни за что не заказала бы его на обед; но все-таки я подумала о том, как пусты порой бывают некоторые наши праздники и как чудесно я провела время сегодня.

27. Вымыта начисто

Земля впереди была разъедена эрозией. Овраги глубиной в три метра пересекали наш путь. Вдруг небо потемнело. Над нами нависли грозовые тучи, огромные клубы в небе накатывали друг на друга. Молния угодила в землю в каком-то метре от нас. За ней последовал оглушительный удар грома. Небо мерцало от вспышек молний. Все побежали прятаться в разных направлениях, но никто не нашел убежища. Земля в этом краю была не такая уж безжизненная. Здесь росли кустарники, несколько отдельно стоящих карликовых деревьев и какая-то колкая трава.

Мы видели, как ветер гонит тучи и дождь к земле. Я слышала вдалеке звуки, похожие на гул приближающегося поезда. Земля дрожала под ногами. Гигантские капли воды упали с неба. Ударила молния, и раскаты грома были просто оглушительными; мои нервы забили тревогу. Я мгновенно нащупала ремень на поясе. На нем висела фляга с водой и особая сумка, сделанная из кожи ящерицы, которую Целительница наполнила множеством трав, масел и порошков. Она подробно объяснила мне тогда, откуда что взялось и каково их назначение, но я поняла, что ее способ лечения на самом деле нужно было бы изучать так же долго, как учатся медицине у нас в Америке, — шесть лет, чтобы стать доктором медицины, или хирургом, или получить диплом по офтальмологии. Я пощупала узел, чтобы удостовериться, что он тугой.

Сквозь шум и грохот я услышала еще какой-то непонятный звук, очень мощный, новый, незнакомый. Оота прокричал:

— Цепляйся за дерево! Держись крепче!

Рядом никого не было. Я взглянула вверх и увидела, как что-то высокое, черное, метров девять шириной стремительно катит по пустыне! Оно настигло меня, прежде чем я успела что-либо сообразить. Стена пенной, крутящейся воды накрыла меня с головой. Меня крутило и мотало в потоке. Я пыталась ухватить ртом воздух. Руки старались уцепиться хотя бы за что-нибудь. Я не понимала, где верх, где низ. Мокрая тяжелая грязь набилась мне в уши. Тело крутилось и вертелось. Я остановилась, наткнувшись боком на что-то очень твердое. Меня прижало и несколько раз обернуло вокруг куста. Вытянув шею как можно выше, я попыталась сделать вдох. Я задыхалась. Надо было немедленно вдохнуть! Я еще барахталась под водой, но сил больше не было. Ужас, который я переживала, не поддается описанию. Казалось, надо покориться силам, природа которых была выше моего понимания. Я уже была готова захлебнуться, но неожиданно вдохнула воздух, а не воду. Невозможно было открыть глаза, до такой степени мое лицо залепила грязь. Колючая ветка вонзилась мне в бок, а поток воды

пригибал тело к земле.

Все началось так внезапно и так же быстро закончилось. Волна прокатилась и постепенно стала спадать. Я ощутила крупные капли дождя на коже и подставила лицо дождю, чтобы смыть с него грязь. Я постаралась выпрямиться и почувствовала, что съезжаю куда-то вниз. Наконец-то можно было открыть глаза. Оглядываясь по сторонам, я увидела, что мои ноги висят в полутора метрах над землей. Я начала спускаться и, дойдя до середины склона оврага, услышала голоса других людей. Я не могла взобраться наверх, поэтому спрыгнула вниз. Коленям досталось особенно сильно. Шатаюсь, я побрела по дну оврага, но поняла, что голоса звучат с другой стороны, развернулась и пошла туда.

Вскоре мы все снова были вместе. Никто серьезно не пострадал. Пропала наша поклажа, в том числе спальные шкуры, мой пояс и весь ценный груз. Мы стояли под дождем, и комья грязи с наших тел возвращались к Матери-Земле. Один за другим люди снимали с себя все, смывали со складок грязь и оставались нагишом. Я тоже сняла одежду. Потеряв свою ленту для волос в подводном кордебалете, я провела руками по своей всклокоченной и спутанной гриве. Должно быть, выглядело это забавно, потому что все пришли мне на помощь. В одежде, которую мы разложили на земле, собралась дождевая вода. Мне жестами велели сесть, и, когда я села, они принялись лить воду мне на волосы и разделять их на пряди.

Когда дождь прекратился, мы оделись.

Одежда высохла быстро, и мы просто стряхнули с нее песок. Горячий воздух, казалось, высасывал влагу, растягивая мою кожу, как холст на мольберте. Тогда мне сказали, что люди в племени предпочитают вообще не носить одежды при сильной жаре, но решили, что в эмоциональном плане я буду чувствовать себя весьма неуютно, и поэтому, как хозяева, последовали моим предпочтениям.

По-настоящему удивительным в этом эпизоде было то, что стресс длился совсем недолго. Мы потеряли все вещи до единой, но вскоре уже смеялись. Я должна была признать, что чувствовала себя да и выглядела лучше после такого внезапного душа. Этот ураган потряс меня, заставив осознать, до чего же огромны силы природы, как и моя страсть жить. Соприкосновение со смертью также разбило в пух и прах мою убежденность в том, что обстоятельства внутри меня или снаружи являются причинами радости или отчаяния. В буквальном смысле все, кроме наших набедренных повязок, было унесено потоком. Даже маленькие сувениры, которые я собиралась увезти в США и отдать внукам, — все погибло. Выбор был таков: либо жаловаться на судьбу, либо принять все как есть. Был ли это честный

обмен — отдать мою материальную собственность за неожиданный урок, смысл которого — не привязываться ни к чему? Мне сказали, что, скорее всего, мне позволили бы сохранить маленькие символические подарки, которые унесло течением, но, видимо, с точки зрения энергии Божественного Единства я все еще была слишком привязана к ним и придавала им большое значение. Научилась ли я наконец ценить сам опыт, а не вещь?

В тот вечер они вырыли в земле небольшую яму. В ней развели огонь, куда положили несколько камней, так что они вскоре стали очень горячими. Когда огонь потух и остались только камни, туда добавили мокрые веточки, а потом толстые корешки, овощи и сухую траву. Сверху насыпали немного песка. Пришлось дожидаться, когда все приготовится, — вариант духовки, и не хуже, чем в плите «Дженерал Электрик». Час спустя мы откопали еду и с благодарностью съели эту чудесную пищу.

Засыпая той ночью уже без привычной шкуры динго, я вспомнила знаменитую молитву анонимных алкоголиков: «Господи, дай мне силы принять то, что я не могу изменить, мужество изменить, что могу, и мудрость отличить одно от другого».

28. Крещение

После ливневых дождей откуда ни возьмись появились цветы. Блеклый пейзаж сменился цветастым ковром. Мы шли по цветам, мы ели их, украшали себя гирляндами из цветов. Было сказочно красиво!

Мы приближались к побережью, пустыня отступала. С каждым днем растительность становилась все пышнее. Повсюду росли высокие деревья. Еды было в избытке: новые разновидности семян, проростки, орехи, дикие плоды. Один из нас сделал маленькую зарубку на дереве. Мы приставили к ней наши новые фляги, и они наполнились соком. Впервые за долгое время представилась возможность наловить рыбы. Запах копченой рыбки до сих пор остался драгоценным воспоминанием. Везде в изобилии имелись яйца птиц и рептилий.

Однажды мы подошли к чудесному бассейну в дикой местности. Весь день меня обещали удивить, и, конечно, это был настоящий сюрприз. Вода в глубоком бассейне была холодной. Он располагался в каменной чаше, через которую протекал ручей, почти как в джунглях, окружало множество деревьев. Я была в восторге, и мои спутники знали, что я так обрадуюсь. Бассейн был достаточно большим, чтобы вдоволь наплавать, так что я спросила разрешения, но мне велели подождать. Разрешение будет

дано или не дано обитателями этой территории. Племя совершило обряд, испрашивая позволения войти в бассейн. Пока люди пели, на поверхности воды показалась рябь: волны шли к противоположному от нас берегу. Затем появилась длинная, плоская голова, а за ней неказистое туловище двухметрового крокодила. Я даже забыла об их существовании! На поверхность вызвали еще одного, затем оба крокодила выползли из воды и направились в окружающие заросли. Когда мне сказали: «Теперь ты можешь плавать», мой первоначальный энтузиазм слегка поостыл.

«А вы уверены, что все крокодилы вышли?» — спросила я мысленно.

Как они могли знать наверняка, что их там было только двое? Чтобы убедить меня в этом, они взяли длинную ветку и потыкали ею дно. Больше никто оттуда не выплыл. Тогда поставили дозорного, чтобы он предупредил, если крокодилы вернуться, и мы вошли в бассейн. Как замечательно было поплескаться в воде и поплавать! В кои-то веки полностью расслабилась спина.

Как бы странно это ни звучало, но каким-то образом мое бесстрашное погружение в крокодилье озеро было как бы еще одним крещением в моей жизни. Я не нашла другой религии в своем путешествии, но обрела новую веру.

Мы не стали разбивать лагерь возле того озера и продолжили путь.

Позже увидели еще одного крокодила, но на этот раз он был гораздо меньше и появился так, что я уже поняла: он хочет подарить нам свою жизнь, став нашим обедом. Вообще-то Истинные Люди неохотно едят крокодилье мясо. Они считают, что у рептилий агрессивное и хитрое поведение. Вибрации такого мяса могут войти в резонанс с персональными вибрациями, и человеку будет сложнее проявлять миролюбие и не прибегать к жестокости. Мы испекли крокодилье яйца — вкус был жутким. Однако когда ты просишь Вселенную обеспечить обед, то принимаешь с благодарностью все, что тебе предлагают. Ты просто знаешь, что гармония мира не нарушается, так что всего лишь двигаешься в потоке, глотаешь любой кусок и не требуешь добавки.

Путешествуя вдоль ручья, мы обнаружили множество змей. Их взяли с собой живыми, дабы у нас на обед было свежее мясо. Когда мы разбивали лагерь, я наблюдала, как некоторые, крепко ухватив змею, совали шипящую голову себе в рот. Схватив крепко зубами змеиную голову, они рывком мгновенно и безболезненно умерщвляли ее, благодаря за отданную жизнь. Они твердо верили, что Божественное Единое не уготавливало страданий никакому из живых существ, за исключением тех, которые были готовы их на себя принять. В равной степени это относится как к людям, так и к животным. Когда змей

закоптели, я сидела и с улыбкой вспоминала своего старого друга, доктора Карла Кливленда. Он много лет учил своих студентов, как надо расслаблять суставы и как добиваться точности в движениях. Когда-нибудь, подумала я, надо будет рассказать ему обо всем, что здесь происходило.

«Не должно быть страданий ни для кого, за исключением тех страданий, которые принимают добровольно».

Над этой мыслью стоило задуматься. Жена духа объяснила, что каждая отдельная душа на высшем уровне бытия может решать и порой решает родиться в несовершенном теле; таким образом, ей удастся научить чему-то тех людей, с которыми она соприкоснется, и повлиять на их жизнь. Жена духа сказала, что члены племени, которые в прошлом умерли насильственной смертью, решили еще до своего рождения жить наполненной жизнью, но в какой-то момент времени разделить испытания, связанные с другой душой, чтобы она просветилась. Этих людей убивали с их согласия на высшем уровне, и это лишь доказывало, как истинно было их понимание вечности. Это означало, что убийца не прошел испытание и его будут испытывать в будущем снова. Все болезни и проблемы, как они полагают, связаны с духовной сферой и служат ступеньками к осознанию, если только Искаженные смогут открыться и прислушаться к своим телам, чтобы узнать, что происходит в них на самом деле.

Той ночью в черной и безликой пустыне я услышала, как оживает мир, и осознала, что наконец преодолела свой страх. Возможно, в начале своего пребывания в племени я была нерадивым учеником из урбанизированного общества. Но теперь я радовалась, что получаю этот бесценный опыт на краю света, где есть только земля, небо и древняя жизнь, где существуют испокон веков чешуя, клыки и когти, но все же есть бесстрашные люди, которые смогли это превзойти.

Я чувствовала, что готова уже взглянуть в лицо той жизни, которую, очевидно, была избрана унаследовать.

29. Лети, птица

Мы взбирались все выше и разбили лагерь на гораздо большей высоте, чем накануне. Воздух был свежим и бодрящим. Мне сказали, что океан уже близко, хотя его еще не видно.

Было раннее утро. Солнце пока не поднялось, но многие в племени уже проснулись. Они развели огонь, хотя вообще огонь по утрам разводили очень редко. Я подняла голову и заметила, что надо мной

на дереве устроился сокол.

Состоялся обычный утренний ритуал, и Царственный Черный Лебедь взял меня за руку и подвел поближе к огню. Оота сказал мне, что Старейшина желает дать особое благословение. Все собрались вокруг меня, я стояла в центре круга людей, которые протянули ко мне руки. Все закрыли глаза, подняв лица к небу. Царственный Черный Лебедь обратился к небесам. Оота передавал мне его слова:

— Приветствую Тебя, Божественное Единое! Мы стоим тут перед Тобой, с нами находится Искаженная. Много путей мы исходили вместе с ней и знаем, что еще осталась в ней искра Твоего совершенства. Мы прикоснулись к ней и изменили ее, хотя трансформировать Искаженного очень сложная задача.

Ты видишь, что ее странная бледная кожа темнеет, становясь все более естественной, прекрасные темные волосы вырастают на смену белым волосам, хотя нам до сих пор не удалось повлиять на странный цвет ее глаз.

Мы многому научили Пришельца и многому научились от нее.

Кажется, у Искаженных в жизни есть то, что они зовут «сок». Они знают истину, но эта истина похоронена под толстым слоем подливок и приправ, или условностей, материализма, неуверенности в будущем, страха. Еще в их жизни есть нечто, называемое глазурью; почти каждую минуту они тратят на что-то поверхностное, искусственное, приятное на вкус и на вид, и лишь несколько мгновений своей жизни они посвящают развитию своей вечной сущности.

Мы избрали эту Искаженную, и мы отпускаем ее, как птицу, которую родители выталкивают из гнезда, чтобы она полетела далеко и возвестила громко, как кукабурра, всем, кто слушает, что мы уходим.

Мы не осуждаем Искаженных. Мы молимся за них и отпускаем их, как отпускаем самих себя.

Мы молимся, чтобы они пригляделись к своим поступкам и системе ценностей и чтобы уяснили, пока еще не поздно, что вся жизнь — единое целое.

Мы молимся, чтобы они перестали губить землю и друг друга.

Мы молимся, чтобы нашлось достаточно Искаженных, готовых стать настоящими и все изменить.

Мы молимся, чтобы мир Искаженных услышал нас и принял нашу посланницу.

Конец послания.

Жена духа прошла со мной некоторое расстояние и, когда солнце возвестило рассвет, показала мне на город, лежащий внизу. Пора было возвращаться в цивилизацию. Ее морщинистое, темнокожее

лицо и пронизательные черные глаза смотрели туда, за край утеса. Она сказала что-то на своем родном языке, указывая на город вдали, и я поняла, что этим утром пришла пора расставаться — племени со мной, а мне с моими учителями. Насколько хорошо я усвоила их уроки? Как ни странно, меня больше всего беспокоило то, как я донесу до людей их послание, нежели то, как я вернусь в австралийское общество.

Мы с ней вернулись к племени, и каждый попрощался со мной. Мы обнимали друг друга. Объятия, похоже, универсальный язык общения между настоящими друзьями. Оота сказал:

— Мы не могли дать тебе ничего такого, чего бы у тебя и так не было, но нам кажется, что, даже если мы не смогли что-то тебе дать, ты научилась принимать, воспринимать и брать от нас. В этом наш дар.

Царственный Черный Лебедь взял меня за руки. По-моему, у него в глазах стояли слезы. Я заплакала.

— Пожалуйста, друг мой, никогда не теряй два своих открытых сердца. Теперь их переполняет понимание и сочувствие к нашему миру и к твоему. Мне ты тоже подарила второе сердце. Сейчас у меня есть знание и понимание, превышающее все, что я мог себе представить. Наша дружба для меня сокровище. Иди с миром, и пусть наши помыслы защитят тебя.

Его глаза светились внутренним светом, когда он с глубоким чувством добавил:

— Мы встретимся с тобой снова, но уже без наших неуклюжих тел.

30. Хеппи-энд?

Уходя от них все дальше и дальше, я понимала, что моя жизнь уже никогда не будет такой простой и наполненной смыслом, какой она была все эти месяцы, и часть меня всегда будет жалеть, что нельзя вернуться назад.

Я потратила почти весь день, чтобы дойти до города. Я даже не представляла, как сумею добраться из этого города (даже не знала, как он называется) до дома, который снимала. Я видела дорогу, но подумала, что вряд ли разумно идти вдоль нее, так что продиралась сквозь придорожные кусты. В какой-то момент я повернулась и поглядела назад, и в то же мгновение откуда ни возьмись налетел порыв ветра. Будто гигантской метлой замело мои следы на песке. словно перевернулась страница моей жизни на краю света. Постоянный наблюдатель, бурый сокол, спикировал над моей головой, как раз когда я подошла к городу.

Вдалеке показался пожилой человек. На нем были синие джинсы, футболка, заправленная в штаны, пояс стягивал округлый животик, на голове старая, поношенная зеленая шляпа. Он не улыбнулся, когда я подошла; напротив, его глаза расширились от изумления.

Вчера у меня было все необходимое для жизни: еда, одежда, кров, забота о здоровье, друзья, музыка, развлечения, поддержка, семья, много-много радостного смеха — и все это даром. Теперь этот мир исчез.

Сегодня я была совершенно беспомощной, хоть проси милостыню.

Ведь все, что нужно для жизни, здесь надо покупать за деньги. У меня не оставалось выбора: я всего лишь грязная, потрепанная нищенка, у которой не было даже шляпы для сбора подаяния. Но я знала о том, что на самом деле может скрываться под личиной оборванца. В ту минуту мое отношение к бездомным изменилось раз и навсегда.

Я подошла к австралийцу и спросила:

— Можно занять у вас немного мелочи? Я только что вышла из буша, и мне нужно позвонить. У меня нет денег. Если вы скажете мне свое имя и дадите адрес, я верну вам деньги.

Он просто пялился на меня, и так пристально, что вся кожа на его лбу собралась в гармошку. Потом он залез в правый карман, достал монетку, при этом левой рукой он зажимал нос. Я осознавала, что воняю. Прошло уже недели две со дня моей ванны без мыла в крокодильем бассейне. Он потряс головой: мол, возвращать не надо, и быстро зашагал от меня.

Миновав несколько улиц, я увидела кучку школьников. Они ждали автобус, видно, возвращались из школы домой. Все были чистенькие, одинаково одетые, типичные австралийские школьники. Только обувь как-то отражала их личные вкусы. Они уставились на мои необутые ноги, теперь напомиравшие скорее копыта, нежели изящные женские ножки. Я знала, что выгляжу ужасно, и могла только надеяться, что мой внешний вид никого не отпугнет: одежды почти нет и волосы нечесаны больше четырех месяцев. Кожа лица, плечи и руки так часто обгорали, что я вся была в веснушках и пятнах. И, кроме того, мне уже недвусмысленно дали понять, что от меня несло!

— Простите, — сказала я, — я только что вышла из буша. Скажите, где ближайший телефон, и может кто-нибудь знает, где находится телеграф?

Их реакция меня подбодрила. Они не испугались, только их распирало от желания смеяться и хихикать. Мой американский акцент подтвердил распространенное среди австралийцев убеждение:

все американцы с приветом. Мне сообщили, что в двух кварталах есть таксофон.

Я позвонила в свой офис и попросила переслать денег. На другом конце провода мне сообщили адрес телеграфной компании. Я прошла туда. Судя по выражениям лиц служащих, их предупредили, что появится кто-то очень необычного вида. Сотрудница неохотно отдала мне деньги без предъявления удостоверения личности. Я взяла пачку банкнот, а она побрызгала и меня, и стойку каким-то дезинфицирующим средством.

С пачкой денег в руках я на такси доехала до большого оптового универмага и купила себе штаны, рубаху, вьетнамки, шампунь, расческу, зубную пасту, зубную щетку и заколки. Таксист остановил машину у открытого рынка, где я набрала целый пакет свежих фруктов и полдюжины картонных упаковок сока. Потом он подвез меня к мотелю и подождал, пока меня впишут. Мы оба сомневались, позволят ли мне войти, но, очевидно, деньги оказались красноречивее, чем моя сомнительная внешность.

Я пустила воду и благословила ванну. Пока она наполнялась, я позвонила в авиакомпанию и заказала билет на самолет на завтра. Следующие три часа я провела в ванне, блаженно отмокая и перебирая в памяти события последних трех лет, особенно последних нескольких месяцев моей жизни.

На следующий день я села в самолет. Мои лицо и волосы были чистыми, хотя прическа — просто ужас! Плюс к тому я ковыляла во вьетнамках, которые пришлось обрезать, чтобы они налезли на мои наросшие «копыта». Однако пахла я чудесно. Все деньги, какие у меня были, я запахала в рубаху, так как забыла купить одежду с карманами.

Хозяйка квартиры была рада меня видеть. Она все уладила с собственниками дома, пока я отсутствовала. Проблем не было — просто нужно было заплатить задолженность по квартплате. Удивительно дружелюбный австралиец, выдавший мне телевизор и видеомагнитофон напрокат прямо перед моим отъездом, даже не прислал уведомление и не попытался вернуть свое оборудование. Он тоже был рад меня видеть. Он знал, что я не уеду, не вернув его товары и не уплатив по счету. Мой проект был еще не завершен, и мне следовало бы им заняться. Участники проекта шутили и спрашивали, может, я увлеклась поиском опалов и не захочу теперь возвращаться в офис. Оказывается, с владельцем джипа договорились так: если Оота и я не вернемся, то он отправится за своей машиной в пустыню, а потом позвонит моему начальству. Он объяснил им, что я отправилась в странствие, а это означало путешествие в безвременье аборигенов: пункт назначения неизвестен. Им ничего не оставалось, кроме как

смириться с моими действиями. Никто другой не мог завершить проект, так что он дождался моего возвращения.

Я позвонила дочери. Она с облегчением и восторгом узнала обо всем, что со мной приключилось, и призналась, что у нее ни разу не возникало чувства тревоги по поводу моего исчезновения. Дочь была уверена, что если бы мне грозила какая-то реальная беда, она бы как-нибудь это ощутила. Я открыла накопившуюся почту и узнала, что один родственник исключил меня из рождественского обмена подарками! По его мнению, не было никаких причин, извиняющих меня за то, что я не прислала подарки на Рождество.

Понадобилось долго отмокать в ванне, тереть стопы пемзой, втирать кремы, пока я снова смогла надевать чулки и носить обувь. Отмершие ткани пришлось даже срезать электрическим ножом!

Я вдруг поняла, что испытываю благодарность за самые банальные вещи, например за бритву, чтобы бриться подмышками, за матрас, за рулон туалетной бумаги.

Я старалась снова и снова рассказать людям о племени, которое стало мне так дорого. Об их образе жизни, об их системе ценностей и, самое главное, об их тревожном послании, касающемся нашей планеты. Каждый раз, когда я читала что-то новое в газете о том, насколько серьезный вред мы наносим окружающей среде, и о предсказаниях того, что самая зеленая и буйная растительность может быть выжжена дотла, я понимала: и в самом деле, Истинное племя просто вынуждено уйти. Оно и так едва держится на той пище, которую добывает, что уж говорить о солнечной радиации и ее последствиях. Они правы: мы, люди, сами не создаем кислород; это умеют делать только растения. По их словам, «мы уничтожаем душу земли», уничтожая их. Технический прогресс и человеческая жадность выпустили из бутылки джинна великого невежества, который грозит погубить все живое на Земле, и эту болезнь может излечить лишь благоговение перед природой. Истинное племя заслужило право не продолжать свой род на этой, уже и так перенаселенной планете. От начала времен они оставались исполненными истины, честными, мирными людьми, которые всегда верили в свою связь с Вселенной.

Вот чего я не понимала: почему никто, с кем бы я ни говорила, не интересовался системой ценностей Истинного племени! Да, усвоить то, чего не знаешь, принять то, что кажется чужеродным, страшно. Но я старалась объяснить, что это дает нам возможность расширить границы собственного восприятия; это поможет решить наши общественные проблемы, даже исцелить болезни. Все были глухи к моим

словам. Австралийцы ушли в оборону. Даже Джефф, как-то намекавший, что позвал бы меня замуж, и тот не желал мириться с тем, что мудрости можно научиться у каких-то аборигенов. Он как бы хотел сказать: это здорово, что ты набралась такого уникального опыта, пережила разные приключения, но теперь начинай-ка оседлую жизнь в привычной тебе женской роли. Однако настало время, и я покинула Австралию, завершив свой проект в области здравоохранения и так никому толком и не рассказав про Истинное племя.

Похоже, следующий этап моего пути был вовсе не в моей власти, меня будто вела высшая сила.

В самолете, летевшем в Соединенные Штаты, напротив меня сидел человек, с которым у нас завязался разговор. Это был бизнесмен средних лет — такое пузо, будто вот-вот лопнет! Мы болтали на разные темы и, наконец, заговорили про коренных австралийцев. Я рассказала ему о своих приключениях на краю света. Он внимательно слушал, но его итоговое замечание выражало все ту же реакцию, с которой я сталкивалась до сих пор. Он сказал:

— Ну, никто из нас даже не знал, что этот народ вообще существует, и если они уходят, что с того? Честно говоря, думаю, всем на это наплевать. Кроме того, — добавил он, — их идеи противоречат нашим, а разве могут миллионы людей ошибаться?

Несколько недель мои мысли о чудесных Истинных Людях были плотно упакованы и накрепко запечатаны в моем сердце. Я держала рот на замке. Эти люди так прочно вошли в мою жизнь, что мне не хотелось «метать бисер перед свиньями», если, как я чувствовала, вероятность скептической реакции была столь велика. Постепенно, однако, я стала понимать, что мои старые друзья по-настоящему этим заинтересовались. Некоторые просили меня проводить беседы о моем уникальном опыте с более широкой аудиторией. Реакция всегда была одинаковой: слушатели сидели как замороженные. Они понимали, что того, что сделано, уже не воротишь, но многое еще можно изменить.

Истинное племя покидает нас, но нам было оставлено их послание, невзирая на нашу привязанность к «подливкам» И «глазури». Не то чтобы мы хотели убедить племя остаться, возобновить деторождение. Это не наше дело. О чем нам следует позаботиться в первую очередь — так это о том, чтобы применить их миролюбивую, осмысленную систему ценностей на практике. Я знаю, у каждого из нас две жизни: одна — это та, когда мы учимся, а вторая — это жизнь после учебы. Пришло время услышать стоны наших братьев и сестер и голос самой земли, которая стонет от боли.

Возможно, будущее нашего мира находилось бы в лучших руках, если бы мы, вместо того чтобы открывать что-то новое, сосредоточились на возвращении к истокам.

Племя не критикует наши современные изобретения. Оно с уважением относится к тому факту, что бытие человека — это самовыражение, творчество и приключение. Но они серьезно полагают, что в поиске знаний Искаженные должны руководствоваться и старым добрым принципом «Если это будет высшим благом для всего живого». Они надеются, что мы изменим свое отношение к материальной собственности и найдем ей соответствующее применение. Они также верят, что человечество находится ближе к переживанию рая на Земле, чем когда бы то ни было. У нас есть технология, которая позволит накормить каждого человека, и знания, чтобы предоставить всем средства выражать себя, ощущать собственную ценность, чтобы обеспечить кров и многое другое для всех людей на Земле, если мы только этого захотим.

При одобрении и поддержке со стороны моих детей и близких друзей я начала записывать свои воспоминания о том, что пережила на краю света. Я также стала читать лекции повсюду, куда бы меня ни приглашали, — в правительственных учреждениях, в тюрьмах, в церквях, в школах и т. д. Реакция была неоднозначной. Ку-клукс-клан увидел во мне врага; другая группировка, пропагандирующая господство белых, в Айдахо развесила расистские лозунги на стоянке неподалеку от здания, в котором я выступала. Некоторые ультраконсервативные христиане после моей лекции подходили и говорили, что, по их мнению, аборигены — язычники, и потому им уготована прямая дорога в ад. Четыре работника ведущей австралийской телевизионной программы прилетели в США, просидели всю лекцию в боковой комнатке и попытались дискредитировать все, что я рассказала. Они утверждали, что ни один абориген в дикой местности не укрылся от переписи населения. Они называли меня обманщицей. Но каждый раз все чудесным образом уравнивалось. После очередного гадкого комментария находился человек, которому хотелось узнать подробнее про общение при помощи мыслей, как научиться владеть искусством иллюзии, чтобы не применять оружие, кто-то хотел больше узнать о системе ценностей и о других техниках, которыми владеет Истинное племя.

Люди часто спрашивают, как этот опыт изменил мою жизнь. Отвечаю: глубочайшим образом. После того как я вернулась в Соединенные Штаты, умер мой отец. Я стояла рядом, держала его руку, чтобы он знал, что я люблю его и поддерживаю в его путешествии. Через день после похорон я попросила у мачехи что-нибудь на память о нем — запонку, галстук, старую шляпу, хотя бы что-то. Она отказала.

«Для тебя тут ничего нет». Вместо того чтобы обидеться, как я поступила бы раньше, я отреагировала иначе: мысленно благословила ее душу и в последний раз покинула отчий дом, благодарная и гордая за свое бытие. Взглянув в чистое голубое небо, я подмигнула отцу.

Теперь я считаю, что не получила бы того урока, если бы моя мачеха с любовью сказала: «Само собой, в этом доме полно вещей твоих родителей. Возьми что-нибудь на память об отце». Это тот ответ, которого я ожидала. Но я уже не та, что прежде! И когда мне отказали в том, что я считала своим по праву, я осознала, что у всякой медали есть две стороны. Истинные Люди говорили мне, что единственная возможность пройти испытание — пойти на испытание. В своем нынешнем состоянии я могу заметить возможность прохождения духовного испытания, хотя ситуация и окажется неприятной, критической. Одно дело видеть, что происходит, другое — судить об этом. Я усвоила: все, что нас окружает, предоставляет возможность для духовного развития.

Недавно один человек, который был на моей лекции, хотел познакомить меня с кем-то из Голливуда. Дело было в январе, в Миссури, холодной снежной ночью. Мы обедали, и я много часов подряд рассказывала о своих приключениях, пока Роджер и другие гости ели и пили кофе. На следующее утро он позвонил, чтобы обсудить возможность создания фильма.

— Куда ты делась вчера? — спросил он. — Мы заплатили по счету, взяли одежду в гардеробе, стали прощаться, и тут кто-то заметил, что ты исчезла. Мы поискали на улице, но ты просто исчезла — не было даже следов на снегу!

— Да, — ответила я. Ответ возник, будто слова на незастывшем бетоне: — Я намерена остаток своей жизни применять знания, которые получила на краю света. В том числе и растворяться в воздухе!

* * *

«Я, Бурнам Бурнам, австралиец-абориген племени Вурундъери, настоящим заявляю, что прочитал каждое слово книги „Послание с того края света“.

Это первая книга в моей жизни, которую я прочитал, не отрываясь, „от доски до доски“. Прочел с большим восторгом и уважением. Это классика и оправдывает доверие, оказанное автору нами, Истинными Людями. Наша система ценностей и тайные духовные откровения изображены так, что заставляют меня самого гордиться своим наследием.

Рассказав миру о своих приключениях, автор исправил историческую несправедливость. В шестнадцатом веке английский исследователь Уильям Дампир отзывался о нас как о народе „наиболее примитивном и убогом на всей земле“. „Послание...“ возносит нас на более высокий уровень сознания и делает царственным и великим народом, каковым мы на самом деле являемся».

(Из письма Бурнама Бурнама, старейшины племени Вурундъери.)

Пара слов от издателя

«Послание с того края Земли» — повесть о мистическом путешествии американки по просторам ненаселенной части Австралии, в небольшом забытом племени, которое называет себя Древними, или Истинными Людями. Четыре месяца, которые немолодая уже, избалованная чудесами цивилизации женщина-медик проводит в условиях безводной выжженной пустыни, преподносят ей уникальные, невероятные уроки мужества, принятия и выдержки. И, самое главное, героиня проходит ежедневную проверку собственной способности ценить каждый миг жизни, находить вдохновение в любом человеке и событии, пребывать в гармонии с природой, по-настоящему сливаясь с ней. Это путешествие переворачивает всю ее жизнь, а книга, написанная по впечатлениям от этого приключения, становится посланием всему человечеству...

Удивительно, какие страсти могут подчас бушевать вокруг небольшой книги о пеших странствиях... «Послание с того края Земли» уже десять лет вызывает ожесточенные споры и самые полярные отзывы среди читателей, критиков, антропологов, педагогов и путешественников. Книга собрала весь мыслимый диапазон мнений, возможных о каком-либо литературном труде: от поливания грязью и личных нападок на автора до восхищения и преклонения. «Посланию...» посвящены многочисленные внушительные обзоры в Интернете и в периодической прессе. На творческих встречах преданные поклонники и последователи до сих пор схлестываются в жесточайших дискуссиях с ярыми противниками и обличителями.

Вот лишь некоторые из тысяч уже выраженных мнений читателей:

...Это замечательная история. Рекомендую любому, кто не обижается на разницу в человеческих культурах и готов услышать послание этой книги...

~

...Г-жа Морган все-таки извинилась перед делегацией австралийских аборигенов, но эти извинения не остановили ее от написания второй, не менее идиотской книги...

~

...«Послание С того края Земли» — книга о жизненном опыте, ведущая читателя прочь от современных социальных фасадов. Она почти требует ревизии твоих собственных внутренних ценностей...

~

...Марло Морган, вы — позорище. Эта книга вызвала во мне устойчивое отвращение. Хуже не придумать. Все, что вы написали, — огромная мерзкая ложь. Лучше держаться подальше от подобной бессмыслицы...

~

...Эта книга плавит мозги, особенно тем, кто уже забыл истинное, самое основное назначение жизни... «Послание...» не имеет сильного сюжета или яркой развязки, но все это с лихвой искупается в самом посыле, через поднятые темы и используемый символизм...

~

...Примечательно, как люди могут ломать копья в дебатах типа «факты против вымысла». Единственное, что я могу сказать с уверенностью: книга резонирует с чем-то очень глубоким во мне.

~

...Это вершина расизма — предположить, что аборигенное население нуждается в спасении какой-то белой женщиной из среднего класса! Запретить эту книгу!..

~

...Эта книга мне нравится все больше и больше. Для меня она — потрясающее вдохновение! Очень рекомендую. Вы не сможете забыть ее. Она всякий раз будет открываться вам новой гранью, при каждом следующем прочтении...

~

...Как художественное произведение книга заслуживает внимания. Но лучше иметь в виду, что эта книга — вымысел, а не изложение фактов. Ее уже опротестовало сообщество аборигенов Австралии

как сфабрикованное свидетельство, возмутительно эксплуатирующее их культуру...

~

...Я не представляю себе, как можно остаться не затронутым, не измененным и не вдохновленным после прочтения этой книги. Кажется, можно прямо-таки услышать и почувствовать самому все те прозрения, которые даже не вошли в книгу. Встретиться с автором — это настоящая мечта...

~

...Если подвести черту, то эта книга — этнографическое очковтирательство, которое, тем не менее, содержит в себе источник глубокого экзистенциального вдохновения...

Неудивительно, что книга, вызвавшая такой, мягко говоря, оживленный читательский отклик, держалась в списке самых продаваемых книг Нью-Йорк Таймс 31 неделю. Она была опубликована в 24 странах, становясь в каждой из них бестселлером! Может, все дело, как всегда, в раздутом журналистами скандале вокруг этой книги? Или в умелой политике раскрутки, подчас поднимающей на пик популярности вполне посредственную печатную продукцию?

Есть подозрение, что не все так просто. Отзывы о «Послании...» убедительно свидетельствуют: книга не оставляет равнодушным практически ни одного, кто хоть раз взял ее в руки; она провоцирует в читателе взрыв мыслей и чувств; всякий соприкоснувшийся с ней, закрыв ее, не остается прежним. Вероятно, именно это и является критерием настоящей «бестселлерности»? И, в таком случае, насколько существенно — факт или авторский вымысел ждет читателя за титульным листом?